

**ПРИЧИНЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

В сборнике публикуются статьи советских и зарубежных историков по проблемам возникновения второй мировой войны. На основе достижений науки с привлечением новых архивных документов раскрываются причины второй мировой войны, освещается опыт борьбы СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе. Большое место отведено полемике с буржуазными фальсификаторами истории.

Редколлегия:

<i>Е. М. Жуков</i>	— ответственный редактор;
<i>Ю. В. Бромлей, П. А. Жилин, Г. Д. Кожков, О. А. Ржешевский, С. Л. Тихвинский</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

П. Н. ФЕДОСЕЕВ

Более 40 лет прошло с тех пор, как мир был ввергнут во вторую мировую войну — самую разрушительную и кровопролитную из войн в истории человечества. Война продолжалась 6 лет, в ней участвовало 61 государство. Бедствия и страдания, которые испытали народы, неисчислимы. В огне войны погибло более 50 млн. человек.

Сегодня, в условиях резко обострившейся международной обстановки в результате агрессивных действий американского империализма и его союзников по НАТО, мы возвращаемся к анализу событий, предшествовавших второй мировой войне, прежде всего с тем, чтобы выяснить, почему человечеству не удалось ее предотвратить. По существу это есть вопрос об уроках, которые вытекают из событий тех лет, о том, что следует предпринять, чтобы война никогда не смогла бы повториться.

В анализе и исследовании этих проблем важная роль принадлежит исторической науке. Во многих странах за прошедшие годы были опубликованы многочисленные документальные свидетельства, изданы серьезные научные труды, в которых исследуются важные и актуальные вопросы предыстории войны, причины ее возникновения и ее уроки.

Советская историческая наука достигла в разработке этих проблем новых рубежей. В 1981 г. Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР (Председатель комиссии — член Политбюро ЦК КПСС А. А. Громыко) опубликованы «Документы и материалы кануна второй мировой войны» (в 2-х т.). Завершается издание 12-томного академического труда «История второй мировой войны, 1939—1945» (Председатель Главной редакционной комиссии — член Политбюро ЦК КПСС Д. Ф. Устинов). Из работ, освещающих вопросы внешней политики и международных отношений кануна и периода войны, следует также отметить «Историю внешней политики СССР» (в 2-х т.), опубликованную в 1980 г. четвертым изданием.

Эти труды привлекают внимание не только в СССР, но и за рубежом. Они обогащают мировую историческую науку крупными открытиями, утверждают правду о причинах второй мировой войны и великом подвиге советского народа, спасшего человечество от угрозы фашистского порабощения.

Вторая мировая война, по нашему убеждению, не была неотвратимой, фатально неизбежной. В мире уже тогда были силы и возможности если и не избежать войны, не избавиться от военных авантур агрессивных государств, то во всяком случае ограничить разрастание военной катастрофы, обуздать агрессоров.

Конечно, международное положение перед войной было исключительно сложным. Мировое развитие 20—30-х годов характеризовалось наличием двух групп противоречий. В обстановке углубления общего кризиса капитализма внутри капиталистического мира резко обострились противоречия в борьбе за мировое господство. Это привело к складыванию двух противостоящих друг другу блоков империалистических государств: Германия, Италия и Япония, с одной стороны, Великобритания, Франция и США — с другой. В то же время важнейшим фактором мировой политики явилось противоречие между противоположными социальными системами: капитализмом и социализмом. Правящие круги капиталистических государств стремились объединиться на основе антикоммунизма и враждебности к Стране Советов.

Как известно, непосредственным зачинщиком войны была фашистская Германия, ее монополии и военные круги. Фашизм развернул политику империалистических захватов и территориальной экспансии. Другим фактором военной агрессии явился японский милитаризм.

Военной угрозе можно было бы противодействовать и не допустить разрушительного мирового бедствия. Что не было сделано для этого и что способствовало развязыванию войны?

Прежде всего правящие круги западных держав недооценили глубину опасности, исходившей от агрессивных сил немецко-фашистского реваншизма и японского экспансионизма. Отсюда — поддержка германских военно-промышленных монополий, потворство милитаризации Германии, попустительство агрессору вплоть до мюнхенской капитуляции. В условиях нарастания военной опасности в Европе и Азии тогдашние руководители Велико-

британии, Франции и США вместо противодействия фашистским агрессорам избрали политический курс на их «умиротворение».

Истинный смысл этой политики, какой бы фразеологией она ни прикрывалась, состоял в антисоветизме ее вдохновителей, в стремлении использовать фашизм для ликвидации или решающего ослабления социалистического государства. Во имя этой цели правящие круги западных стран пренебрегли собственными национальными интересами, ввергнув народы своих стран в страшную катастрофу.

Пагубную роль сыграла лживая пропаганда об угрозе миру со стороны Советского Союза, о защите фашистской Германией Запада от распространения коммунизма.

Роковой оказалась политика отказа западных держав от сотрудничества с Советским Союзом в борьбе против агрессии со стороны фашистско-милитаристского блока.

В такой чрезвычайно сложной обстановке Советский Союз вел последовательную и трудную борьбу за предотвращение войны. Именно в те годы нашей страной была выдвинута концепция коллективной безопасности в Европе как надежное средство и инструмент для предотвращения агрессии и войны. Советский Союз постоянно разъяснял, какую грозную опасность для всех стран и народов несет фашизм, призывал к объединению всех миролюбивых сил для отпора зачинщикам войны.

Решительную борьбу против агрессии и фашизма, против новой мировой войны вели общественные прогрессивные, демократические силы и стран Запада. Самую активную роль в антифашистской борьбе играли коммунисты.

Настойчивые попытки нашей страны и всех миролюбивых сил, предпринятые в 1939 г., помешать возникновению мировой войны не дали, как известно, результатов, так как правительства стран Запада снова отклонили предложения Советского Союза о совместных действиях против фашистской агрессии. В результате человечество дорого заплатило за тот близорукий курс, который проводили тогдашние руководители западных стран.

В ходе развязывания мировой войны стало очевидным, что участники агрессивного фашистского блока стремились к мировому господству и установлению чудовищного «нового порядка», означавшего ликвидацию независимости и суверенитета покоренных государств, лишение

порабощенных народов свободы и элементарных прав, полное уничтожение демократии.

Осознанием со стороны реалистически мыслящих буржуазных кругов этой реальной опасности фашистской агрессии для самого существования их стран явился курс на политическое и военное сотрудничество с СССР. Создание и успешная деятельность антигитлеровской коалиции стали одним из важнейших факторов развития международных отношений периода второй мировой войны.

Общеизвестен тот вклад, который внесли советский народ и народы других стран в разгром фашизма в ходе второй мировой войны; неоспорима решающая роль Советской страны в достижении победы.

Международная обстановка в наше время коренным образом отличается от той, которая существовала в мире накануне войны. Произошли кардинальные сдвиги в соотношении классовых и политических сил в мире. Существует и укрепляется мировое социалистическое содружество, оказывающее своей политикой мира и разрядки важнейшее воздействие на мировое развитие. Десятки стран, освободившихся от колониального гнета в результате успехов национально-освободительного движения, активно участвуют в борьбе за мир, предотвращение войны и пресечение агрессии. В капиталистическом мире действуют влиятельные реалистические круги, которые поддерживают курс на разрядку международной напряженности. Наконец, следует учитывать появление новых видов оружия массового уничтожения, которое создает угрозу глобального уничтожения человечества и вызывает мощное антиядерное народное движение.

На основе анализа всех этих факторов XXVI съезд КПСС выдвинул Программу мира на 80-е годы, которая последовательно проводится Советским Союзом. Хорошо известно, как много было сделано нашей страной для углубления разрядки напряженности, улучшения международной обстановки. Вместе с тем следует помнить, что проблема обеспечения прочного и всеобщего мира, как и ранее, остается одной из наиболее важных задач современности. Воинственные империалистические круги и другие силы реакции, как видно, не способны трезво оценить перемены в мире, понять объективную сущность происходящих в нем процессов. Они активизируют свои действия, направленные на форсирование гонки вооружений и нагнетание международной напряженности. Явно

пытаясь сорвать процесс разрядки и возродить «холодную войну», американская администрация заморозила вступление в силу подписанного в Вене летом 1979 г. советско-американского Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2), резко увеличила военный бюджет и производство различных средств массового уничтожения людей, стремится разместить в Западной Европе ракетно-ядерное оружие средней дальности, разжигает кризисные ситуации в различных районах земного шара. Это свидетельствует, сколь велики еще преграды на пути к устранению угрозы войны, как сложно добиваться позитивных перемен на международной арене, имея дело с политическими представителями монополистического капитала.

В наше время нет международной проблемы более актуальной и жизненно важной, чем проблема устраниения опасности ядерной войны, прекращения гонки вооружений и принятия действенных мер по разоружению. От решения этой центральной проблемы современности зависят судьбы миллионов и миллионов людей, безопасность и само существование целых стран и народов, будущее всего человечества.

Поэтому проблема политических уроков из событий кануна второй мировой войны составляет и сегодня важную и актуальную задачу.

Мы не можем не видеть опасных тенденций в современной мировой политике. Не только не исчезли, а все более дают себя знать претензии правящих кругов США на мировую гегемонию, их установка на милитаризацию и гонку вооружений и агрессивные действия в различных частях света.

Законную тревогу вызывает деятельность реакционных рваншистских сил в Европе и Азии. Большую опасность представляет ставка реакционных кругов на разобщение миролюбивых сил и «психологическую войну», призванную обмануть и запугать народы. Мы имеем в виду прежде всего раздувание этими кругами мифа о «советской угрозе».

Совместные, согласованные действия всех миролюбивых сил — главный фактор предотвращения военной угрозы, пресечения агрессивных планов мировой реакции. Идет ли речь об интервенционистских акциях США по спасению различных реакционных режимов и клик, об агрессии Израиля на Ближнем Востоке, существует ли

угроза миру в результате попыток руководителей НАТО резко усилить гонку вооружений — во всех случаях нужны объединенные усилия миролюбивых сил, требуются постоянное осуждение агрессии и решительная борьба с агрессивными действиями и политикой. В этом — один из основных уроков второй мировой войны.

Исторический опыт показывает, что разногласия и расхождения, существующие между различными, странами и политическими силами, отнюдь не мешают возможности и необходимости объединения усилий всех противников агрессии во имя обеспечения мира и международной безопасности.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев указывал в связи с событиями второй мировой войны: «Уроки войны — это обязывающие уроки. Они учат нас не жалеть усилий в борьбе за то, чтобы не повторилась трагедия прошлого, чтобы мирное небо нашей планеты не обагрилось заревом нового мирового пожара»¹.

Советский Союз осуществляет курс на упрочение дела мира, укрепление единства всех тех сил, которые выступают за международную безопасность.

Изучение и использование исторического опыта борьбы за мир против войны являются важным условием успешного решения этой задачи, имеющей жизненно важное значение для всего человечества.

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978, т. 6, с. 194.

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ *

Е. М. ЖУКОВ

1 сентября 1939 г. началась самая жестокая и кровопролитная война в мировой истории. Подготовленная международным империализмом вторая мировая война 1939—1945 гг. была развязана агрессивным блоком фашистских держав: Германией, Италией и милитаристской Японией. С 1941 г. на полях сражений столкнулись силы самой черной империалистической реакции и противостоявшей ей антифашистской коалиции государств, ведущую роль в которой играла могущественная социалистическая держава — Советский Союз.

Исход второй мировой войны хорошо известен. Ударный отряд мировой империалистической реакции — германский фашизм, его союзники и сателлиты подверглись сокрушительному военно-политическому разгрому. Человечество было спасено от угрозы фашистского порабощения. Прошло уже 40 лет с начала второй мировой войны, но и сейчас полезно напомнить о причинах ее возникновения, о том, какие социальные силы вскормили агрессора и развязали его смертоносную активность.

Вторая мировая война 1939—1945 гг. была порождением империализма в целом, наглядным проявлением глубокого кризиса мировой капиталистической системы, неспособной мирным путем разрешать свои острейшие противоречия. Но эта общая правильная констатация нуждается в конкретизации и уточнении.

* Доклад, прочитанный на научной сессии «Причины происхождения второй мировой войны» 12 сентября 1979 г.

Научное изучение причин возникновения второй мировой войны имеет важное актуальное значение и в настоящее время, так как реакционная буржуазная историография использует все для того, чтобы их исказить и фальсифицировать, скрыть от общественности тот факт, что главным виновником войны — этого чудовищного преступления против народов — является империализм. В существующей на Западе исторической литературе много внимания уделяется тому, что неизбежность второй мировой войны была predetermined результатами первой мировой войны 1914—1918 гг., которые практически лишили Германию статуса великой державы, урезали ее территорию в Европе, ликвидировали колониальную империю и ввели серьезные ограничения в области вооружения. В стремлении Германии к реваншу многие исследователи видят одну из причин возникновения второй мировой войны. Несомненно, нельзя игнорировать значение версальской системы, которая не только не устранила старых коренных империалистических противоречий, но и породила новые, из которых важными явились противоречия между победителями и побежденными. Непосредственной целью правящих кругов Германии сразу же после подписания Версальского мирного договора было стремление освободиться от навязанных ей этим договором тяжелых условий, а также добиться перевооружения страны. Целое поколение немцев воспитывалось в духе реваншизма, необходимости пересмотра и ликвидации ненавистной версальской системы.

Однако было бы неправильно сводить причины возникновения второй мировой войны только к одному этому, хотя и немаловажному фактору. Они лежат значительно глубже, как и причины мировых войн вообще — явления, присущего определенной стадии в развитии капиталистической системы.

В. И. Ленин уделял много внимания коренным причинам империалистических войн. Он обобщил гигантский материал, относящийся к характеристике высшей и последней стадии капитализма, и предупреждал о тех объективных опасностях, которые империализм несет человечеству. Непреходящее значение имеют те положения ленинской теории империализма, которые позволяют понять причины возникновения мировых войн. В. И. Ленин доказал, что первая мировая война 1914—1918 гг. была со стороны обеих коалиций захват-

нической, грабительской, разбойнической войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, «сфер влияния» финансового капитала и т. д.¹

Неравномерность экономического и политического развития капитализма способствовала тому, что завершение к началу XX столетия территориального раздела мира между крупнейшими державами побуждало к стремлению передела в соответствии с изменявшимся соотношением сил. Капиталисты делят мир «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть при капиталистической системе. Переход капитализма в его монополистическую фазу прямо связан с обострением борьбы за переход колоний от одного «владельца» к другому. «Основной особенностью новейшего капитализма, — указывал В. И. Ленин, — является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки все источники сырьевых материалов, и мы видели, с каким рвением международные союзы капиталистов направляют свои усилия на то, чтобы вырвать у противника всякую возможность конкуренции, чтобы скупить, например, железорудные земли или нефтяные источники и т. п.»² Нетрудно заметить как по-современному звучат эти ленинские слова, написанные более 60 лет тому назад.

«При капитализме, — писал далее В. И. Ленин, — немислимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»³ Мирные союзы между империалистами, их коалиции «являются, — отмечает В. И. Ленин, — неизбежно лишь „передышками“ между войнами. Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»⁴. Подчеркивая необходимость всестороннего анализа генезиса войны, В. И. Ленин неоднократно указывал, что надо изучать

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 303—304.

² Там же, с. 380.

³ Там же, с. 417.

⁴ Там же, с. 417—418.

политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к ней, вопрос о том, кому это было выгодно, «из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась и направлялась»⁵. Данный ленинский анализ безусловно необходим для понимания причин возникновения как первой, так и второй мировой войны.

Вторая мировая война возникла как столкновение двух группировок империалистических держав. Однако та общая международная обстановка, в которой развернулась борьба между двумя империалистическими коалициями в 1939 г., обусловленная стремлениями их участников по своему поделить мир и добиться мирового господства, существенно отличалась от положения в 1914 г. Это предопределило глубокие различия между двумя мировыми войнами, хотя обе они были порождением империализма.

Главнейшим и кардинальным различием было то, что капитализма как всеохватывающей и господствующей в мире системы в 1939 г. более не существовало. На международной арене активно выступала могучая социалистическая держава, являвшаяся естественным центром притяжения всех прогрессивных антиимпериалистических сил. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую историческую эпоху, что нашло свое отражение в глубоких переменах в мире, охвативших практически все страны и континенты. Капиталистическая система вступила в полосу общего кризиса, поразившего буквально все сферы ее деятельности. Вырос не только в количественном, но и в качественном отношении международный рабочий класс. По-иному стала выглядеть и проблема империалистического передела мира. Соперничавшие между собой колонизаторы столкнулись с решительным отпором со стороны народов, боровшихся за свою независимость. Воздействие Великого Октября привело к возникновению и углублению кризиса колониальной системы империализма.

Но главное заключалось в том, что существование и вся деятельность Советского Союза как могучего социалистического государства ломали агрессивные планы международных монополий, срывали расчеты империалистических держав, постоянно способствовали разоблачению темных происков инициаторов военных авантур, поощряли народы к отпору захватчикам.

⁵ Там же, т. 32, с. 78.

Вторая мировая война началась в рамках капиталистической системы. Не только со стороны агрессивного фашистского блока, но и со стороны англо-французской коалиции война на ее начальном этапе носила несправедливый империалистический характер. Однако оценивать вторую мировую войну уже в этот период как империалистическую с обеих сторон недостаточно, так как сопротивление народных масс стран, подвергшихся фашистской агрессии, с самого начала носило освободительный характер. Необходимо учитывать, что особую опасность представляли государства агрессивного фашистского блока, развязавшие войну с целью порабощения всего мира и установления грабительского «нового порядка». Поэтому для народов Польши, Югославии и ряда других государств, ставших жертвами фашистской агрессии, война уже с момента ее возникновения приобрела характер справедливой борьбы за свободу и национальную независимость.

Справедливый, освободительный характер второй мировой войны со стороны народов и государств, противостоявших фашистскому блоку, окончательно определился с вступлением в войну Советского Союза, который 22 июня 1941 г. подвергся внезапному и вероломному нападению фашистской Германии и ее союзников. Первая в мире социалистическая держава сыграла решающую роль в борьбе против фашистского нашествия, за свободу, независимость и социальный прогресс всех народов.

В. И. Ленин писал, что и в первой мировой войне присутствовали отдельные элементы справедливой национально-освободительной борьбы (он указывал, в частности, на борьбу Сербии против Австро-Венгрии), но они играли безусловно подчиненную роль и не могли повлиять на общую оценку первой мировой войны как войны империалистической. Совершенно иное положение сложилось в ходе второй мировой войны, которая превратилась в борьбу народов за восстановление их суверенитета, их национальной независимости.

Эта общая оценка допускает, что во второй мировой войне на всем ее протяжении на ее ход активно влияли также межимпериалистические противоречия (это видно на примере англо-германских, франко-итальянских, японо-американских и других межимпериалистических отношений). Но они в целом играли подчиненную роль и не

меняли характера второй мировой войны как войны справедливой со стороны антифашистской коалиции народов и государств.

Советское социалистическое государство родилось под знаменем борьбы за мир, за немедленное прекращение империалистической войны. Ленин и большевики последовательно и целеустремленно проводили внешнюю политику, направленную на обеспечение мира и взаимовыгодное мирное сотрудничество между государствами независимо от их общественного строя. Эта политика мирного сосуществования не была продиктована какими-либо конъюнктурными соображениями. Она исходила из стремления создать максимально благоприятные внешние условия для строительства нового социалистического общества. Советское государство активно добивалось повсеместного отказа от войны как средства разрешения международных конфликтов. «Мы знаем, мы слишком хорошо знаем, какие неслыханные бедствия для рабочих и крестьян несет с собой война»⁶. Вместе с тем Советский Союз никогда не исходил из абстрактного пацифизма. Выдвигая конкретные предложения о полном или частичном разоружении, СССР отдавал себе отчет в том, что отказ от использования оружия не может быть осуществлен в одностороннем порядке.

История империалистической интервенции и блокады Советского государства, осуществлявшихся в первые годы его существования, не оставляла никаких иллюзий в отношении глубокой враждебности капиталистического окружения к советскому строю. Это диктовало необходимость для советских людей быть постоянно готовыми к вооруженной защите социалистического отечества. Молодая советская дипломатия, руководствуясь принципами, сформулированными В. И. Лениным, проявляла со своей стороны большую активность, разоблачая интриги враждебных Советскому Союзу империалистических сил, таившие в себе опасность возникновения мировой войны.

Антинародная политика мировой империалистической реакции систематически толкала ее на путь антисоветских провокаций и авантур. Это объективное обстоятельство весьма существенно сказалось на всем международном развитии после Великой Октябрьской социалистической революции. Оно непосредственно сказалось и на

⁶ Там же, т. 44, с. 297.

судьбах версальской системы, навязанной побежденной Германии государствами Антанты и США в итоге первой мировой войны.

Несомненно, что империалистические соперники Германии, победители в первой мировой войне, были достаточно сильны, чтобы не допускать коренного пересмотра версальского диктата. Однако победа социалистической революции в России явилась мощным ударом по всей капиталистической системе, отразившимся как на странах — победительницах в мировой империалистической войне (прежде всего Англии, Франции, США), так и на побежденных (Германии и ее союзниках). Нельзя считать случайностью, что даже один из главных творцов версальской системы, Жорж Клемансо, проявлял колебания по вопросу о полном разоружении германской армии, полагая, что она еще может оказаться полезной в борьбе с большевиками. Не меньшую «предусмотрительность» демонстрировали в этом отношении и другие версальские «миротворцы», такие, как президент США Вильсон и английский премьер-министр Ллойд Джордж.

Победа Великого Октября вызвала целую серию попыток вооруженной интервенции против молодого Советского государства. «Поход 14 государств» против Советской России выражал самую сущность отношения мировой империалистической буржуазии к победившей в России социалистической революции. Следует также учесть, что навязанный Советской России еще до окончания первой мировой войны германским милитаризмом грабительский Брестский мир сделал Германию самым активным участником всех наиболее агрессивных действий, направленных против первого в мире пролетарского государства. И хотя Германия после своего военного поражения и Ноябрьской революции 1918 г. вынуждена была вывести свои войска с Советской территории, она сохраняла среди империалистических держав репутацию весьма эффективной силы, способной участвовать в спасении капиталистического мира от «большевистской опасности». Это сказалось на многих статьях версальского мирного договора. Франции не удалось осуществить свой первоначальный план поставить Германию на колени. Сыграли свою роль острые межимпериалистические противоречия, в частности явное нежелание победителей — Англии, США, Италии — допустить в какой-либо форме гегемонию Франции в Европе.

Дальнейшее развитие событий явилось показателем обострения империалистических противоречий, развивавшихся, однако, на фоне неуклонного укрепления Советской России — оплота социалистических преобразований и принципиального защитника принципов всеобщего мира и установления взаимовыгодного сотрудничества между народами.

Ленинская внешняя политика мира лежала в основе многократных выступлений Советского государства в пользу разоружения, развития мирных торговых отношений между странами независимо от их социального строя. Значительным успехом ленинской внешней политики было подписание Рапалльского договора между Советской Россией и Германией в 1922 г. Его заключение — пример использования советской дипломатией межимпериалистических противоречий, и в частности неравноправного положения Германии среди других империалистических держав. Вполне понятно, что Рапалльский договор, вызвавший в свое время немалый переполох в стане мировой реакции, не мог ни изменить природы империалистической Германии, ни превратить ее в союзника Советской России. Речь шла о воплощении в жизнь ленинского принципа мирного сосуществования государств с различными социальными системами, о конкретном успехе советской дипломатии в использовании бреши в системе межимпериалистических взаимоотношений, чтобы тем самым ослабить и отодвинуть опасность военного столкновения социалистического государства с враждебным капиталистическим окружением⁷.

Уже в конце 1923 г. английская и американская дипломатия, напуганная подъемом революционного движения в Германии, начала активно поддерживать германские правящие круги, настаивая, чтобы Франция не требовала от Германии полного удовлетворения репарационных поставок, предусмотренных Версальским договором. Был создан специальный комитет экспертов под председательством американского банкира Дауэса, который подготовил доклад о необходимости стабилизации германской экономики путем предоставления Германии крупного займа в размере 800 млн. марок золотом. На

⁷ См.: История внешней политики СССР. 2-е изд./Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. М., 1976, ч. 1. 1917—1945, с. 170—172.

Лондонской конференции 1924 г. был официально принят «план Дауэса», означавший полное изменение курса западных держав в отношении Германии. Французские войска были выведены с германской территории. В 1924—1932 гг. под прямым покровительством Великобритании и США происходило восстановление германского промышленного и военного потенциала. Общая сумма внешних займов, полученных Германией за эти годы, составила свыше 31 млрд. золотых марок (в то время как репарационные платежи ограничились 11 млрд. золотых марок). Таким образом, финансовая «инъекция» английских и американских капиталов в восстановление германского военно-экономического потенциала и перевооружение Германии составила громадную сумму в 20 млрд. золотых марок. Это привело к быстрому возрастанию политических амбиций Германии на международной арене. Германское правительство официально обратилось в Лигу наций с требованием признания равноправия в области вооружений и передачи Германии мандатов на управление утраченными ею в войне 1914—1918 гг. колониями.

Осенью 1925 г. в Локарно состоялась международная конференция с участием Англии, Франции, Италии, Бельгии, Германии, Польши и Чехословакии. Последние два государства были тесно связаны военными соглашениями с Францией. Локарнская конференция, изображавшаяся ее организаторами как забота об укреплении мира в Европе, на самом деле была продиктована стремлением сблизить Германию с западными державами, с целью изоляции Советского Союза и организации новой антисоветской интервенции⁸. Решения конференции предусматривали гарантию со стороны Англии и Италии исключительно западных границ Германии (с Францией и Бельгией), но совершенно не затрагивали ее восточных границ (с Польшей и Чехословакией). Таким образом, в этих решениях была уже заложена получившая позднее свое открытое выражение идея о «свободе рук» для империалистической Германии в восточном направлении. «Относительная стабилизация и так называемое „замирение“ Европы под гегемонией англо-американского капитала,— говорилось в резолюции, принятой XIV съездом ВКП(б) по Отчетному докладу ЦК,— привели к целой системе экономических и политических блоков, последним

⁸ Локарнская конференция, 1925 г. М., 1959, с. 309.

из которых является конференция в Локарно и так называемые «гарантийные договоры», острием своим направленные против СССР»⁹.

Советское государство принимало меры хотя бы к частичной нейтрализации Локарнского пакта. Так, в 1926 г. между Германией и СССР был заключен договор о ненападении и нейтралитете. На подготовительной конференции в Женеве в 1927 г.¹⁰ Советский Союз внес предложение о всеобщем и полном разоружении. По инициативе СССР был подписан протокол с рядом соседних государств о немедленном вступлении в действие «пакта Бриана — Келлога» об отказе от войны как от средства национальной политики¹¹.

Тем не менее при активном содействии английской и американской дипломатии продолжался процесс усиления империалистической Германии. По «плану Юнга» 1930 г., а затем на Лозаннской конференции 1932 г. Германия фактически полностью освободилась от выплаты всяких репарационных платежей. Англия, США, Франция и Италия официально признали «принцип равноправия» Германии в области вооружений.

Германия все явственнее становилась мощной милитаристской державой. Германские империалистические монополии, а также руководство рейхсвера, которые ранее несколько скептически относились к претензиям Гитлера на политическое руководство, меняют свое отношение к его авантюристической военной программе. Одновременно Гитлер старался убедить западные капиталистические державы в том, что его главной задачей является борьба с революционной опасностью, уничтожение большевизма и ликвидация первого социалистического государства. В официальных выступлениях, в прессе германские фашисты открыто провозглашали курс на войну с СССР. Compliments по адресу западных держав (в первую очередь Англии) сопровождались фактически только одним требованием — вернуть Германии ее бывшие колонии.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954, ч. 2, с. 74.

¹⁰ Подготовительная комиссия к всеобщей конференции по разоружению (1926—1930) была создана 12 декабря 1925 г. на XXXVIII сессии Совета Лиги наций с целью подготовки проекта конвенции по сокращению и ограничению вооружений.

¹¹ История внешней политики СССР, ч. 1, с. 255—256.

Реакционная верхушка капиталистических монополий западноевропейских стран начала все более открыто связывать возможность прихода гитлеровцев к власти в Германии с перспективой агрессивной войны против СССР. Общая международная обстановка резко ухудшилась.

После прихода к власти нацистов в 1933 г. Германия официально отказалась от всякого участия в Международной комиссии по разоружению и вышла из Лиги наций. Фашистское руководство при попустительстве Англии и США продолжало всячески укреплять и совершенствовать свою военную машину, воссозданию которой было положено начало щедрым золотым дождем англо-американских займов.

Осенью 1931 г. милитаристская Япония напала на Китай и оккупировала Маньчжурию. Империалистические соперники Японии, прежде всего США и Англия, ограничились словесными протестами против разбойничьих действий японской военщины. Они руководствовались при этом иллюзорными представлениями о том, что главная цель японской оккупации Маньчжурии — подготовка к нападению на СССР.

Безнаказанность японского агрессора действовала окрыляющим образом на германских и итальянских фашистов, усиливавших собственную подготовку к войне. Германские и итальянские фашистские правители продолжали последовательно добиваться у западных держав все новых и новых уступок в области перевооружения. Плебисцит, проведенный по решению Лиги наций в промышленно развитой Саарской области, обеспечил ее переход в руки Германии.

В марте 1935 г. гитлеровская Германия официально отказалась от всех военных статей Версальского договора и ввела всеобщую воинскую повинность. Англия подписала морское соглашение с Германией, согласно которому устанавливалось соотношение военно-морских сил обеих стран в пропорции 100 : 35, тем самым она санкционировала нарушение Гитлером военных ограничений Версальского договора и поощряла Германию к перевооружению. Это было одним из первых крупных актов британской политики «умиротворения» фашистской Германии. Наконец, в марте 1936 г. Германия в одностороннем порядке расторгла «гарантийный» Локарнский договор и оккупировала Рейнскую область.

Казалось бы, что все эти агрессивные акции нацистской Германии должны были вызвать ответные шаги западных держав. Однако их руководители были заморожены идеей о том, что рождается, наконец, та сильная милитаристская Германия, которая способна противостоять Советскому Союзу, и потому следует если не открыто поощрять, то во всяком случае терпимо относиться к фашистской военной активности.

Фашистская Италия, значительно уступавшая по силе гитлеровской Германии, в свою очередь спешила воспользоваться благоприятной для нее международной обстановкой. Осенью 1935 г. она напала на Эфиопию. Этот разбойничий акт вызвал весьма слабую реакцию со стороны Англии, Франции и США. В мае 1936 г. Муссолини объявил о «присоединении» Эфиопии к Италии. Советский Союз, исходя из принципов коллективных действий, направленных на отпор фашистской агрессии, решительно выступил в защиту независимости и суверенитета Эфиопии и осудил агрессора¹².

В июле 1936 г. вспыхнул мятеж, организованный генералом Франко против законного правительства республиканской Испании при активной поддержке нацистской Германии и фашистской Италии. Гитлер и Муссолини немедленно пришли на помощь франкистским мятежникам. Не ограничиваясь посылкой им различного оружия, фашистская Италия отправила на поддержку Франко экспедиционный корпус, насчитывавший 150 тыс. солдат и офицеров. Гитлеровская Германия послала войска численностью в 50 тыс. человек, бросила против республиканского правительства лучшие силы своей авиации. Англия и Франция, несмотря на прямую угрозу их интересам в связи с германо-итальянской интервенцией в Испании, заняли позицию фактической поддержки мятежника Франко. Правительство США распространило на Испанию действие «закона о нейтралитете», запрещавшего продажу оружия воюющим странам. Вследствие этого республиканское правительство Испании было лишено возможности его закупки в США для законной самообороны. В то же время американские монополии оказывали обширную помощь мятежнику Франко.

Национально-революционная война и интервенция фашистских держав в Испании обнажили реакционную сущ-

¹² Документы внешней политики СССР. М., 1973, т. 18, с. 561.

ность «политики невмешательства», провозглашенной Англией и Францией. На протяжении почти трех лет (до марта 1939 г.) вооруженные силы Испанской республики вели героическую неравную борьбу против Франко, получавшего непрерывную и всевозраставшую военную поддержку со стороны Гитлера и Муссолини. Единственной страной, оказывавшей помощь республиканской Испании, был Советский Союз, находившийся по отношению к ней в крайне неблагоприятных географических условиях в сравнении с фашистскими державами¹³.

Характерно, что уже 27 февраля 1939 г. Англия и Франция официально признали правительство фашистского мятежника Франко (США — в начале апреля того же года).

Раздавленная фашистами Испания, которую представлял теперь Франко, официально вступила в «антикоминтерновский пакт», прикрывавший военно-политический блок трех фашистских агрессоров: Германии, Италии и Японии.

Позорное поведение Англии, Франции и США во время национально-революционной войны в Испании убедило Гитлера в легкой осуществимости дальнейших территориальных захватов в Европе. Очередной жертвой фашистской агрессии стала Австрия, где местная гитлеровская агентура вела бешеную кампанию в пользу аншлюса, т. е. ликвидации самостоятельного австрийского государства и превращения его в германскую провинцию. На некоторое время на этой почве возникла даже напряженность в отношениях двух союзных фашистских держав: Германии и Италии. Итальянские фашисты претендовали на господствующую роль в Австрии, где они имели собственную и довольно влиятельную агентуру. Однако соперничество двух агрессоров закончилось победой сильнейшего из них — гитлеровской Германии.

Советский Союз, последовательно борясь за мир и независимость других государств от гитлеровской агрессии, решительно осудил захват Австрии фашистской Германией. В заявлении Советского правительства подчеркивалось, что СССР готов «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее раз-

¹³ *Ибаррури Д.* Борьба продолжается.— В кн.: *Солидарность народов с Испанской республикой, 1936—1939.* М., 1972, с. 20—21.

витие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни...»¹⁴.

Англия и Франция, на словах декларировавшие свою оппозицию территориальным изменениям в Европе, недвусмысленно дали понять Гитлеру, что они не станут отстаивать независимость Австрии. Западноевропейским умиротворителям Гитлера казалось, что они проводят дальновидную политику воссоздания мощной милитаристской Германии, способной выступить против СССР и других ненавистных им революционных сил в мире.

Советский Союз неустанно разоблачал тех, кто готовил вторую мировую войну, выступая в защиту свободы и независимости народов, становившихся жертвами фашистской агрессии. В 1935—1937 гг. СССР заключил двусторонние договоры о совместных оборонительных действиях против сил агрессии с Францией и Чехословакией, пакт о ненападении с Китаем. Советский народ многие годы помогал китайскому народу в борьбе против японских захватчиков¹⁵. Советская дипломатия настойчиво боролась за создание эффективной системы коллективной безопасности с целью предотвращения войны.

Однако все предложения СССР, направленные на обуздание совместными усилиями агрессоров в Европе и Азии и сохранение мира, наталкивались на противодействие западных «демократий». На конференции в Брюсселе, созванной Лигой наций в ноябре 1937 г., специально для обсуждения ситуации, сложившейся в Восточной Азии, никаких решений, направленных против Японии, принято не было. Советский Союз выступил на конференции с требованием проведения коллективных мер против японской агрессии, однако западные державы, в первую очередь США и Англия, отказались поддержать советскую инициативу.

Поскольку гитлеровцы почти не скрывали того, что вслед за оккупацией Австрии последует вторжение в Чехословакию, Советское правительство сделало 15 марта 1938 г. официальное заявление о том, что оно готово выполнить свои обязательства, предусмотренные советско-чехословацким пактом¹⁶.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1977, т. 21, с. 129.

¹⁵ История внешней политики СССР, ч. 1, с. 334—335.

¹⁶ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 17.

Гитлеровские захватчики планировали осуществить оккупацию Чехословакии по этапам. Они рассчитывали, что это облегчит оправдание агрессора со стороны Англии и Франции. Поэтому первоначально был выдвинут план передачи Германии Судетской области Чехословакии. Фашистский главарь Судетской области Гейнлейн создал свои военизированные отряды и предъявил ультимативное требование чехословацкому правительству о предоставлении судетским немцам полной автономии. Чехословацкие власти пытались сопротивляться. Требования Гейнлейна были отклонены, и в стране была объявлена частичная мобилизация. Учитывая решительную позицию Советского Союза, недвусмысленно поддержавшего Чехословакию, а также наличие союзного договора с Францией, Чехословацкая республика имела серьезные шансы отстоять свою территориальную целостность. Советский Союз неоднократно заявлял о своей готовности оказать ей военную помощь в отражении фашистской агрессии. 25 мая 1938 г. Советское правительство вновь подтвердило, что в случае нападения на Чехословакию СССР окажет ей необходимую помощь. Такие же заявления были сделаны 25 июня и 22 августа 1938 г. При этом Советский Союз готов был выступить на ее защиту «даже в том случае, если Франция уклонится от выполнения своих союзнических обязательств, но при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и обратиться к СССР за помощью»¹⁷.

Однако лондонские, а вслед за ними и французские реакционные политики руководствовались совершенно иными, противоположными соображениями. Они поспешили прийти на помощь Гитлеру под видом организации «посредничества» между Германией и Чехословакией. Официальный представитель английского правительства Ренсимен, прибывший в июле 1938 г. в Прагу, разработал рекомендации, согласно которым Чехословакия должна была принять германские условия и передать Германии часть Судетской области. Эти рекомендации были поддержаны английским и французским правительствами и даже облечены в форму ультиматума, предъявленного Чехословакии. Так, французские правящие круги не только попрали свои собственные договорные обязатель-

¹⁷ Земсков И. Это никогда не должно повториться.— Коммунист, 1979, № 13, с. 56.

ства в отношении Чехословакии, но и стали соучастниками гитлеровского шантажа. Правительство, стоявшее у власти в Чехословакии, отклонило предложения Советского Союза выполнить свои союзнические обязательства и тем самым спасти страну от катастрофы. «Чехословацкая буржуазия предпочла национальную измену союзу со страной социализма»¹⁸.

Англо-французский ультиматум был принят президентом Чехословакии Бенешем. Это произошло 21 сентября 1938 г. Но уже спустя три дня Гитлер заявил английскому премьер-министру Невиллю Чемберлену, что его не устраивают чехословацкие уступки. 24 сентября он потребовал до 1 октября передать Германии всю Судетскую область.

Надо иметь в виду, что чехословацкая армия представляла в то время значительную силу, была хорошо вооружена. Кроме того, на границе с Германией были мощные укрепления, которые могли быть успешно использованы при обороне страны.

Чехословацкие власти отклонили новый немецко-фашистский ультиматум. Было известно, что 30 советских стрелковых дивизий, танковых и авиационных соединений находятся в полной боевой готовности, чтобы прийти на помощь Чехословакии. Это вызвало значительные колебания у военного руководства вермахта, которое еще не считало в тот момент страну достаточно подготовленной к «большой войне». Существовала объективная возможность положить предел наглым агрессивным действиям гитлеровцев в Европе. Однако империалистической реакции подобная перспектива была совсем не по душе.

29—30 сентября в Мюнхене собралась конференция глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии, на которой состоялась преступная сделка западных держав с фашистскими агрессорами. Последним предоставлялась «свобода рук» в отношении Чехословакии в обмен на лицемерные обещания сохранить мир в Европе.

Значительная часть мировой буржуазной печати хором воспевала мюнхенское соглашение как якобы гарантировавшее длительный мир на Европейском континенте. Невилля Чемберлена изображали великим миротворцем, со

¹⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 472.

стороны империалистической буржуазии ему был оказан триумфальный прием по возвращении в Англию.

Однако все, кто реально оценивал обстановку, видели, что мюнхенское соглашение было не только полной капитуляцией перед гитлеровской Германией, но и предоставляло ей возможность для дальнейших актов агрессии, в первую очередь на востоке Европы.

Глава английского кабинета Н. Чемберлен и французский премьер-министр Э. Даладье совершили в Мюнхене акт величайшего предательства и вероломства в отношении интересов сохранения мира и обуздания агрессора. Мюнхенское соглашение не только приблизило вторую мировую войну, но и сделало ее неизбежной. Лидеры фашистского блока могли убедиться в том, что руководители западных держав не станут препятствовать никаким самым циничным нарушениям существующих договоров, если только это служит целям германской агрессии в восточном направлении, против СССР. «Империалисты Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции,— указывает Л. И. Брежнев,— немало сделали, чтобы после первой мировой войны возродить германский милитаризм и направить его против Советского Союза. А когда с помощью германских монополий к власти пришел Гитлер, открыто провозгласивший курс на войну, западные державы занялись „умиротворением“ агрессора. Они бросали под ноги Гитлеру новые и новые жертвы, лелея надежду, что он двинет свои полчища на Восток, против страны социализма. Сговор в Мюнхене, выдавший фашистской Германии Чехословакию, был наиболее позорным проявлением этого коварного замысла империалистов»¹⁹.

Отдав на растерзание гитлеровцам Чехословакию, мюнхенцы открыли дорогу и для захвата территорий других своих союзников, находящихся на востоке Европы, в первую очередь Польши и Румынии. Мюнхенский сговор был прямо направлен против всеобщего мира и мира в Европе. Гитлеру дали при этом понять, что вполне возможно благоприятное для него рассмотрение вопроса и о восстановлении Германии как колониальной державы.

Признание «законности» немецко-фашистской гегемонии в Европе было настолько откровенно выражено Н. Чемберленом в Мюнхене, что это вызвало протесты со стороны других, более дальновидных представителей бри-

¹⁹ Там же, т. 1, с. 122.

танского империализма. Даже опытные политические лидеры английской буржуазии У. Черчилль и А. Иден, стоявшие на страже интересов Британской империи, хорошо понимали, насколько опасно доверять гитлеровцам. Новым доказательством недалекости и крупного политического просчета западных умиротворителей агрессоров стал разрыв Гитлером призрачных англо-французских гарантий новых чехословацких границ. 15 марта 1939 г. нацисты захватили Прагу, а затем и всю Чехословакию.

В ноте Народного комиссариата иностранных дел от 18 марта 1939 г. Советский Союз решительно осудил гитлеровскую агрессию против Чехословакии. СССР был единственной страной, которая выступила в защиту чешского и словацкого народов.

Начавшиеся в июне 1939 г. секретные переговоры между Англией и Германией обнаружили несовместимость фашистских претензий на мировую гегемонию с сохранением позиций английского империализма. Обе стороны пытались договориться за счет СССР и других стран. Гитлер добивался не только возврата бывших германских колоний, но и безраздельного господства на Европейском континенте. На это не могли согласиться ни в Лондоне, ни в Вашингтоне, ни в Париже. В английских, французских и американских империалистических кругах тем не менее царила уверенность в том, что фашистская Германия открыто выступит против Советского Союза и что в результате этой войны обе страны будут ослаблены и обескровлены. Это безусловно отвечало интересам английских и французских монополий и их заокеанских союзников. Ни Лондон, ни Париж не собирались всерьез считаться со своими союзниками, входившими в пресловутый «санитарный кордон» у границ СССР.

На словах Англия и Франция демонстрировали свое возмущение гитлеровским нажимом на Польшу. Когда 21 марта 1939 г. Германия предъявила Польше ультимативное требование передать ей Данциг и «договориться» о беспрепятственном использовании Германией так называемого польского коридора, Англия и Франция были вынуждены «вспомнить» о своих союзнических обязательствах. 31 марта Англия обещала оказать Польше помощь, если та подвергнется агрессии, а 13 апреля англо-французские «гарантии безопасности» были даны Румынии и Греции.

Советский Союз, неустанно боровшийся с опасностью второй мировой войны, в чрезвычайных обстоятельствах весны и лета 1939 г. выступил с инициативой конкретных совместных действий против немецко-фашистского агрессора в форме военно-политического соглашения трех держав: СССР, Англии и Франции. По приглашению Советского Союза в Москву прибыли военные делегации Англии и Франции. С ними были начаты переговоры о заключении военной конвенции трех держав, конкретно определявшей участие каждой из них в военных мерах по обузданию фашистского агрессора. Советскую военную делегацию на трехсторонних переговорах возглавлял народный комиссар обороны маршал К. Е. Ворошилов. В составе делегации были крупные советские военачальники.

Однако английское и французское правительства показали свое полное нежелание пойти на военное сотрудничество с Советским Союзом. В то время как советское высшее командование дало точное цифровое выражение возможных и реальных военных обязательств, вытекавших из факта заключения военной конвенции, английские и французские представители систематически уклонялись от уточнения своих позиций и в конце концов вынуждены были признать, что у них отсутствуют полномочия на подписание подобного документа.

Политика умиротворения и пособничества западных держав фашистским агрессорам окончательно сделала вторую мировую войну неизбежной. Гитлеровцам был дан «зеленый свет».

Позднее стало известно, что параллельно с англо-франко-советскими переговорами о военном сотрудничестве Англия продолжала вести секретные переговоры с нацистской Германией по широкому кругу вопросов. Британская дипломатия не теряла надежды найти такую форму соглашения с Германией, которая позволила, хотя бы временно, примирить антагонистические интересы двух соперничающих империалистических держав. Политическая направленность этих английских условий была неизменна: ускорить гитлеровскую агрессию на восток, против Советского Союза.

Для гитлеровского командования становилось очевидным, что, несмотря на изменившийся тон прессы Англии, Франции и США, «осуждавшей» немецко-фашистские провокации в отношении Польши, воевать против Германии западные державы не хотят и не собираются.

Переговоры по экономическим и политическим вопросам немецкого уполномоченного Вольтата с английскими представителями не привели к положительному результату, поскольку Гитлер повседневно убеждался не только в слабости своих соперников, в их склонности к капитулянтству, но и в неспособности отстаивать свои позиции перед лицом постоянно возраставших германских требований²⁰.

Срыв Англией и Францией советско-англо-французских переговоров в Москве летом 1939 г. и одновременно поиски сговора с Гитлером «с черного хода» продемонстрировали вопиющее вероломство западных держав. Поэтому, когда в августе 1939 г. гитлеровская Германия предложила Советскому Союзу подписать договор о ненападении, Советское правительство, чтобы избежать изоляции и предотвратить агрессию против СССР, согласилось вести соответствующие переговоры. 23 августа договор о ненападении был заключен. Советский Союз не был связан никакими обязательствами в отношении западных стран, поскольку все его конструктивные предложения были ими отвергнуты. У советских людей не было никаких иллюзий относительно антисоветских планов гитлеровцев и их союзников по агрессивному «антикоминтерновскому пакту». Подписав с фашистской Германией договор о ненападении, Советское государство получило известный выигрыш во времени, позволявший осуществить дополнительные мероприятия по укреплению обороны страны. Вместе с тем СССР, заключив договор с Германией, дезорганизовал антисоветский фронт международного империализма.

Вторжение 1 сентября 1939 г. германских войск в Польшу было началом второй мировой войны. Польский народ, преданный своими незадачливыми правителями и их союзниками, показал пример героического сопротивления немецко-фашистским разбойникам. Но силы были слишком неравны.

3 сентября правительства Англии и Франции вынуждены были объявить войну фашистской Германии. Однако этот акт оказался во многом формальным. Ни английское, ни французское командование не приняло мер для

²⁰ Подробнее см.: *Безыменский Л. А.* Новые материалы о переговорах Вильсона — Вольтата (лето 1939 г.). — *Новая и новейшая история*, 1979, № 1.

того, чтобы оказать эффективное военное давление на гитлеровских агрессоров. Началась так называемая «странная война», при которой пассивность союзного англо-французского командования являлась продолжением политики, рассчитанной на то, что настоящая война разразится только против СССР — на востоке Европы. Гитлеровцев как бы приглашали к тому, чтобы они продолжали развивать свою боевую активность на ближайших подступах к Советскому Союзу. Мало того, политические и военные руководители Англии и Франции демонстрировали свою готовность присоединиться к фашистским государствам в их походе на Союз Советских Социалистических Республик. Публиковались или предавались гласности стратегические планы западных держав использовать Финляндию против Советского Союза на севере и Турцию — на юге.

Никаких реальных шагов для того, чтобы оказать помощь Польше, ставшей очередной жертвой гитлеровских агрессоров, ни в Лондоне, ни в Париже предпринято не было.

Ответственность за развязывание второй мировой войны целиком и полностью лежит на международном империализме, который в течение длительного времени накапливал опасный взрывчатый материал и создавал особо благоприятные условия для сформирования и укрепления чудовищной военной машины фашистской Германии. Вся мировая империалистическая реакция откровенно рассчитывала на то, что гитлеровская военная машина окажется тем тараном, при помощи которого может быть разбито и уничтожено первое в мире социалистическое государство.

Расчеты Невилля Чемберлена и других явных и скрытых мюнхенцев на то, что объединительная антисоветская тенденция в политике различных капиталистических стран возьмет в то время верх, оказались иллюзорными. Вторая мировая война началась внутри капиталистической системы, между государствами, принадлежавшими к этой системе. Реакционно настроенные руководящие политики Запада недооценили силу межимпериалистических противоречий и дали себя обмануть таким примитивным камуфляжем военно-политического союза фашистских агрессоров, как пресловутый «антикоминтерновский пакт».

Историческая действительность оказалась гораздо сложнее, чем это представляли себе политические лидеры

большинства капиталистических стран. В лице кровавого фашизма на волю оказались выпущены такие разрушительные силы, которые составили прямую угрозу и для тех, кто рассчитывал использовать их в своих интересах. Миллионы людей в капиталистических странах заплатили своими жизнями за то, что их правительства отказались вовремя прислушаться к призывам СССР коллективными действиями оградить мир и безопасность народов, обуздать фашистских агрессоров и предотвратить вторую мировую войну.

Победа над фашизмом явилась прежде всего великим триумфом самого передового общественного строя — социализма. «Дорогой ценой досталась победа. Но годы войны многому научили. Они показали всем, что агрессивные замыслы империалистов, если не пресечь их в зародыше, могут принести неисчислимые бедствия человечеству. Они показали всему человечеству, что главной опорой народов в борьбе с империалистической агрессией, главной силой, способной организовать отпор агрессорам, стал социализм»²¹.

Выйдя победителем из второй мировой войны, Советский Союз твердо и неуклонно следует ленинской политике укрепления международной безопасности. Эта политика проводится совместно с братскими социалистическими странами, пользуется поддержкой всего прогрессивного человечества.

Однако нельзя не видеть, что политика мира прокладывает себе дорогу в остром противоборстве с силами войны и реакции. Эти силы отнюдь не сложили оружия. Начиная с 1945 г. имело место более 100 крупных локальных войн и вооруженных столкновений — потенциальных очагов глобального конфликта.

Уроки второй мировой войны обязывают не жалеть усилий в борьбе за то, чтобы не повторилась трагедия прошлого, чтобы человечество не испытало ужасов разрушительной термоядерной войны, чтобы мирное небо нашей планеты никогда не облагрилось кровавым заревом мирового пожара.

²¹ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1972, т. 3, с. 18.

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ЭКСПАНСИОНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА (веймарский период)

с. 3. случ

На историю Германии межвоенного периода огромное влияние оказал Версальский мирный договор. Будучи империалистическим, грабительским по своему содержанию, этот договор, как отмечал В. И. Ленин, поставил страну «в условия полного бесправия и унижения»¹. Версальский договор явился источником ожесточенной борьбы за новый передел мира, за господство в Европе, превратился в мощное орудие националистической пропаганды в руках крайне правых партий, предоставил правящим кругам Веймарской республики возможность маскировать свои реваншистские намерения, представляя их как усилия по устранению свершившихся в Версале несправедливостей².

Теоретически мирный договор создавал известную дилемму для правящей элиты веймарской Германии: выбор между политикой долгосрочных соглашений с западными державами-победительницами и постепенным пересмотром Версальского договора, с одной стороны, и стремлением к восстановлению политического влияния на континенте на основе возрождения прежде всего военной мощи, используя межимпериалистические противоречия, в обход положений мирного договора, с другой. Практическая политика различных правительств Веймарской республики представляла своего рода симбиоз этих двух возможностей, в рамках которого в зависимости от внешне- и внутривполитического положения Германии, преоб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 218.

² В 1925 г. министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штреземан констатировал: «Версальский договор потому столь коварен (teuflich), что... во всех уголках немецкой земли создал взрывоопасные точки, потому что вынужденно должен столкнуть нас со всеми крупными европейскими державами» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. B, Göttingen, 1966, Bd. 1,1, S. 727). См. также: Ruge W. Zur chauvinistischen Propaganda gegen den Versailler Vertrag 1919 bis 1929.— Jahrbuch für Geschichte, 1967, Bd. 1, S. 65—106.

ладала то одна, то другая тенденция, пока в начале 30-х годов вторая не стала доминирующей³.

Все государственные деятели Веймарской республики, вне зависимости от партийных позиций, стремились к ревизии Версальского договора и, следовательно, к изменению как политического, так и территориального статус-кво в Европе. Но при этом они должны были исходить из реально существовавшего соотношения сил на континенте, которое существенно ограничивало политику реванша. В условиях ограничения военной мощи Германии не менее важно было также избежать международных конфликтов, чреватых войной, к которой Веймарская республика не была готова⁴. Поэтому правящие круги Германии вынужденно ориентировались в этот период на региональную безопасность, исходя в своей практической политике из частичного признания (де-факто) сложившихся после первой мировой войны границ на континенте.

Внешняя политика капиталистического государства не всегда дает полное представление о взглядах и концептуальном подходе к международным проблемам различных влиятельных группировок его господствующего класса. Это особенно характерно для Веймарской республики, свобода маневра во внешнеполитической сфере которой была значительно ограничена статьями Версальского мирного договора и всей версальской системой международных отношений⁵. Последнее обстоятельство способствовало относительному возрастанию влияния системы международных отношений на процесс формирования и осуществления внешней политики Веймарской республики⁶. Несмотря на это, внешнеполитические воззрения

³ *Salewski M.* Zur deutschen Sicherheitspolitik in der Spätzeit der Weimarer Republik — Vierteljahrshefte, für Zeitgeschichte, 1974, Hf. 2, S. 130, 138, 140, 143.

⁴ *Weizsäcker E.* Die Weizsäcker-Papiere 1933—1950 / Hrsg. von L. E. Hill. Frankfurt a. M. etc., 1974, S. 63. Эта точка зрения нашла также широкое распространение и в руководстве рейхсвера. (*Post G.* The civil-military fabric of Weimar foreign policy. Princeton, 1973, p. 158, 195).

⁵ См.: *Фарбман Н. В.* Версальская система. — В кн.: Европа в международных отношениях 1917—1939. М., 1979, с. 36—68.

⁶ Формирование и осуществление внешней политики представляет собой сложный процесс, протекающий одновременно в двух средах: в системе капиталистического общества и в системе международных отношений. Взаимодействие этих двух систем и де-

и концепции представителей господствующего класса играли крайне важную роль во внутривнутриполитической жизни, оказывая давление на позицию правительства. Но самое главное, они на протяжении длительного периода создавали вполне определенный политико-идеологический климат внутри страны. Это являлось важной составной частью идеологической подготовки населения и вооруженных сил Германии к новому туру борьбы за гегемонию в мире. Рассмотрим некоторые политические и идеологические аспекты этой проблемы, характерные для межвоенного периода.

Ни поражение Германии в первой мировой войне, ни Ноябрьская буржуазная революция существенно не поколебали основ ее империалистической политики, сохранив власть в руках того же самого класса⁷, который пытался в ходе войны осуществить «рывок к мировому господству»⁸. Прежде всего именно это обстоятельство и предопределило преемственность в развитии внешнеполитических представлений и концепций в правящих кругах Веймарской республики уже в первые годы ее существования. Важнейшее место при этом, как и ранее, занимало стремление к доминирующим позициям на Европейском континенте. Вместе с тем своеобразие международной обстановки в послевоенной Европе, общая расстановка сил на мировой арене в начале 20-х годов в значительной мере обусловили серьезный разрыв между реально существовавшими возможностями веймарской Германии в военно-политической области⁹ и внешнеполитическими амбициями ее господствующего класса.

терминирует в конечном счете внешнеполитические действия государства, его конкретные акции. См.: Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М., 1981.

⁷ Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite: Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919—1961. München, 1966, S. 140; Fischer F. Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstrukturen in Deutschland 1871—1945. Düsseldorf, 1979, S. 63, 75, 82—83.

⁸ Fischer F. Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. Düsseldorf, 1964.

⁹ Carsten F. L. Reichswehr und Politik 1918—1933. Köln; [West] Berlin, 1964; Salewski M. Entwaffnung und Militärkontrolle in Deutschland 1919—1927. München, 1966; Reichswehr und Republik (1918—1933). Frankfurt a. M., 1970.

Подписанное 11 ноября 1918 г. перемирие в Компьене содержало жесткие условия, которые лишали Германию возможности добиваться благоприятных условий мира с Антантой, опираясь на военную мощь¹⁰. Тем не менее период от Компьена до Версаля продемонстрировал слабую восприимчивость как «новых», так и «старых» деятелей правящей элиты к произошедшим изменениям на международной арене. Последнее в немалой степени являлось отражением имевшей широкое распространение, прежде всего в буржуазных слоях, буквально вплоть до конца войны идеи «победоносного мира», о которой немецкий историк Ф. Мейнеке писал в конце октября 1918 г., как о «националистическом ослеплении»¹¹.

Несмотря на поражение и тяжелые условия перемирия, вооруженные силы Германии продолжали сохранять значительное влияние на политическую жизнь страны. Ни внутривнутриполитическая, ни международная обстановка не привели военную элиту к пересмотру ее прежних воззрений на проблему «политики силы» (*Machtpolitik*), что наложило свой отпечаток на характер внешнеполитического планирования в Верховном командовании сухопутных войск. Так, в ходе очередного обсуждения политической обстановки в генеральном штабе 20 декабря 1918 г. К. Шлейхером была предложена долгосрочная программа трехступенчатого возрождения Германии: на первом этапе — политическая и идеологическая консолидация, на втором — оздоровление экономики; на третьем этапе — переход к активной внешней политике с целью восстановления положения великой европейской державы¹². По сути дела, концепция Шлейхера, зародившаяся в недрах бывшего кайзеровского Большого генерального штаба, оказалась прогнозом всей последующей внешней политики Веймарской республики.

Одной из самых влиятельных фигур в военной верхушке промежуточного периода (между кайзеровской и веймарской Германией) был I-й оберквартирмейстер,

¹⁰ *Der Waffenstillstand 1918—1919: Das Dokumentenmaterial der Waffenstillstandsverhandlungen von Compiègne, Spa, Trier, Brüssel*. B., 1928, Bd. 1, S. 22—56.

¹¹ *Schwade K.* Wissenschaft und Kriegsmoral: Die deutschen Hochschullehrer und die politischen Grundfragen des Ersten Weltkrieges. Göttingen etc., 1969, S. 176.

¹² *Rabenau F., von.* Seeckt. Aus seinem Leben. 1918—1936. Leipzig, 1940, S. 118.

фактический глава генерального штаба генерал-лейтенант В. Гренер. Сформулированная им в конце весны 1919 г. долгосрочная внешнеполитическая программа не только подчеркивала сохранившуюся преемственность экспансионистских целеустановок, но и содержала новые элементы, обусловленные требованиями времени. В частности, к факторам, обеспечивающим стабильность международного положения Германии, Гренер относил урегулирование отношений с Францией и достижение соглашения с Польшей. Он одним из первых в правящих кругах Германии поставил задачу использования института Лиги наций «в качестве политического средства ревизии (Версальского) мира», борьба против которого должна была начаться незамедлительно. Признавая, что «Германия в результате этой войны опустилась до уровня державы второго ранга», Гренер ставил конкретную задачу на будущее: «Возродить Германию на прочной основе, укрепить ее экономически и политически, исходя из требований ее географического положения...». Более отдаленную перспективу этот представитель германских милитаристских кругов видел в создании «Великой Германии» в Европе и последующем переходе к заморским завоеваниям¹³.

В военных кругах Германии в период между Компьеном и Версалем развивались и другие внешнеполитические идеи, отличавшиеся от гренеровских как в сторону относительной умеренности¹⁴, так и экстремизма¹⁵, но,

¹³ *Fischer F. Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914.* Düsseldorf, 1969, S. 1; *Groener W. Lebenserinnerungen: Jugend. Generalstab. Weltkrieg.* Göttingen, 1957, S. 492—493, 517—518; *Rakenius G. W. Wilhelm Groener als Erster Oberquartiermeister: Die Politik der Obersten Heeresleitung 1918/19.* Boppard a. R., 1977, S. 203—204.

¹⁴ *Breit G. Das Staats- und Gesellschaftsbild deutscher Generale beider Weltkriege im Spiegel ihrer Memoiren.* Boppard a. R., 1973, S. 135.

¹⁵ 24 июня 1919 г. полковник генерального штаба Заутер представил Гренеру «Проект политической программы», в частности, указывалось: «Разгром Франции — это тот этап, через который только и ведет путь к новой морской мощи, политике мировой торговли, колониальным владениям». «Только повернув Францию,— продолжал этот предтеча внешнеполитической программы нацистского фюрера,— можно будет разбить и Англию, а также «осуществить европейскую колонизацию на наших границах» путем заселения Польши и «германизации» Франции (Цит. по: *Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Repub-*

в любом случае, связанные с новой фазой борьбы за мировое господство. Тем не менее концепции, выдвинутые Шлейхером и Гренером, дополняя друг друга, стали важным ориентиром всего последующего развития Веймарской республики. И хотя это одна из многочисленных исторических случайностей, но именно генералы Гренер и Шлейхер, которым суждено было стать двумя последними военными министрами Веймарской республики, энергично способствовали созданию внутриполитических предпосылок для реализации в невиданных масштабах своих экспансионистских замыслов.

Внешнеполитические установки германского крупного капитала в первое время после окончания мировой войны, на первый взгляд, характеризовались большей сдержанностью по сравнению с экспансионистскими устремлениями военной верхушки. В монополистических кругах, по-видимому, признавали, что независимо от условий мирного договора восстановление экономической мощи страны будет зависеть от притока капиталов из стран-победительниц. Поэтому, в циркуляре Германского промышленного совета (предшественника Имперского союза германской промышленности) от 8 января 1919 г. отмечалось, что необходимо «*продемонстрировать*» (курсив мой. — С. С.) нашим противникам, что..., наученные войной, мы отказались на будущее от всех безграничных планов экономической экспансии»¹⁶. В этом же духе была выдержана и статья директора Национального банка Германии Я. Шахта, в которой он заверил западные державы в том, что «времена империалистической политики силы прошли... и только политика, отвечающая экономическим и социальным потребностям народов, гарантирует длительное мирное развитие человечества»¹⁷. Однако эта умеренность носила тактический, временный характер и не отражала подлинных намерений капитанов и идеологов большого бизнеса.

Монополистические круги не собирались откладывать на длительные сроки свои сокровенные замыслы. Утрата

lik: Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hannover; Frankfurt a. M., 1955, S. 148).

¹⁶ Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945 / Hrsg. u. eingel. von W. Schumann u. N. L. Nestler. B., 1975, S. 15.

¹⁷ Ibid., S. 164.

Эльзас—Лотарингии побуждала их строить планы «компенсации» Германии уже в ближайшем будущем. Крупнейший монополист Г. Стиннес в 1919 г. разработал обширную программу экономического «натиска» на Восток, с далеко идущими политическими последствиями: «исчезновением» Польши и «зависимостью» России от Германии. В рамках этого экспансионистского проекта Австрии отводилась ключевая роль — «ворот» в Юго-Восточную Европу¹⁸.

В первые месяцы после окончания мировой войны начался процесс постепенного оформления двух основных концепций в подходе германского крупного капитала к текущим и будущим проблемам мировой политики. В немалой степени они уходили своими корнями в предвоенное размежевание монополистической буржуазии. Одно из направлений стремилось добиться соглашения с западными державами, заинтересовать их возможностями германского рынка, перспективами совместных проектов «по освоению» тех или иных территорий на востоке Европы, прежде всего России (Шахт). В основе этой политики лежал временный отказ от открытой экономической и политической экспансии в широких масштабах и интеграция в систему западного мира. Другое направление исходило из необходимости проведения более независимой от стран-победительниц политики, стремилось вести разговор с Антантой «на равных», опираясь при этом не только на планы расширения сферы своего экономического и политического влияния в «Срединной Европе», но и на возможность «естественных» территориальных приращений¹⁹. Сторонники этого направления делали ставку на политику «вызова» Антанте и не исключали открытой конфронтации с ней (Стиннес).

Период между заключением Компьенского перемирия и подписанием Версальского мирного договора обнаружил крайнюю ограниченность влияния тех группировок господствующего класса Германии, которые выступали за новую

¹⁸ *Schausberger N.* Der Griff nach Österreich: Der Anschluss. Wien; München, 1978, S. 59.

¹⁹ «Германский рейх,— писал публицист В. Шотте в начале 1919 г.,— в ходе мирных переговоров со всей энергией будет настаивать на том, чтобы новые границы Германии простирались столь далеко, как простирается замкнутая область распространения немецкого языка...» (*Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945 / Hrsg. von Opitz. Köln, 1977, Dok. 46, S. 483*).

ориентацию внешней политики страны, связанную с отказом от «политики силы». Дух реванша, стремление как можно быстрее «ревизовать» только что подписанный договор шли рука об руку с антидемократическими настроениями правящей верхушки Германии, наложив с самого начала неизгладимый отпечаток на всю историю Веймарской республики, сделав ее в полном смысле «республикой на время»²⁰. Все эти тенденции особенно ярко проявились на следующем этапе развития Веймарской республики (1919—1924 гг.). Для этого периода была характерна своего рода «подготовительная работа» к пересмотру Версальского мирного договора²¹, выражавшаяся прежде всего в создании специфического политического и социально-психологического климата в стране. В такой обстановке в правящей элите шла острая борьба по вопросам внешнеполитической стратегии²².

Уже в преддверии подписания Версальского мирного договора представители всех группировок господствующего класса Германии не оставили никакого сомнения в том, что отныне внешнеполитической программой страны станет борьба за ликвидацию этого договора и возвращение Германии ее положения великой державы²³. Как заявил М. Вебер, обращаясь к студентам Мюнхенского университета: «У нас может быть одна общая цель: превратить мирный договор в клочок бумаги»²⁴. Имевшие место в правящих кругах и ведущих политических партиях страны расхождения на этот счет не носили принципиального характера, касаясь сроков, масштабов, очередности выдвижения на повестку дня тех или иных вопросов.

Комплекс внешнеполитических стереотипов кайзеровской эпохи по-прежнему оказывал очень большое влия-

²⁰ Ruge W. Weimar-Republik auf Zeit. В., 1969.

²¹ Никонова С. В. Очерк европейской политики Германии в 1924—1929 гг. (От плана Дауэса к плану Юнга). М., 1977, с. 23.

²² Волков В. К. Внешнеполитические концепции германского империализма и их проявление в отношениях со странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.— В кн.: Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. М., 1974, с. 16—17.

²³ См.: Фарбман Н. В. У истоков ревизии Версальского мирного договора: (К вопросу о стратегии и тактике германской монополистической буржуазии в 1919—1920 гг.).— В кн.: Ежегодник германской истории. 1969. М., 1970, с. 176—191.

²⁴ Цит. по: Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik 1890—1920. Tübingen, 1974, S. 344—345.

ние на деятельность германских политиков и дипломатов. Последним не сразу удалось избрать гибкую линию на международной арене и встать на путь компромиссов. Политические руководители Веймарской республики 1919—1924 гг., даже те из них, чья деятельность развивалась в русле вынужденной «политики выполнения» («Erfüllungspolitik») и «взаимопонимания» («Verständigungspolitik») при формулировании долгосрочных целей внешней политики не включали войну в свои внешнеполитические концепции преимущественно потому, что веймарская Германия в военном отношении представляла собой третьестепенную державу. «Это трагедия нашей политики,— говорил Штресеман,— что прусская и немецкая армии, на которые в свое время мог опираться Фридрих Великий, не стоят более за нами»²⁵.

Поражение Германии не охладило духа авантюризма и реваншизма военных кругов, считавших результаты мировой войны неким «недоразумением»²⁶. Накануне своей отставки генерал Гренер, выступая перед офицерами штаба Главной квартиры сухопутных войск 12 июля 1919 г., изложил обширную программу германской экспансии. «Мы должны вновь создать благоприятную основу на Востоке,— указывал Гренер,— иначе мы не сможем опять занять прочные позиции (в мире). Мы должны стремиться установить фронт на Западе в районе Атлантического океана, чтобы, возможно, там играть решающую роль, когда наступит период, который я предвижу: борьба за Тихий океан»²⁷. Не менее агрессивные концепции были распространены и среди командования германского военно-морского флота²⁸. Общая внешнеполитическая программа высшего военного руководства Гер-

²⁵ Цит. по: *Ruge W. Stresemann: Ein Lebensbild*. В., 1965, S. 139.

²⁶ 28 июня 1919 г., в день подписания Версальского мирного договора, начальник Оперативного отдела Верховного командования германской армии Й. Штюльпнагель писал генералу Г. Секту: «Я надеюсь, что в недалеком будущем станет возможным восстановление монархии, борьба против Польши и, вероятно, также против Франции...» (Цит. по: *Carsten F. L. Op. cit.*, S. 37—38).

²⁷ Цит. по: *Nuss K. Militär und Wiederaufrüstung in der Weimarer Republik: Zur politischen Rolle und Entwicklung der Reichswehr*. В., 1977, S. 74.

²⁸ В памятных записках, подготовленных в штабе ВМФ летом 1920 г., в завуалированных выражениях, но вместе с тем вполне отчетливо просматривалась экспансионистская концепция премьерников Тирпица: стремление к восстановлению утраченных по-

мании была сформулирована главнокомандующим рейхсвером (1920—1926 гг.) генералом Г. фон Сектом, оказывавшим большое влияние на политический курс страны²⁹. В ее основе лежал тезис: «Мы должны вновь стать сильными, и, как только обретем силу, мы, разумеется, заберем назад все, что потеряли»³⁰.

Борьба направлений и концепций в кругах германских монополистов приняла в первые годы Веймарской республики острый характер, поскольку крупный капитал считал себя ущемленным в отношении сырья и рынков сбыта, территории собственно Германии и ее колоний и, наконец, огромных репарационных платежей. Наиболее затронутые Версальским договором и доминирующими позициями Франции на континенте экономические группы Германии сделали ставку на политику срыва мирного договора, «политику катастроф» («Katastrophenpolitik») ³¹. В этих кругах господствующего класса находили распространение крупномасштабные экстремистские внешнеполитические замыслы. Так, Стиннес требовал незамедлительной ревизии Версальского договора путем активного сопротивления державам-победительницам, даже ценой оккупации Рура³². По его мнению, это должно было стать лишь первым шагом на пути к будущей широкой экспансии³³.

Осуществление этих и других подобных замыслов³⁴ капитаны германского большого бизнеса связывали с

зиций и в качестве конечной цели — борьба за положение ведущей морской державы мира. (*Dülffer J. Weimar, Hitler und die Marine: Reichspolitik und Flottenbau 1920—1939. Düsseldorf, 1973, S. 36—37*).

²⁹ *Carsten F. L. Op. cit., S. 174, 206.*

³⁰ Цит. по: *Hallgarten G. W. F. Hitler: Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933. Frankfurt a. M., 1955, S. 83.*

³¹ *Gossweiler K. Grossbanken, Industriemonopole, Staat: Ökonomie und Politik des staatsmonopolistischen Kapitalismus in Deutschland, 1914—1932. B., 1971, S. 156—207.*

³² *Albertin L. Faktoren eines Arrangements zwischen industriellem und politischem System in der Weimarer Republik 1918—1928.— In: Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik / Hrsg. von H. Mommsen u. a. Düsseldorf, 1974, S. 665.*

³³ Беседа Стиннеса с руководителем западноевропейского отдела госдепартамента США У. Р. Кестлом 30 октября 1922 г. (*Hallgarten G. W. F. Op. cit., S. 60*).

³⁴ См. подробно: *Weltherrschaft im Visier...; Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945...*

устранением буржуазно-демократических институтов в стране, заменой их диктатурой³⁵ и, в конечном счете, как выразился видный представитель деловых кругов А. Гугенберг еще в июле 1919 г., с созданием «третьего рейха»³⁶. Разрабатывая обширные политико-экономические концепции, германские монополисты уже в начале 20-х годов готовы были поступиться временными выгодами и даже пойти на известные, порой немалые потери во имя будущего долгосрочного выигрыша, связанного с установлением экономической гегемонии Германии на континенте. Все это приводило к тому, что границы между политическими и экономическими интересами становились весьма подвижными, а зачастую и вообще стирались: «Влияние промышленников Рура на немецкую политику становилось решающим фактором»³⁷.

Большую роль в поддержании духа реванша, культивировании милитаристских и экспансионистских настроений в стране играли реакционные идеологи. На страницах газет и журналов, в университетских аудиториях и на научных форумах «генераторы идей и настроений» развивали многочисленные концепции внешней политики Германии, подогревая общественное мнение, готовя будущих авторов «памятных записок» и «оперативных планов», практиков экспансионистской политики³⁸.

Пропаганда реваншистской войны была связана с обилием мемуаров и военно-исторических трудов о мировой войне, буквально заполонивших книжный рынок

³⁵ Стийнес в письме к министру восстановления экономики О. Гесслеру от 23 января 1920 г. обосновывал необходимость установления диктаторской власти в стране: «Если Германия поступит иначе, ... — писал он, — она едва ли вновь возродится. Необходимо действовать, а не вести переговоры» (*Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart, 1958, S. 62—63*).

³⁶ *Ruge W. Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1963, Hf. 6, S. 1112.*

³⁷ *Soutou G. Der Einfluss der Schwerindustrie auf die Gestaltung der Frankreichpolitik Deutschlands 1919—1921. — In: Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik, S. 546.*

³⁸ *Sonthheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik: Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. München, 1968; Faulenbach B. Ideologie des deutschen Weges: Die deutsche Geschichte in der Historiographie zwischen Kaiserreich u. Nationalsozialismus. München, 1980.*

Веймарской республики в первой половине 20-х годов³⁹. Резко активизировали свою деятельность и немецкие геополитики⁴⁰. Причем в трудах последних с поразительной откровенностью развивались цели и задачи экспансионистской политики Германии, охватывающей не только все районы расселения немцев в Европе⁴¹, но и Африканский континент⁴² и даже пространство Тихого океана⁴³, активным поборником реколонизации которого выступал крупнейший представитель немецкой геополитической школы межвоенного периода генерал в отставке К. Хаушофер⁴⁴.

В 1919—1924 гг. все основные группировки господствующего класса сходились в необходимости восстановить утраченные Германией в результате поражения в мировой войне позиции, а затем начать новый тур борьбы за господствующее положение в мире. В долгосрочных расчетах политических и военных деятелей веймарской Германии глубоко укоренилось представление, что насилие по-прежнему занимает прочное место во внешнеполитическом инструментарии. Особенно это касалось территориальных изменений на востоке Европы, куда прежде всего были устремлены взоры правящих кругов Германии⁴⁵.

³⁹ *Brühl R. Militärgeschichte und Kriegspolitik: Zur Militärgeschichtsschreibung des preussisch-deutschen Generalstabes 1816—1945.* В., 1973, S. 263—268, 276—278.

⁴⁰ *Аветян А. С.* Основные направления развития германской геополитики в 20-е годы XX в.— В кн.: *Германская восточная политика в новое и новейшее время*, с. 201—211.

⁴¹ *Dix A. Politische Geographic. Weltpolitisches Handbuch.* München; Berlin, 1922, S. 548.

⁴² *Ibid.*, S. 163, 208, 560—561. О месте пропаганды колониальной экспансии в политической жизни Веймарской республики см. подробно: *Hildebrand K. Vom Reich zum Weltreich: Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919—1945.* München, 1969, S. 40—247.

⁴³ *Haushofer K. Geopolitik des Pazifischen Ozeans.* В., 1924, S. 67.

⁴⁴ *Гейден К.* Критика немецкой геополитики: Пер. с нем. М., 1960, с. 122; См. также: *Matern R. Karl Haushofer und seine Geopolitik in den Jahren der Weimarer Republik und des Dritten Reiches.* Karlsruhe, 1978; *Karl Haushofer — Leben und Werk: In 2 Bde / Hrsg. von H.-A. Jacobsen.* Boppard a. R., 1979.

⁴⁵ *Höltje Ch. Die Weimarer Republik und das Ostlocarno — Problem 1919—1934: Revision oder Garantie der deutschen Ostgrenze.* Würzburg, 1958. Поддержание перманентной напряженности в германо-польских отношениях в качестве прелюдии к ликвидации «сезонного государства» представляло собой один из важных аспектов внешней политики Веймарской республики (См.: *Климовский Д. С.* Германия и Польша в локарнской системе европейских отношений. Минск, 1975; *Riekhoff H. German-Polish*

Весьма характерна в этой связи памятная записка, подготовленная в конце мая 1923 г. в одном из отделов министерства рейхсвера, в которой, в частности, констатировалось: «Экономические и финансовые войны не освободят Германию из ее нынешнего положения. Только посредством *вооруженной борьбы* (курсив мой.— С. С.) могут быть завоеваны свобода, национальная независимость и подготовлено экономическое и культурное возрождение»⁴⁶.

Резкое ухудшение международного положения Веймарской республики, вызванное рурской авантюрой Франции и политикой «пассивного сопротивления», осуществлявшейся правительством В. Кунно, обострило внутривнутриполитический кризис в стране⁴⁷. Это вызвало серьезную тревогу в правящей элите, опасавшейся дальнейшего роста ревизионистских настроений и даже «большевизации» Германии⁴⁸. Одновременно усилились националистические и реваншистские настроения, активизировалась деятельность крайне правых, полувоенных и милитаристских организаций и союзов, выступил на политическую арену германский фашизм⁴⁹. Ряд политических деятелей, в том числе некоторые члены правительства, настаивали на ведении войны с Францией⁵⁰. В военных кругах также было немало сторонников превратить рурский конфликт «в своего рода новое издание антинаполеоновской народной войны 1813 г.»⁵¹

relations, 1918—1933. Baltimore; London, 1971). Но этим не исчерпывался интерес различных фракций господствующего класса к этому региону. Несмотря на подписание Рапалльского договора и штреземановскую политику «баланса сил», в Германии существовали политически влиятельные круги, которые не скрывали своих агрессивных намерений в отношении Советской России. Их кредо сформулировал барон фон Мантейфель-Кюцдаген: «Задача Германии состоит не в том, чтобы организовывать Восток, а в том, чтобы завоевать его частями». (Цит. по: *Ruge В.* Германская монополистическая буржуазия и революционный кризис 1919—1923 гг.— В кн.: Германский империализм и милитаризм. М., 1965, с. 124). См. также: *Weltherrschaft im Visier*, Dok. 75, S. 203.

⁴⁶ Цит. по: *Geyer M.* Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924—1936. Wiesbaden, 1980, S. 117.

⁴⁷ См. подробно: *Орлова М. И.* Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика коммунистической партии. М., 1973.

⁴⁸ *Stresemann G.* Vermächtnis: In 3 Bde. В., 1932, , Bd. 1, S. 220.

⁴⁹ *Гинцберг Л. И.* Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1933 гг.). М., 1978, с. 78—99, 126—166.

⁵⁰ *Nuss K.* Op. cit., S. 333, Anm. 99.

⁵¹ *Ibid.*, S. 113.

После событий в Руре в Веймарской республике был взят курс на достижение соглашения с западными державами, прежде всего с США⁵². Принятие плана Дауэса стало важнейшей вехой на пути реализации этой программы. Ее осуществление вплоть до конца 20-х годов было связано с деятельностью Г. Штреземана, персонифицировавшего в своем лице преемственность основных тенденций внешней политики кайзеровской и веймарской Германии⁵³, но остававшегося при этом на позициях реалистического прагматизма⁵⁴.

Наступивший период частичной стабилизации капитализма и усиления экономических и внешнеполитических позиций страны практически не вызвал положительных перемен на внутривнутриполитической сцене. Стабилизация отнюдь не привела к оттеснению правых, антидемократических сил, лишь несколько приглушив националистический угар. Фактически речь шла об обусловленном политическими и экономическими обстоятельствами изменении процесса «формулирования интересов», о «стабилизации справа»⁵⁵. А это, в свою очередь, означало, что проблема идеологической подготовки к борьбе за гегемонию на континенте не утратила своего значения. Ведущая роль в этом, по-прежнему, принадлежала крайне правым партиям, военным кругам и милитаристским организациям. Однако к концу 20-х годов на ведущие позиции здесь постепенно выходит германский фашизм и его партия, направлявшая больше усилий, чем какая-либо другая политическая организация, на идеологическую обработку различных слоев населения Германии⁵⁶.

В практической деятельности НСДАП большое место занимала разработка и пропаганда фашистской идеологии, представлявшей конгломерат разрозненных идеологических конструкций, отобранных из идейного наследия реакционных и консервативных теоретиков второй половины

⁵² *Schacht H.* Die Stabilisierung der Mark. B., 1927, S. 186—189.

⁵³ *Hillgruber A.* Grossmachtpolitik und Militarismus in 20. Jahrhundert. 3 Beiträge zum Kontinuitätsproblem. Düsseldorf, 1974, S. 28.

⁵⁴ См.: *Mazelon M.-O.* Stresemann und Frankreich 1914—1929: Deutsche Politik der Ost-West-Balance. Düsseldorf, 1972.

⁵⁵ *Stürmer M.* Koalition und Opposition in der Weimarer Republik 1924 bis 1928. Düsseldorf, 1967, S. 84.

⁵⁶ История фашизма в Западной Европе. М., 1978, с. 187; *Pätzold K., Weissbecker M.* Hakenkreuz und Totenkopf: Die Partei des Verbrechens. В., 1981, S. 107.

XIX — первой четверти XX в.⁵⁷ Отводя идеологии прежде всего функциональную роль, преимущественно связанную с созданием полностью унифицированного человека, послушного и слепого орудия фашистского рейха, нацистские лидеры не ограничились этим: их иррациональное «учение» содержало чудовищную по характеру и гигантскую по своим масштабам завоевательную программу. Этой программе, основные положения которой были сформулированы Гитлером еще в середине 20-х годов в «Майн кампф», а затем получили развитие и конкретизацию в его «Второй книге», написанной в 1928 г., было суждено сыграть роль одной из важнейших движущих пружин внешней политики «третьего рейха».

Внешнеполитическая программа германского фашизма была буквально пронизана национал-социалистской идеологией. Ряд ее основных компонентов служил не только фоном завоевательной программы, но и ее важнейшими составными частями. Тесная связь нацистского движения с буржуазным обществом Германии, его проблемами и интересами нашла свое отражение как в предметности целей, так и в мировоззренческом континенте⁵⁸.

Фашистская идеология возникла прежде всего как идеология антимарксистская. Антимарксизм представлял собой один из важнейших стержней всей нацистской идеологии. Именно с этих позиций «объяснялись» внутренние кризисы и внешнеполитические неудачи. Отношение к марксизму являлось для нацистских идеологов

⁵⁷ Тесную связь своего «учения» с предшествующей реакционно-консервативной общественной мыслью признавали сами нацисты. Гитлер, выступая 24 февраля 1938 г. перед «старыми борцами» НСДАП в Мюнхене, заявил: «Многое из того, что тогда содержалось в нашей программе или из того, о чем я говорил в этом зале в этот же день 18 лет назад, было осмыслено еще задолго до этого времени». (Цит. по: *Petzold J. Die Entstehung der Nazi-ideologie.* — In: *Faschismusforschung. Positionen, Probleme, Polemik.* В., 1980, S. 261). См. также: *Рахимур П. Ю.* Происхождение фашизма. М., 1981; *Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche.* München, 1963; *Mosse G. The crisis of German ideology. Intellectual origins of the Third Reich.* N. Y., 1964; *Sonthheimer K. Antidemokratisches Denken in Weimarer Republik.* München, 1968; *Petzold J. Wegbereiter des deutschen Faschismus: Die Jungkonservativen in der Weimarer Republik.* Köln, 1978.

⁵⁸ См. подробно: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967; *Он же.* Социология неофашизма. М., 1971.

критерием оценки, своего рода «лакмусовой бумажкой» того или иного политического явления.

Будучи сориентирован в первую очередь на внутривосточные политические задачи, антимарксизм перманентно выполнял в рамках фашистской идеологии и немаловажную внешнеполитическую функцию, воплотившись в антибольшевизме. Уже в начальный период деятельности НСДАП и формирования ее внешнеполитической программы отношение к Советской России складывалось не столько из геополитических соображений, сколько из произошедших в России политических и социально-экономических перемен — Октябрьской революции 1917 г. и «низвержения господствовавших отношений»⁵⁹.

Расовая доктрина, сочетавшаяся в нацистской идеологии с гипертрофированной угрозой капиталистическому строю со стороны «международного коммунизма», представляла собой один из многочисленных мифов нацистской идеологии, подводивший пропагандистское обоснование под практический замысел — завоевание СССР. И не только. Фашистская расовая доктрина служила обоснованием для оправдания любой агрессии, вплоть до борьбы за мировое господство. Именно на эту сторону недвусмысленно указывал Гитлер, когда заявлял, что «государство, посвятившее себя в эпоху расового загрязнения заботе о своих лучших в расовом отношении элементах, должно однажды стать властелином на земном шаре».

Еще одним «китом» нацистской внешнеполитическо-мировоззренческой доктрины была геополитика, идеи которой выполняли двоякую роль: служили основой для разработки общей завоевательной программы и одновременно предоставляли немецкому обывателю аргументы в пользу проведения конкретной экспансионистской политики⁶⁰.

Особое место во внешнеполитической доктрине германского фашизма занимал культ насилия, неотъемлемой частью которого являлись обожествление «вечной» борьбы и войны, как «наиболее естественного состояния» «здоровых народов», абсолютизация террористических методов господства и политики войны. Нацистская концепция

⁵⁹ Kuhn A. Hitlers aussenpolitisches Programm: Entstehung und Entwicklung 1919—1939. Stuttgart, 1970, S. 50.

⁶⁰ Галкин А. А. Идеология фашизма и неофашизм.— *Вопр. философии*, 1975, № 5, с. 67—68.

перманентной «борьбы за жизнь» вела к созданию культа войны. При этом само понятие «войны» становилось почти столь же широким, как и понятие «борьбы». При таком подходе война неизбежно превращалась в «само собой разумеющееся средство реализации политических целей. Последние могли меняться, но средство как аксиома сохранялось»⁶¹. Неудивительно, что в этих условиях внешняя политика объявлялась следствием «борьбы народа за жизнь». В отличие от традиционных апологетов войны, рассматривавших состояние мира как промежуточное между двумя войнами, нацистская «философия» войны шла значительно дальше. Она рассматривала в качестве постоянной задачи полное подчинение внутренней и внешней политики неограниченным целям подготовки и ведения войны.

Требую полной ликвидации Версальского договора, нацисты в отличие от буржуазных политиков Веймарской республики, с самого начала отвергали его частичную ревизию, объявив программу традиционных германских экспансионистов 20-х годов, связанную с восстановлением границ 1914 г., «политической бессмыслицей».

Нацистская внешнеполитическая программа, нацеленная на достижение мирового господства и ориентированная на перманентную борьбу во вне и внутри страны, исходила из необходимости поэтапного продвижения, как к конечным, так и промежуточным целям. Основу этой программы составляли планы установления полного господства «Великой Германии» над континентальной Европой от Атлантики до Урала⁶². В свою очередь, краеугольным камнем этих планов являлось приобретение «жизненного пространства» на Востоке, за счет СССР. Разгром Советского Союза, порабощение и физическое уничтожение значительной части его населения, экономическая эксплуатация территории СССР — все это рассматривалось лидерами и идеологами национал-социализма как решающая предпосылка установления полного господства над европейским континентом и одновременно как исходная база для последующей борьбы за переход от пре-

⁶¹ *Jäckel E. Hitlers Weltanschauung: Entwurf einer Herrschaft. Tübingen, 1969, S. 32.*

⁶² *Дашичев В. И. Европа в захватнических планах германского фашизма. — В кн.: Ежегодник германской истории. 1970. М., 1971, с. 215—233; Rich N. Hitler's war aims: 2 vol. L., 1973—1974.*

обладания в мире (Weltvorherrschaft) к господству над миром (Weltherrschaft)⁶³.

Как ни чудовищно выглядит внешнеполитическая программа германского фашизма, далеко выходящая за пределы замыслов традиционных элитарных группировок буржуазного общества того времени, она возникла в рамках именно этого общества, под влиянием политической практики и идей, являвшихся предметом активного обсуждения на протяжении многих десятилетий; особенно, принимая во внимание ту большую роль, которую играл милитаризм и его дух в истории Германии предшествовавших десятилетий. Нацисты лишь «упорядочили» в расистском, человеконенавистническом духе то, что буквально «висело» в воздухе. Сведенная в идеологизированную «систему» завоевательная программа неизбежно приобрела глобальный характер.

Выбор фашистской модели государственного устройства для преодоления социально-экономических потрясений принадлежал, в конечном счете, наиболее влиятельной фракции буржуазного общества Германии — ведущим группировкам крупного капитала, пришедшим на том этапе к выводу, что буржуазная демократия не отвечает более ее целям и потому должен быть создан тот или иной вариант фашистской системы. Так политическая власть в Германии оказалась в руках нацистской партии, «чья программа отвечала далеко идущим интересам и стремлениям наиболее реакционных группировок монополистической буржуазии, крупных земельных собственников и военщины»⁶⁴. Отныне во внешней политике Германии, уже на государственном уровне, был взят на вооружение крайне агрессивный курс, который в конечном итоге и привел к развязыванию второй мировой войны.

⁶³ *Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik 1933—1945: Kalkül oder Dogma? Stuttgart etc., 1976, S. 27—28; Thies J. Hitlers «Endziele»: zielloser Aktionismus, Kontinentalimperium oder Weltherrschaft.— In: Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978, S. 77, 87—91.*

⁶⁴ *Drechsler K. u. a. Politik und Strategie des faschistischen Deutschlands im zweiten Weltkrieg.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, Hf. 1, S. 5.*

РОЛЬ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Г. С. ФИЛАТОВ

Для объективной оценки роли итальянского фашизма в развязывании второй мировой войны важное значение имеет анализ его внешнеполитической доктрины. Было ли участие Италии во второй мировой войне плодом сумасбродной политики Муссолини, как это часто утверждает итальянская буржуазная историография, или явилось результатом более широкого круга причин, корни которых следует искать в органической связи итальянского фашизма с империалистическими устремлениями наиболее шовинистических кругов итальянского правящего класса?

Ответ на этот вопрос кроется во внешнеполитической доктрине итальянского фашизма и практике ее реализации в период между двумя мировыми войнами. Весьма характерно, что в отличие от планов корпоративного переустройства государства, которые вырабатывались и осуществлялись на протяжении многих лет, взгляды фашистов по вопросам внешней политики получили достаточно законченную разработку еще до 1922 г., т. е. до прихода фашистов к власти.

Отправным пунктом доктринальных установок служила первая мировая война, которая изменила облик Европы и потребовала переоценки устоявшихся ценностей. В представлении итальянских фашистов и националистов, исходя из опыта первой мировой войны, XX век был веком неприкрытого и оправданного историей насилия.

Кроме того, капиталистический мир столкнулся с возникновением первого на земном шаре пролетарского государства. Фашисты немедленно выдвинули себя в первый ряд «защитников» Италии и Европы от «большевистской опасности», противопоставляя лозунгам пролетарского интернационализма националистическую программу и шовинистические призывы.

Основы внешней политики будущей Италии были изложены в первых же выступлениях «вождя» фашистского движения Муссолини. «Империализм является вечным и неизменным законом жизни», — заявил он в январе 1919 г., указывая тем самым «главный смысл» существования народов. Формулируется программа, которая должна

обеспечить Италии одно из первых мест среди империалистических держав, а фашистам — прочную поддержку ведущих групп крупного капитала. Италию, «обиженную» своими партнерами по Антанте, фашисты нарекают «великой пролетаркой», которой необходимо «завоевать свое место под солнцем». Италия плодородна и трудолюбива, говорит Муссолини, «она рассеяла своих детей по всему свету и способна задать перцу магнатам доллара и фунта стерлингов». Такова демагогическая линия, призванная связать воедино импровизированные лозунги фашистов в области внешней политики. Промышленное развитие и технический прогресс рассматриваются только как средство усиления военной мощи страны. «Линейный корабль — наилучший аргумент за столом переговоров», — писала газета Муссолини «Пополо д'Италия».

Право на экспансию обосновывается историческим наследием, которое препарируется в удобном фашистам духе. Фашисты берут из него только то, что оправдывает применение силы и политику захватов. Их любимая параллель — это имперский Рим. «Древний Рим — это наш исходный пункт и конечная цель», — пишет фашистская печать. Вся символика фашистской партии и ее военизированных формирований заимствуется у Рима эпохи цезарей: имперские орлы, ликторские пучки, воинские звания.

Ко времени «похода на Рим» идеологическая основа фашистской внешней политики была сформулирована достаточно отчетливо: империализм должен стать делом всей нации, которую Муссолини обещает дисциплинировать и подготовить к военным походам. Именно эта основа обеспечила фашистам поддержку милитаристски настроенных групп итальянского капитала, привлекла на их сторону разнородные слои мелкой буржуазии, выбитой из привычной колеи первой мировой войной. «Не настал ли для итальянцев час занять место среди народов, которые руководят и командуют, а не тех, которые следуют за другими и повинуются?» — писал в 1922 г. историк Джоакино Вольпи, ставший вскоре одним из наиболее ревностных проповедников экспансионистской идеологии фашизма¹.

Однако придя к власти с ярко выраженными реваншистскими и экспансионистскими внешнеполитическими

¹ См.: Rumi G. L'Imperialismo fascista. Milano, 1974, p. 30.

целями, итальянские фашисты затратили почти 15 лет для того, чтобы подготовить первые, причем весьма ограниченные шаги для «завоевания места под солнцем» и «воссоздания древнеримской империи». Чтобы объяснить этот кажущийся парадокс, буржуазные историки много пишут о «давлении традиций старого либерального государства», о «сдерживающей роли» постоянного генерального секретаря итальянского министерства иностранных дел Контарини. Существует даже термин «эпоха Контарини» для обозначения первого, относительно мирного десятилетия внешней политики итальянского фашизма.

В действительности роль Контарини и дипломатов старой школы, которых Муссолини в первое время оставил на своих постах, нет оснований преувеличивать. Муссолини с самого начала заявил, что внешней политикой будет руководить лично, и делал это весьма активно. Гораздо важнее подчеркнуть роль ведущей силы капиталистического общества — магнатов промышленного и финансового капитала. Эти круги весьма одобрительно относились к курсу на установление «социального порядка» в стране, т. е. подавление рабочего и демократического движения, которому следовал Муссолини. Однако они хорошо сознавали, что для реализации широкой программы экспансии, для «инициатив мирового масштаба», как выражалась фашистская пропаганда, время еще не пришло. Согласие с внешней политикой дуче в то время еще не означало готовности воротил крупного капитала предоставить средства для проведения рискованных крупномасштабных авантюр.

Нельзя также сбрасывать со счетов и то, что в тот период Муссолини еще не потерял связи с реальной действительностью и при всей своей склонности к поспешным решениям был вынужден считаться с ограниченными возможностями итальянского фашизма. Сотрясая воздух воинственными заявлениями и стремясь доказать «динамичность» Италии в различных мелких инцидентах, в первые 10 лет нахождения у власти он не выходил за рамки обычной практики капиталистического государства.

Первой крупной вооруженной акцией итальянского фашизма был захват Эфиопии. Завоевание бедной и отсталой страны не принесло военных лавров итальянским генералам, но позволило провозгласить «воссоздание древнеримской империи». Некоторые итальянские историки, например Л. Сальваторелли и Д. Мира, пишут о том,

что, завоевав Эфиопию, присвоив королю титул императора, а себе — звание первого маршала империи, Муссолини достиг своих целей и перед ним открылась перспектива стабилизации внутривосточного и международного положения Италии². Столь формальная постановка вопроса совершенно отрывается от программы фашизма, о которой говорилось выше, от той политики милитаризации страны, которую фашизм особенно усилил с середины 30-х годов. Удачная колониальная авантюра явилась важным этапом во внешней политике итальянского фашизма в том смысле, что она подхлестнула его захватнические устремления. Об этом Муссолини говорил достаточно откровенно: «Сейчас, когда мы добились империи, надо стать империалистами. Итальянцы должны рассматривать империю как достояние, которое следует не только усиливать и защищать, но и расширять. Надо всегда быть готовыми духовно и материально к тому, чтобы использовать все возможности, которые могут представиться для ее увеличения»³.

Это и было внешнеполитической программой итальянских фашистов после захвата Эфиопии. Первую возможность для продолжения своей политики расширения империи Муссолини усмотрел в начавшемся вскоре мятеже реакционной испанской военщины против республиканского правительства.

В официальной фашистской пропаганде того времени много писалось о франкистской Испании как о «бастионе против наступления большевизма». Конечно, мотивы идеологического порядка играли свою роль в интервенции фашистских государств в Испании. Однако для Италии не меньшее значение имели и соображения другого порядка. Об этом свидетельствуют записи из дневника, который вел зять Муссолини, министр иностранных дел Италии Г. Чиано. В феврале 1939 г. он записал: «Когда-нибудь наивные ворчуны, которые так недовольны нашим вмешательством в Испании, может быть, поймут, что на берегах Эбро, в Барселоне и Малаге были заложены истинные основы средиземноморской Римской империи»⁴.

Вскоре он делает следующую запись: «Пал Мадрид и вместе с ним все остальные города красной Испании...

² *Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Milano, 1962. p. 842.*

³ *Giudice G. Mussolini. Torino, 1969, p. 541.*

⁴ *Chiano G. Diario, 1939—1943. Milano, 1963, vol. 1, p. 50.*

Дуче сияет. Указывая на географический атлас с картой Испании, он говорит: я его открыл на этой странице почти три года тому назад. Теперь я должен его открыть на другой странице. Его взгляд устремлен к Албании»⁵.

Авантюры Муссолини способствовали изменению равновесия сил и нарастанию напряжения в Европе, толкали ее к новой мировой войне. Опасность их намного усиливалась тем, что после 1936 г. Муссолини выступал младшим партнером гораздо более сильного и опасного хищника — гитлеровской Германии.

Однако, несмотря на то что Италия была связана с Германией не только общностью идеологии и интересов, но и четкими статьями недавно заключенного «стального пакта», она все же не вступила в войну в сентябре 1939 г. Муссолини строил собственные планы. Вскоре после заключения «стального пакта» он направил Гитлеру обширный меморандум, в котором намечал общую стратегию разбойничьих походов, явно стремясь поразить своего сообщника широтой взглядов. Муссолини предлагал сконцентрировать главные усилия на Востоке, захватить Грецию, Румынию, Турцию и продолжить экспансию в этом направлении. Гитлер оставил в стороне непрошенные советы, хотя по воинственности и наглости замыслы Муссолини ничем не уступали планам его собственным.

В чем фашистская Италия действительно уступала своему партнеру по «оси», так это в общем военном потенциале. После войны было потрачено море чернил, чтобы доказать техническую слабость итальянской армии в 1939 г. Больше всего усердия в этом проявили те представители итальянской военной верхушки, которые активно помогали Муссолини готовиться к войне и вместе с ним несут ответственность за катастрофу, в которую они ввергли страну. Однако для всей этой «генеральской» литературы характерно, что ее авторы основывают анализ состояния итальянской армии на том объеме потребностей, которые вырабатывались итальянским генеральным штабом еще до начала войны. А эти потребности бесконтрольно завышались представителями родов войск. Так, например, в конце 1938 г. командование авиации заявило, что потребность Италии в самолетах на 1939 г. составит 12 885 машин. Эта «взятая с потолка» цифра не только была совершенно не под силу итальянской про-

⁵ Ibid., p. 77.

мышленности, но и превышала число самолетов, производимых в то время в США, Германии и Франции вместе взятых.

Реальную картину состояния итальянской армии может дать сопоставление количества ее боевой техники с аналогичными показателями армий других европейских стран. Оно показывает, что дела итальянской армии в тот период обстояли не так уж плохо. Сухопутные войска насчитывали более 1 млн. человек и имели 12 тыс. орудий, более 5 тыс. минометов, 1 тыс. танков и 32 тыс. автомашин. Техническая оснащенность армии составляла по орудиям 10,3 ствола на 1 тыс. человек личного состава сухопутных войск, а по танкам 0,9 — на 1 тыс. человек. В тот период в армии гитлеровской Германии на 1 тыс. солдат приходилось 11,9 орудий и 1,3 танка, а во французской армии, считавшейся одной из лучших, на 1 тыс. солдат приходилось всего 5,9 орудий и 1,2 танка.

Слабым местом итальянской армии были бронетанковые войска, на вооружении которых находились в основном легкие танки, прозванные солдатами «спичечными коробками». Однако и в армиях других стран в 1939 г. преобладали легкие танки, вооруженные лишь пулеметами, даже в немецкой армии они составляли около 50% общего числа. Огромные средства Италия вкладывала в развитие авиации, которую Муссолини называл «оружием фашистского режима». В сентябре 1939 г. парк боевых машин итальянской авиации составлял более 3 тыс. самолетов. На 1 тыс. солдат сухопутной армии в Италии приходилось 2,4 самолета, в то время как у Франции — 1,4, а у Англии — 2,7. Наиболее боеспособным видом итальянских вооруженных сил считался военно-морской флот. В 1939 г. его основу составляли 4 линейных корабля и 22 крейсера. По количеству эсминцев и подводных лодок Италия занимала господствующее положение на Средиземном море. В целом она располагала 189 кораблями основных классов, в то время как Франция — 136 кораблями. Итальянские корабли были несколько слабее боевых кораблей Англии и Франции по вооружению, но не уступали им по мореходным качествам⁶.

Таким образом, вооруженные силы Италии, несмотря на ряд узких мест и недостатков в техническом оснаще-

⁶ Подсчеты произведены В. Г. Сафроновым по кн.: История второй мировой войны, 1939—1945 гг. М., т. 2; *Fraccoroli A. Italian Warship of World War II.* Wash., 1967.

нии, представляли собой в 1939 г. многочисленную и достаточно современную армию, к тому же обладавшую опытом ведения боевых действий в Эфиопии и Испании.

Правда, военная промышленность Италии испытывала острую нехватку сырья. Не имея собственных запасов полезных ископаемых, Италия в значительной мере должна была создавать стратегические запасы за счет экспорта. Особенно плохо дело обстояло с горючим для авиации и военно-морского флота. Однако итальянская стратегия основывалась на планах молниеносной войны или серии молниеносных ударов. Каждый из таких ударов должен был открывать доступ к новым источникам пополнения военных запасов.

Поэтому, когда Гитлер, узнав о решении Муссолини не вступать в войну, воскликнул, что Италия повторяет игру 1914 г., он был отчасти прав. Действительно, стремление сохранить свои силы и понаблюдать со стороны, как пойдут дела у партнера, сыграли свою роль в решении итальянского диктатора. Если его ярость при чтении сообщений англо-американской прессы о «вынужденном» неучастии Италии была искренней, то столь же искренним было его желание стать свидетелем ослабления обеих воюющих сторон. Как записал в своем дневнике Чиано, Муссолини «начинает даже надеяться, что борьба между другими будет жестокой, длительной и кровавой: он видит в этом возможность больших выгод для нас»⁷. Подобные свидетельства мало вязались с торжественными заверениями в дружбе и солидарности, которыми так часто обменивались Гитлер и Муссолини, но раскрывают одну из сторон отношений между ними, отражавших межимпериалистические противоречия внутри фашистской коалиции.

Некоторые итальянские историки пишут о том, что итальянская фашистская верхушка после сентября 1939 г. как бы разделилась на две части: меньшая во главе с Муссолини была настроена воинственно, а большая, включавшая Чиано, была склонна удерживать страну от участия в войне⁸. Ряд документов свидетельствует о том, что действительно Чиано и ряд других фашистских политиков (все они в дальнейшем участвовали в заговоре против Муссолини) опасались участия Италии в «большой

⁷ *Ciano G. Op. cit.*, p. 171—172.

⁸ *Carocci G. Storia del fascismo. Milano, 1972, p. 140.*

войне». Они пользовались поддержкой некоторых представителей итальянских монополий, видевших в «нейтралитете» Италии возможность нажиться на военных поставках. Экспорт итальянских военных товаров во Францию и Англию достиг зимой 1939/40 г. таких объемов, что это стало причиной острых разногласий между партнерами по «оси».

«Пацифизм» Чиано, так же как и его единомышленников, носил весьма своеобразный характер. Прилагая робкие усилия для того, чтобы удержать Муссолини от участия в войне против Англии и Франции, он в то же время горячо поддерживал идею нападения на Югославию. При этом Чиано считал, что операция должна быть проведена «на манер Албании»⁹, т. е. таким образом, чтобы не вызвать вооруженного противодействия крупных держав. Таким образом, речь шла о разногласиях лишь тактического характера, рекомендовалось довольствоваться до поры до времени малой добычей.

Муссолини, как известно, не был склонен считаться с мнением своих приближенных (даже если допустить, что они осмеливались его высказывать). Он жаждал широких авантур и все более нетерпимо относился к роли пассивного наблюдателя. 1 февраля 1940 г., выступая перед чернорубашечниками, он приписал всем итальянцам «жажду сражений» и обещал, что «это сражение будет». Последние слова были вычеркнуты из текста, переданного для печати, однако ни для кого они не были секретом. Несмотря на крайнее недовольство своим союзником, Гитлер также был уверен в том, что Италия не останется в стороне. Выступая в конце 1939 г. на совещании военных руководителей Германии, он говорил: «До тех пор пока дуче будет жить, можно быть уверенным, что Италия ухватится за любую возможность для достижения своих империалистических целей»¹⁰.

Слова Гитлера вскоре подтвердились: в начале 1940 г. он получил очередное послание Муссолини, в котором дуче заклинал «не забывать о борьбе с большевизмом». Муссолини напоминал, что «разрешение вопроса о жиз-

⁹ 7 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию, и 14 апреля итальянское правительство объявило о включении Албании в состав Итальянского королевства.

¹⁰ Les archives secrètes de la Wilhelmstrasse. P., 1956, vol. 8, livre 1, p. 380.

ненном пространстве Германия найдет только в России, и нигде более». Вспышка антисоветизма Муссолини была столь яростной, что вызвала удивление даже в Берлине, где были хорошо осведомлены о том, что незадолго до этого итальянские дипломаты предприняли попытку улучшить отношения с СССР. Однако Гитлер ничего не ответил Муссолини по существу, не желая раньше времени посвящать его в свои планы.

В марте 1940 г. произошло свидание между Гитлером и Муссолини. Дуче торжественно заверил Гитлера, что Италия вступит в войну, причем не потому, что Германия нуждается в помощи, а потому, что «это требуют ее собственные интересы». При этом он говорил, что были предприняты большие усилия для повышения боеготовности итальянской армии. В действительности за первые шесть месяцев войны в Италии было мало сделано для улучшения состояния вооруженных сил. Не было и того «стремления к битвам» итальянского народа, о котором трубила фашистская пропаганда. В сентябре 1939 г. итальянцы с облегчением восприняли известие о том, что Италия воздержалась от вступления в войну. Нет никаких свидетельств, что народ изменил свое отношение к фашистским авантюрам в последующем.

Главным новым фактором, который побуждал итальянскую правящую верхушку весной 1940 г. торопиться со вступлением в войну, было изменение военной обстановки в Европе. Успешное начало гитлеровской «молниеносной войны» порождало иллюзию скорой победы. Боязнь опоздать к дележу добычи побуждала Муссолини проявлять лихорадочную поспешность. Теперь даже те группы итальянского правящего класса, которые ранее питали скрытые опасения, стали убежденными сторонниками решительных действий. Король, военная верхушка, фрондирующие фашистские политики были загипнотизированы успехами Гитлера и не боялись более призрака длительной войны. То же самое думали и представители крупного капитала, стоявшие за спиной фашистского режима. Жажда распространить сферу приложения сил на широкие районы Средиземноморья сцепляла их намерения с планами итальянского генералитета. Вице-президент фашистской конфедерации промышленников А. Пирелли писал в июне 1940 г., что разрешение средиземноморских противоречий «является не только политической проблемой и вопросом престижа, но и жизненной необходимостью,

важнейшим условием более широкого дыхания экономики»¹¹. Позиция финансовой и промышленной олигархии дает ключ к пониманию долговременной стратегии итальянского фашизма.

10 июня 1940 г. Италия вступила во вторую мировую войну. Муссолини не раз говорил своим приближенным, что намерен вести «параллельную войну», добиваться собственных целей, пользуясь победами Гитлера на главных направлениях. После 10-дневного участия в войне против агонизировавшей Франции он попытался осуществить эту идею. Вначале итальянская армия развернула наступление в Ливии, с целью захватить Египет, затем втайне от Германии было подготовлено нападение на Грецию. В обоих случаях дело кончилось неудачей и фашистская Германия была вынуждена посылать свои войска для того, чтобы предотвратить разгром незадачливого союзника. Военные действия в этих регионах привели к тому, что в орбиту войны были втянуты страны, которые до того времени находились вне сферы гитлеровской агрессии.

Другим результатом военных авантур фашистской Италии являлся быстрый рост ее зависимости от гитлеровской Германии. Уже к осени 1940 г. стало ясно, что «параллельная война» провалилась и фашистская Италия не в силах самостоятельно вести наступательные операции. Муссолини был вынужден согласиться на роль вассала, полностью подчинившись стратегии Гитлера. Последней попыткой обеспечить себе место в лагере победителей и участие в дележе добычи было присоединение Муссолини к гитлеровской агрессии против Советского Союза. Эта военная авантюра итальянского фашизма в решающей степени ускорила его крах задолго до окончания второй мировой войны. Он был вызван совокупностью многих внешних и внутренних причин, среди которых немаловажное место занимает агрессивная внешнеполитическая доктрина, заложенная в самой природе фашизма.

¹¹ Santarelli E. Storia del movimento e del regime fascista. Roma, 1967, vol. 2, p. 409.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКЕ ВЬЕТНАМСКИХ КОММУНИСТОВ

ФАМ СУАН НАМ

(Социалистическая Республика Вьетнам)

В наши дни проблема войны и мира приобрела чрезвычайно важное значение для всех народов нашей планеты. В то время как силы мира и социального прогресса во главе с Советским Союзом и другими социалистическими странами ведут неустанную борьбу за сохранение и укрепление разрядки международной напряженности, устранение угрозы ядерной войны, воинствующие силы империалистической реакции, лицемерно разглагольствуя о «советской угрозе», всячески пытаются возродить «холодную войну», наращивают гонку вооружений, готовят новую мировую войну. Конечно, по сравнению с кануном второй мировой войны соотношение сил сейчас коренным образом изменилось в пользу социализма и сторонников мира. Теперь, как никогда ранее, имеются реальные возможности для обуздания поджигателей войны. Тем не менее нельзя недооценивать исходящей от них опасности.

Изучение причин второй мировой войны имеет не только научное, но и практическое значение. Оно должно служить повышению бдительности народов, помогать им в борьбе за прочный мир на земле. На наш взгляд, определенным вкладом в успешное решение этой задачи явится анализ взглядов вьетнамских коммунистов в 30—40-е годы на причины возникновения второй мировой войны и развитие последующих связанных с ней событий.

В конце XIX в. французские колонизаторы захватили и превратили в свои колонии Вьетнам, Лаос и Кампучию. С тех пор вплоть до 1945 г. колонизаторы дважды втягивали народы Индокитая в мировые военные катастрофы. Во второй мировой войне французские империалисты, а затем японские милитаристы превратили Вьетнам и весь Индокитай в театр военных действий, поставив вьетнамский, лаосский и кампучийский народы на грань невиданной катастрофы.

Вьетнамские патриоты и революционеры, боевым авангардом которых выступала основанная 3 февраля 1930 г. Коммунистическая партия Вьетнама (с октября

того же года переименована в Коммунистическую партию Индокитая), бдительно следили за процессом развязывания и развития второй мировой войны. Они стремились глубоко проанализировать ее причины, характер и воздействие на экономическое, политическое и социальное положение в стране с тем, чтобы на этой основе выработать верную стратегическую линию и тактику национально-освободительной революции.

Вооруженные учением Ленина об империализме, о войне, мире и революции, вьетнамские коммунисты понимали, что, как и первая, вторая мировая война началась не случайно, а явилась неизбежным следствием развития непримиримых и все более обостряющихся противоречий мирового империализма.

В решениях VI пленума ЦК КПИК, состоявшегося в ноябре 1939 г., указывалось: «На стадии империализма в результате неравномерного развития капитализма империалистические державы, нуждаясь в сырье и рынках сбыта, вступают друг с другом в борьбу за передел мира. По этой причине и возникла мировая империалистическая война 1914—1918 гг. Эту же цель преследует и нынешняя, вторая империалистическая война. Однако реакционная печать трубит на весь мир, что война идет во имя «справедливости», «свободы», «цивилизации» и «гуманизма», для «разгрома нацизма» и «в помощь Польше». В действительности империалистическая война не имеет ничего общего с благородством. В отличие от революционной войны, отвечающей идеалам справедливости, империалистическая война является грабительской, ультрареакционной»¹.

Имея общие с первой мировой войной корни и характер, вторая мировая война, однако, отличалась рядом особенностей, важнейшей из которых было то, что на этот раз война возникла и развилась в новых условиях, когда глобальная система мирового капитализма была подорвана Великой Октябрьской социалистической революцией, а социализм превратился в живую реальность.

Поэтому в решениях VIII пленума ЦК КПИК (май 1941 г.) было отмечено: «В прежней войне воевали два империалистических лагеря, оспаривавших взаимные

¹ Dang Cong San Viet Nam BCH. TU. Van Kiên Dang. T. II. Hanoi, 1977; Dang Công San Viet Nam BCH. TU Van Kiên Dang. T. III, Hanoi, 1977, с. 27 (далее: Компартия Вьетнама).

интересы, когда не было ни одной социалистической страны. На этот же раз война возникла при наличии могучей социалистической страны — Советского Союза, занимающего одну шестую часть планеты, ставшего оплотом мира и родиной мирового пролетариата»².

С возникновением Советского государства началась новая эпоха — эпоха перехода человечества от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Основным противоречием современной эпохи, как указывал Ленин, стало противоречие между загнивающим старым капиталистическим миром и растущим, становящимся непобедимым новым, социалистическим миром³.

Под огромным влиянием Октябрьской революции и растущей мощи Советского Союза с каждым днем все более обострялись противоречия, присущие капитализму. Три экономических кризиса, следовавших один за другим в капиталистических странах в период между двумя мировыми войнами, в особенности небывалый по глубине и силе кризис 1929—1933 гг., показали, что капитализм находится в стадии всеобщего кризиса.

Господствующие классы многих империалистических государств стремились избавиться от кризиса путем милитаризации экономики, фашизации государственного аппарата, подавления революционного движения трудящихся в своей стране и в колониях, наращивания гонки вооружений и подготовки к новой мировой войне за передел рынков сбыта, сфер влияния. Вместе с тем империалистические державы наращивали свою военную мощь в ожидании удобного момента для уничтожения первого в мире социалистического государства с целью восстановления безраздельного господства капитализма во всем мире. Во имя этих реакционных целей спустя два десятилетия после окончания первой мировой войны империалисты вновь разожгли мировой пожар, причинивший неисчислимые разрушения, бедствия и страдания народам. В связи с этим VIII пленум ЦК КПИК подчеркивал: «Как и прежняя империалистическая война (1914—1918), нынешняя война есть схватка между двумя империалистическими лагерями за свои корыстные интересы, за передел и захват колоний и мирового рынка; внутри воюющих стран она направлена против революции, на

² Там же, с. 179.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 422—423.

усиление эксплуатации народа. Что касается колоний, то империалисты вновь обманом угоняют людей на фронт, тратят средства на войну, безжалостно подавляют освободительные движения»⁴.

Вторая мировая война возникла в недрах мирового капитализма вследствие антагонистических противоречий между империалистическими странами, которые резко обострились в условиях всеобщего кризиса капитализма. Капитализм на его последней стадии развития, т. е. империализм, несет прямую ответственность перед историей за то, что человечество вновь было вовлечено в кровавую бойню.

Вьетнамские коммунисты конкретно указали, что главным зачинщиком второй мировой войны является фашизм. Анализируя корни и сущность фашизма, Нгуен Ван Кы, Генеральный секретарь ЦК КПИК в 1938—1940 гг., писал: «Фашистский режим — это террористический диктаторский режим самых реакционных, шовинистических, империалистических элементов финансового капитализма; он развивался на фоне обанкротившейся буржуазной демократии»⁵. Иными словами, фашизм есть самое жестокое и преступное детище империализма. Немецкие и итальянские фашисты, японские милитаристы олицетворяли устремления тех империалистических кругов, которые в прежней войне «или мало захватили, или потеряли часть своей добычи», которые «вновь пошли на грабеж, чтобы разрешить кризис, продолжавшийся в их странах с 1930 г.»⁶.

В сентябре 1931 г. японские милитаристы оккупировали северо-восточные районы Китая, создав первый очаг войны на Дальнем Востоке. В 1933 г. фашисты захватили власть в Германии, жестоко подавили революционное движение в стране и развернули лихорадочную гонку вооружений. Таким образом, в центре Европы возник второй, главный очаг войны. Годы, предшествующие второй мировой войне, характеризовались неуклонным расширением фашистской агрессии в Европе, Азии и Африке.

Анализируя происходящие события, Коммунистическая партия Индокитая в октябре 1938 г. отмечала: «В данный момент в мире сложилось исключительно

⁴ Компартия Вьетнама, с. 178.

⁵ Там же, с. 415.

⁶ Там же, с. 27, 28.

серьезное положение, всюду тлеют очаги войны, созданные фашистами, уже осуществляется частичный передел рынков в Африке, Азии и Европе»⁷.

В 1939 г. партия вновь призвала народы к бдительности. В Призывах КПИК в марте этого года говорилось: «В Европе Гитлер аннексировал Австрию и Чехословакию; Муссолини предъявил претензии к Корсике и Тунису... и вступил в альянс с немцами, чтобы истребить население Испании... они втягивают мир в крайне жестокое человекоубийство. На Дальнем Востоке Япония, проводя политику аннексий, оккупировала 7 провинций Китая и, аннулировав соглашение с Францией, высадила свои войска на о-ве Хайнань, создавая прямую угрозу нашей стране. Фашистская опасность налицо»⁸.

Далее подчеркивалось, что «фашизм — это война. Война, развязанная германскими, итальянскими и японскими фашистами, бросает человечество в огонь военного пожара и заставляет его томиться под господством изуверов более жестоких, чем средневековые варвары»⁹.

Решительно разоблачая фашизм как главного виновника второй мировой войны, вьетнамские коммунисты в то же время осуждали политику поощрения и умиротворения фашистских агрессоров, проводившуюся английскими, французскими и американскими империалистами, политику, приведшую к позорному мюнхенскому сговору (сентябрь 1938 г.). Именно этот капитулянтский курс явился важной причиной того, что фашисты становились все более наглыми и бесцеремонными.

В наших партийных документах 1938—1939 гг. была дана следующая оценка позиции западных держав: «Английская и французская буржуазия боятся движения масс больше, чем фашистов. Они хотят, чтобы Гитлер как жандарм „охранял порядок“ в Европе» от угрозы со стороны большевизма и Советского Союза. «Они боятся, как бы победа демократического фронта и крах Гитлера не опрокинули опору реакционных сил, поэтому они всегда идут на уступки фашистам»¹⁰.

В апреле 1938 г. при попустительстве правительств Англии и Франции гитлеровцы захватили Австрию.

⁷ Там же, с. 300.

⁸ Там же, с. 307.

⁹ Там же, с. 309.

¹⁰ Там же, с. 374.

В сентябре того же года в Мюнхене Англия и Франция подписали с Германией и Италией предательское соглашение, по которому Гитлеру передавались богатые сырьем промышленно развитые районы Чехословакии. Таким образом они вручили Гитлеру «ключ для насильственной экспансии в Восточной Европе и на Ближнем Востоке и одновременной подготовки нападения фашистской Германии на Советский Союз»¹¹. Реакционная буржуазия вообразила, что, уступив фашистам, она «спасла мир». Однако это еще больше возбудило безумные вожделения фашистов и ускорило начало мировой войны¹².

После мюнхенского соглашения Гитлер предъявил новые территориальные претензии в целях реализации программы «объединения великой Германии»; Муссолини потребовал передела французских колоний в Северной Африке; японские милитаристы усилили давление на позиции западных империалистических держав в Китае.

Несмотря на то что эти агрессивные действия и провокации фашистов ущемляли или серьезно угрожали интересам Англии, Франции и США, реакционные правительства этих стран не предпринимали никаких мер противодействия агрессору. Только когда Гитлер нагло потребовал удовлетворить его претензии относительно Данцига, когда народные массы Англии и Франции решительно потребовали от Чемберлена и Даладье выступить против бесноватого фюрера, только тогда они вынуждены были начать с Советским Союзом переговоры о создании системы коллективной безопасности, за которую многие годы боролся СССР.

Но после открытия переговоров в Москве летом 1939 г. английские и французские лидеры, особенно Чемберлен, продолжали курс на сговор с фашистской Германией. В то время вьетнамские коммунисты указывали, что политика Англии и Франции в переговорах с Советским Союзом, напоминала «палку о двух концах», так как «английские и французские реакционеры хотели использовать Советский Союз для нажима на Гитлера, чтобы несколько обуздать фюрера и вести переговоры с ним на более выгодных для Англии и Франции условиях. Они вынашивали замысел натравить Гитлера на Советский Союз... заставить Гитлера вступить в переговоры с ними

¹¹ Там же, с. 378.

¹² Там же.

и перенести главный удар на Восток, т. е. против Советского Союза»¹³. Этим объясняется тот факт, что тогдашние правители Англии и Франции умышленно затягивали и в конце концов провалили англо-франко-советские переговоры. В этих условиях в целях срыва империалистических замыслов создания единого антисоветского фронта, а также для того, чтобы выиграть время для укрепления обороноспособности страны, Советское правительство согласилось 23 августа 1939 г. подписать предложенный Германией договор о ненападении.

В связи с этим событием реакционная буржуазная печать и ее прислужники выступили с яростными нападениями на Советский Союз, пытались обвинить его в том, что будто он «содействовал» немецким фашистам в развязывании второй мировой войны. В это трудное время, когда в стране и за рубежом сложилась крайне сложная обстановка, вьетнамские коммунисты мужественно встали на защиту Страны Советов. Об этом свидетельствуют партийные документы тех лет: «Объяснения к советско-германскому договору» от 23 сентября 1939 г. и «Сообщение партийным организациям всех ступеней» от 29 сентября 1939 г.

Следует особо отметить, что в решениях VI пленума ЦК КПИК содержался специальный раздел «Советский Союз и империалистическая война», в котором опровергались антисоветские измышления и разоблачались черные замыслы империалистов, раскрывался истинно миролюбивый внешнеполитический курс Советского государства. В решениях отмечалось: «Империалистическая война ввергает человечество в катастрофу, поэтому Советский Союз неуклонно придерживается политики мира. Однако достижению всеобщей безопасности, за которую всегда выступал Советский Союз, всячески препятствует матерый политикан Чемберлен.

На англо-франко-советских переговорах Чемберлен и Даладьё категорически отказывались от обеспечения безопасности Прибалтийских стран, тем самым готовя Гитлеру плацдарм для нападения на Советский Союз. Зная мощь Советского Союза, Гитлер в то время еще не смел нарушить советскую границу. Поэтому и был заключен советско-германский договор о ненападении. Договор во все не имел целью спровоцировать империалистическую

¹³ Там же, с. 10.

войну, как бы ни трубили об этом буржуазные пропагандисты, а напротив, он был направлен на раскол империалистических сил, на то, чтобы спасти не только 180-миллионное население Советского Союза, но и сотни миллионов рабочих и крестьян мира от уничтожения. Указывая на вступление Красной Армии в восточные районы Польши, империалисты разглагольствуют, будто Советский Союз вкупе с Германией разделили соседнюю страну. Они не понимают или не хотят понять, что более миллиона коричневорубашечников перешли польскую границу, и если бы Советский Союз не занял вышеназванные районы, то его безопасность оказалась бы под угрозой и десятки миллионов русских, живущих в Польше, пали бы жертвами нацистов. Они не понимают или не хотят понять разницу между вторжением вооруженных сил иностранных государств с целью убийства людей и захвата имущества в чужие страны (Германия оккупировала Австрию и Чехословакию; Италия — Эфиопию и Албанию; Япония — Китай, Корею и Тайвань; Англия — Южную Африку, Индию и Бирму; Франция — Марокко и Индокитай и т. д.) и помощью Советского Союза в освобождении украинского народа от рабства. Красная Армия помогла народам Белоруссии и Украины установить Советскую власть, национализировать крупную промышленность и передать землю крестьянам. В отличие от лживого подхода американских империалистов, на словах выступающих за нейтралитет, а на деле продающих оружие воюющим странам и ожидающих момента втянуться в войну, Советский Союз всегда стремился ограничить масштабы войны.

Для этой цели и были заключены договоры взаимопомощи с Прибалтийскими странами и проведены переговоры с Турцией. Короче говоря, как бы ныне ни изменялось международное положение, Советский Союз всегда оставался верным своей политике мира и поддержке мировой революции, политике, которую он проводил уже более 20 лет»¹⁴.

В этих строках, написанных в те трудные дни, нашли свое яркое выражение пролетарский интернационализм и горячая любовь вьетнамских коммунистов к родине великого Ленина.

Вместе с тем, исходя из правильного понимания ос-

¹⁴ Там же, с. 31.

новного противоречия нашей эпохи, т. е. противоречия между капитализмом и социализмом, вьетнамские коммунисты высказали предположение о том, что начавшаяся империалистическая война может «превратиться в войну между империализмом и Советским Союзом»¹⁵. В мае 1941 г. на VIII пленуме ЦК КПИК, проходившем под председательством Хо Ши Мина, говорилось, что фашистская Германия проводит лихорадочные приготовления и собирается напасть на Советский Союз, что война вспыхнет и на Тихом океане между Японией, с одной стороны, и Англией с США — с другой. На пленуме была высказана уверенность в том, что, несмотря на развязанную империализмом войну, мировое революционное движение будет быстро развиваться, что антифашистская коалиция во главе с Советским Союзом непременно победит, а фашизм потерпит закономерное поражение.

Исход второй мировой войны неопровержимо доказал правильность этих предсказаний вьетнамских коммунистов.

Прошло более трети века со времени окончания второй мировой войны. Благодаря победе Советской Армии над фашизмом социализм вышел за рамки одной страны и превратился в крепнущую мировую систему. Бурно развивается национально-освободительное движение. Быстро нарастает мощь демократического движения в капиталистических странах. Империализм потерпел поражение в локальных войнах, развязанных им в послевоенный период. Особенно позорное поражение потерпели американские империалисты, которые на протяжении многих лет вели исключительно жестокую агрессивную войну против вьетнамского народа. На путь строительства социализма встают народы все большего числа стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Исход второй мировой войны и послевоенный период убедительно подтвердили, что содержанием нашей эпохи является переход человечества от капитализма к социализму во всемирном масштабе, превращение социалистической системы в определяющий фактор исторического процесса. Вместе с тем народы не должны забывать уроков войны, помнить, что еще существуют темные силы империализма, которые покрывают военных преступников и поощряют возрождение фашизма. Фашистские органи-

¹⁵ Там же, с. 103.

зации еще существуют во многих капиталистических странах. Империалистические державы прежде всего США сохраняют сотни военных баз на территории других стран, наращивают гонку вооружений, проводят политику, враждебную социализму и другим революционным и прогрессивным силам. Развязанная на Западе пропагандистская кампания о якобы нарушенных «правах человека» в социалистических странах, продолжающаяся там гонка вооружений — все это опасные акции капиталистического военно-промышленного комплекса, направленные на нагнетание международной напряженности, на усиление эксплуатации трудящихся, на увеличение прибылей монополий.

Человечество не может не тревожить и политика Пекина. Опасно и то, что правящие круги США и других империалистических государств пытаются использовать Пекин в своих интересах в борьбе против стран социалистического содружества.

Прогрессивное человечество бдительно следит за происками врагов мира, рассматривает эту борьбу как свою первостепенную задачу.

Мы верим, как никогда ранее, в успех борьбы за мир всех миролюбивых народов, так как ныне соотношение сил резко изменилось в пользу социализма и прогресса. Активные и сплоченные действия революционных сил нашей эпохи, их борьба за мир, национальную независимость, демократию и социализм способствуют дальнейшему ослаблению сил войны, являются надежной гарантией установления прочного мира на нашей планете.

КРАХ ЛИГИ НАЦИЙ

Р. М. ИЛЮХИНА

В исследовании причин возникновения второй мировой войны немаловажное значение имеет вопрос о роли Лиги наций, международной организации, декларировавшей своей целью предотвращение войн и мирное разрешение международных конфликтов.

Объективное освещение истории Лиги наций имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение. Основные проблемы международных отношений современности своими корнями уходят в тот период, к которому принадлежала и Лига наций. Именно тогда развернулась борьба вокруг проблем мира и войны, безопасности и разоружения, в том числе и по вопросу о роли международной организации в решении этих проблем.

Изучение истории Лиги наций в предвоенные годы дает важный материал для разоблачения политики реакционных кругов США и их союзников по НАТО, пытающихся по примеру Лиги наций умалить роль ООН в деле поддержания мира или поставить ее на службу империалистической политики.

Современная буржуазная историография стремится реабилитировать политику правящих кругов Великобритании и Франции, превративших с помощью США Лигу наций в орудие, поощрявшее агрессоров. Так, ряд историков возлагают вину за крах Лиги на абстрактный национальный суверенитет, который якобы не только явился причиной неудач Лиги, но и привел к войне. Английский историк К. Торн считает, что «суверенность обессилила Лигу»¹, а американский специалист по истории Лиги наций Д. Баррос полагает, что ни одно государство не поступилось «своим суверенитетом»². Английская исследовательница Р. Хениг пишет, что «национальный эгоизм заставил лидеров Лиги ставить цели собственной

¹ *Thorne C. The Limits of the Foreign Policy: The West, the League and the Far-Eastern Crisis of 1931—1933. L., 1972, p. 410—411.*

² *Barros J. The Corfu incident of 1923. Mussolini and the League of Nations. Princeton, 1965, p. 115.*

страны выше интересов мирового сообщества»³. Более того, в этих антиисторических конструкциях делается попытка возложить вину за крах Лиги и на Советский Союз. Эти взгляды нашли отражение и в работах английского политолога Дж. Скотта, и американского исследователя Кр. Осакве, и канадского ученого Р. Витча, которые упрекают лидеров Британии, Франции, СССР и США⁴ в отсутствии выдержки перед лицом агрессора.

Ряд буржуазных историков при объяснении неудач Лиги концентрируют внимание на факте отсутствия США в Лиге наций. Д. Флеминг полагал, что отказ США вступить в Лигу был решающей ошибкой, не позволившей предотвратить мировую войну⁵. «Если бы Америка была вовлечена в Лигу наций и приняла бы на себя всю меру ответственности,— развивает эту идею Дж. Скотт,— ... тогда Лига не испытывала бы недостатка в силе и желании предпринимать военные акции или выполнять свои решения»⁶.

Оценка политического курса западных держав сводится к морально-психологическим факторам, к ошибкам, недоверию, непоследовательности, психологической неподготовленности. «Коллективная безопасность,— пишет К. Торн,— не могла существовать, так как государства не разоружались. Однако государства не могли разоружаться до тех пор, пока коллективная безопасность не показала бы им заслуживающей доверия»⁷.

Системный подход английского историка Д. Уотта и психофункциональный анализ, предложенный американским ученым П. Джейкобом⁸, по существу маскируют политику попустительства фашизму, которая привела к войне и краху Лиги наций.

³ *The League of Nations* / Ed. R. Henig. Edinburgh, 1973, p. 176.

⁴ *Scott J. The Rise and the Fall of the League of Nations*. N. Y., 1974, p. 403; *Osacwe Cr. The Participation of the Soviet Union in the Universal International Organisations*. Leiden, 1972, p. 5; *Veatch R. Canada and the League of Nations*. Toronto, 1975, p. 183.

⁵ *Fleming D. F. The Cold War and its Origin, 1917—1960*. L., 1961, vol. 2, p. 1037.

⁶ *Scott J. Op. cit.*, p. 39, 41.

⁷ *Thorne C. Op. cit.*, p. 408—409.

⁸ *Yorr Д. Провал системы коллективной безопасности* (XIV конгресс исторических наук 1975 г.), с. 21—22; *Jacob P. H., Altonon A. The Dynamics of International Organisation*. Homewood, 1965, p. 16, 57, 65, 66.

В большинстве буржуазных работ замалчивается стремление западных держав использовать Лигу наций для осуществления политики умиротворения агрессоров в целях антисоветской политики, в результате чего Лига наций была отстранена от решения коренных международных проблем и этим объективно способствовала развязыванию второй мировой войны.

Критерий оценки эффективности международной организации был определен В. И. Лениным. Он считал, что в основе деятельности такой организации лежат «интересы мира, рассматриваемые с точки зрения конкретных условий всей современной международной политики»⁹.

Ленинская дипломатия еще в 20-е годы подчеркивала, что одной из важнейших функций международной организации является деятельность, направленная на безоговорочный отказ от войны как средства решения международных спорных вопросов. Вместе с тем советская дипломатия связывала борьбу за мир с широкими перспективами взаимовыгодного международного экономического сотрудничества.

Международная организация может успешно содействовать делу мира только в том случае, если доминирующей тенденцией международной жизни является политика мирного сосуществования между ее государствами-членами.

Ленинская концепция международной организации, имеющей целью сохранение мира и взаимовыгодного сотрудничества, действующей на основе принципов уважения суверенитета, равенства государств и народов, невмешательства во внутренние дела и мирного разрешения конфликтов¹⁰, была отвергнута империалистическими государствами еще в период Генуи. Этот же курс проводили империалистические державы и в Лиге наций.

Созданная в 1919 г. Лига наций, с одной стороны, использовалась англо-французской империалистической группировкой для сохранения политических итогов первой мировой войны, с другой стороны, она служила для империалистических кругов средством борьбы против пролетарского и национально-освободительного движения, против Советской России. Хотя США формально и не входили

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 244.

¹⁰ См.: Там же, с. 36—39.

ли в Лигу наций, тем не менее американская политика оказала значительное воздействие на деятельность организации, являясь одним из важных факторов антисоветской стратегии и курса на умиротворение агрессивных государств.

Однако западные державы недооценили силу социалистического государства и переоценили «гармонию политических и экономических интересов» остальных государств, которую по их замыслам должна была воплощать Лига наций.

К 1933 г. роль Лиги как орудия господства Англии и Франции значительно ослабла. Близорукая политика западных держав привела к политическому кризису организации в 1931—1933 гг., кульминацией которого явился выход из нее Германии и Японии — агрессивных держав «оси», набравших к тому времени мощь для самостоятельных действий.

Кризис Лиги определил контуры будущей политики умиротворения агрессора и вместе с тем вынудил капиталистический мир признать невозможность решения мировых проблем без Советского Союза.

В начале 30-х годов, когда опасность новой мировой войны становилась все более реальной, значение международной организации могло бы возрасти. Лига наций могла бы стать определенным положительным фактором обеспечения международной безопасности.

В 1934 г. по приглашению 30 государств Советский Союз вступил в Лигу наций. Советский Союз предложил «наполнить новым содержанием» деятельность Лиги наций, превратив ее в международную организацию, строящуюся на «принципах мирного сосуществования... наличия общих целей» и расового равноправия»¹¹. СССР выступил против легализации войны (ст. 12 и 15 Устава) и мандатной системы.

Впервые в истории Советский Союз предложил создать при помощи международной организации систему коллективной безопасности как эффективное средство предотвращения войны и обеспечения мира¹².

Поддержка Лиги наций Советским Союзом означала использование еще одного средства для реализации политики мирного сосуществования, организации коллектив-

¹¹ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП СССР). М., 1971, т. 17, с. 596—597.

¹² Там же. М., 1970, т. 16, с. 876.

ной безопасности. Однако западные державы не поддержали советские предложения.

Вступление СССР в Лигу наций ознаменовало начало нового этапа в ее истории. Если в 1919—1933 гг. организация объединяла только капиталистические страны, то в 1934 г. Лига представляла собой международную организацию, в которой участвовали страны противоположных социальных систем.

В период образования очагов мировой войны Лига наций особым образом отразила динамику международных отношений. История Лиги наций в предвоенные годы характерна противоборством двух тенденций: стремлением СССР превратить международную организацию в действенную систему коллективной безопасности и стремлением империалистических кругов к превращению Лиги в «универсальный комитет» по невмешательству и попустительству фашизму в целях уничтожения или по меньшей мере значительного ослабления Советского Союза.

Серьезным шагом в проведении политики умиротворения агрессора со стороны Лиги наций явилось ее фактическое невмешательство при явном нарушении Германией Версальского договора. Официальный отказ Германии от военных статей договора, введение всеобщей воинской повинности в марте 1935 г., а также ввод германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону в марте 1936 г. не получили должного отпора в Лиге. На чрезвычайной лондонской сессии Совета Лиги¹³ в марте 1936 г. британской дипломатии удалось добиться резолюции, ограничивавшейся «констатацией факта» нарушения Германией ст. 43 Версальского договора. Коллективных санкций принято не было, агрессивные действия Германии остались безнаказанными¹⁴.

Напротив, с марта 1935 г. начались англо-германские переговоры о возвращении Германии в Лигу наций¹⁵.

Только Советский Союз решительно потребовал обуздания фашистского агрессора и соблюдения международ-

¹³ Основной орган Лиги наций, в состав которого входили постоянные члены — представители великих держав и непостоянные члены — представители ряда других государств, избираемых Ассамблеей на определенный срок.

¹⁴ League of Nations. Official Journal. April. Geneva, 1936, pt I, p. 327.

¹⁵ Scott G. Op. ci., p. 301—305.

ных договоров. Выступая 17 марта 1936 г. в Совете Лиги, М. М. Литвинов подчеркнул: «...нельзя бороться за коллективную организацию безопасности, не принимая коллективных мер против нарушения международных обязательств». Политика «премирования агрессора путем принятия угодной и выгодной агрессору базы соглашения» была разоблачена советским делегатом¹⁶.

Устойчивая тенденция отказа от защиты западными державами международных обязательств и договоров, которая проявилась в деятельности Лиги в 1935—1936 г., по существу означала попытки разрушения этой организации.

Западная дипломатия не вняла предостережениям Советского Союза и открыла зеленую улицу фашистской агрессии, жертвой которой стала в 1935 г. Эфиопия. Принятое по настоянию СССР решение Совета Лиги (7 октября 1935 г.) о применении к Италии финансовых и экономических санкций (особенно эмбарго на экспорт оружия и нефти) не было выполнено¹⁷. Фактический отказ от применения санкций к Италии был важной акцией политики умиротворения.

Все эти факты означали, как указывалось в ноте НКВД СССР от 22 ноября 1935 г., «отрицание возможности проявления международной солидарности в деле сохранения и укрепления всеобщего мира...»¹⁸.

Более того, сторонники политики умиротворения агрессора добились 4 июня 1936 г. отмены санкций.

Безнаказанность действий агрессора в Эфиопии, стремление Англии и Франции сорвать применение санкций против Италии дали возможность Муссолини игнорировать решение Совета Лиги и объявить в мае 1936 г. о присоединении Эфиопии к Италии.

Только Советский Союз занял в итало-эфиопском конфликте принципиальную позицию. СССР неоднократно заявлял о том, что он исходит из принципов равноправия и независимости Эфиопии, являющейся к тому же членом Лиги, что он не может поддерживать никаких действий

¹⁶ ДВП СССР. М., 1974, т. 19, с. 154.

¹⁷ Там же, с. 331—332.

¹⁸ Вобликов Д. Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, 1860—1960. М., 1961, с. 86—87.

Лиги, направленных к нарушению государственного суверенитета Эфиопии¹⁹.

Важно подчеркнуть, что Лига наций располагала в тот период достаточными средствами, и не только моральными, чтобы заставить Италию отказаться от интервенции в Эфиопии. Тем не менее мир был поставлен перед фактом, что Лига наций не смогла обеспечить своему члену территориальную целостность и политическую независимость в соответствии со ст. 10 ее устава.

Судьба Эфиопии особенно потрясла дипломатов, представивших в Лиге малые страны. «Чья же теперь очередь?» — спрашивали они друг друга²⁰.

Пассивность Лиги в итало-эфиопском конфликте поощрила агрессивные государства, которые убедились, что нет необходимости опасаться санкций этой организации. Малые и нейтральные страны, ранее рассчитывавшие на помощь Лиги в случае конфликта, не могли более на нее положиться. Великобритания и Франция, практически выступив на стороне агрессора, парализовали деятельность Лиги наций, направленную на укрепление международной безопасности.

Следующим важным шагом политики умиротворения явилась позиция западных держав в Лиге в период вооруженной интервенции Германии и Италии против республиканской Испании. Попустительство фашизму особенно наглядно проявилось в деятельности созданного в 1936 г. Международного комитета по применению соглашения о невмешательстве в испанские дела. Итало-германская агрессия в Испании была грубейшим нарушением устава Лиги, реальной угрозой безопасности и миру в Европе.

Однако империалистические державы торпедировали конструктивные предложения СССР, направленные на защиту испанского народа и пресечение фашистской агрессии. Вместе с тем провозглашенное невмешательство динично попиралось, западные державы помогали агрессору, отказывая в помощи его жертве. Эта позиция Лиги, принявшая характер международного скандала²¹, логически привела к ее изоляции.

¹⁹ ДВП СССР, т. 19, с. 702.

²⁰ Табуи Ж. XX лет дипломатической борьбы. М., 1960, с. 342.

²¹ Подробнее см.: ДВП СССР. М., 1976, т. 20, с. 545—546, 552—554.

Взяв курс на политику умиротворения фашизма, отказа от коллективного отпора агрессии, женевские политики способствовали разжиганию очага войны на Дальнем Востоке. Очередной жертвой агрессии стал Китай. В октябре 1937 г. под давлением Англии и Франции, которые не желали обсуждать жалобы китайского правительства, Ассамблея Лиги наций²² ограничилась лишь заявлением о моральной поддержке Китаю, а в отношении Японии «констатацией факта», что Япония нарушила свои обязательства²³.

«Умиротворение» японских милитаристов, попытки спровоцировать японо-советский конфликт и направить японскую агрессию к границам СССР приобрели черты генерального направления политики западных держав в Лиге наций.

21 сентября 1937 г. на заседании Ассамблеи Лиги советский представитель подверг резкой критике политику попустительства агрессии. Призывая мобилизовать международную организацию для коллективного отпора захватчикам, он заявил: «Я убежден, что Лига... может оказать как Испании, так и Китаю более сильную помощь, чем эти страны скромно от нее просят... Я твердо убежден, что решительная политика в одном случае агрессии избавила бы нас от всех случаев»²⁴. Однако конструктивные инициативы СССР, направленные на противодействие агрессору в Европе и Азии, были отклонены западными державами.

Созванная в ноябре 1937 г. в Брюсселе под эгидой Лиги наций международная конференция для обсуждения положения в Восточной Азии не приняла мер к обузданию японского агрессора. Из 18 делегаций государств, принявших участие в конференции, только советская делегация решительно и последовательно выступала в защиту мира, независимости и территориальной целостности Китая, за создание системы коллективной безопасности против агрессора.

Западные державы, прежде всего США и Великобритания, бойкотировали советские предложения. Они не хо-

²² Основной орган Лиги наций, в состав которого входили представители всех государств.

²³ League of Nations. Records of the Eighteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary meetings. Geneva, 1937, p. 148—149.

²⁴ ДВП СССР, т. 20, с. 517.

тели «портить отношения» с Японией, рассчитывая на гарантию с ее стороны сохранности своих колониальных владений в Азии и в то же время стремились направить японскую агрессию против СССР.

Таким образом Лига наций, призванная гарантировать целостность входивших в нее государств, обеспечивать нерушимость международных обязательств, встала на путь капитуляции перед лицом агрессии. Буржуазные политики в Лиге прибегли к прямой обструкции конструктивных предложений при рассмотрении коренных международных проблем.

Ведущая роль в политике отстранения Лиги от решения важных политических проблем принадлежала Великобритании. В ноябре 1937 г. член английского парламента, в прошлом премьер-министр, Ллойд Джордж в беседе с полномочным представителем СССР в Великобритании подчеркнул: «Не решаясь пока открыто разорвать с Лигой наций, Чемберлен тем не менее фактически уже махнул на нее рукой и руководствуется сейчас в своей внешней политике исключительно лишь мериллом британских интересов. Под этим углом зрения он считает самой важной задачей соглашение с Германией и Италией, ради которого он готов пожертвовать Испанией, Австрией, Чехословакией и многим другим»²⁵.

Позорная политика пособничества захватчикам привела к тому, что на аншлюс Австрии, очередной жертвы фашистской агрессии, в марте 1938 г. Лига наций практически вообще не реагировала. Понимая значение аншлюса для австрийского народа, явную угрозу фашистской агрессии, нависшей над Чехословакией, Советский Союз официально обратился к другим великим европейским державам с предложением о немедленном обсуждении возможных последствий этого события с целью принятия коллективных предупредительных мер в Лиге наций или вне ее²⁶.

Советское правительство предупреждало, что безнаказанность агрессии неизбежно повлечет за собой повторение и умножение подобных случаев. Советский Союз еще раз призвал западные державы воспользоваться коллективными действиями в целях обуздания агрессора. «Завтра может быть уже поздно,— говорилось в интервью

²⁵ Там же, с. 611.

²⁶ Там же. М., 1977, т. 21, с. 128—129.

народного комиссара иностранных дел СССР представителям печати 17 марта 1937 г., — но сегодня время для этого еще не пришло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»²⁷.

Парадоксально, но факт, что именно в это время западные державы вновь инспирировали в Лиге дебаты, направленные на отмену санкций по отношению к агрессору в том виде, в котором они были предусмотрены уставом. Дискуссия об отмене автоматичности и обязательности санкций, застрельщиком которой была Великобритания, началась еще в 1936 г. под названием «о применении принципов устава»²⁸.

В беседе с полномочным представителем СССР в Великобритании 17 августа 1938 г. министр иностранных дел Галифакс предложил следующий метод использования санкций: «Лига устанавливает, что в случае какой-либо агрессии представители держав должны немедленно собраться и обсудить положение, однако если встанет вопрос о санкциях, то применение их признается факультативным» (необязательным. — *Р. И.*)²⁹. Капитулянтская позиция Великобритании вела не только к полному подрыву принципов коллективной безопасности, но и к развалу самой Лиги наций.

В 1938 г. на XIX сессии Ассамблеи, в частности в 6-м политическом комитете³⁰, развернулась острая дискуссия о принципах использования ст. 16 устава, касающейся санкций. Английская дипломатия поддержала предложение «группы Осло» (Дания, Бельгия, Голландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Люксембург), страны которой не только объявляли себя свободными от обязательств, вытекающих из ст. 16 устава, но и предложили другим членам Лиги считать эту статью факультативной³¹. Под давлением Великобритании целый ряд других стран поддержал тезис о необязательности ст. 16.

²⁷ Там же, с. 129.

²⁸ Сборники документов по международной политике и международному праву. М., 1937, вып. 11, с. 386; *Engel S. League reform, 1936—1939*. Geneva, 1940, p. 35—37.

²⁹ ДВП СССР, т. 21, с. 437.

³⁰ Специальный комитет, созданный на XIX сессии Ассамблеи для обсуждения политико-юридических вопросов.

³¹ ДВП СССР, т. 21, с. 431.

Пытаясь приспособить Лигу наций к политике умиротворения агрессора, английский представитель Де ла Варр требовал от государств индивидуально решать, «в какой мере они могут участвовать в коллективных мероприятиях», и вообще отделить устав Лиги наций от мирных договоров, заключенных после первой мировой войны³². Атака на Лигу наций со стороны реакционных сил, действовавших в самой организации, была тем более опасной, что она поддерживалась извне. Немецкая дипломатия всячески запугивала малые страны, принуждая их к отказу от санкций и к политике нейтралитета в случае возникновения военного конфликта. «Главной побудительной причиной антилигонационных интриг... агентов Германии, Италии и Японии,— подчеркивал народный комиссар иностранных дел СССР в январе 1938 г.,— является желание уничтожения франко-советского и советско-чехословацкого пактов, базирующихся на ст. 16 устава Лиги»³³.

Последовательным защитником Лиги наций, неустанным борцом за создание системы коллективной безопасности был Советский Союз. Учитывая линию империалистических государств на превращение «Лиги в придаток политики умиротворения, Советское правительство не упускало ни одного подходящего случая для рекомендации наиболее эффективных гарантий мира, каковые оно видело в организации системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций...»³⁴.

Еще в 1936 г. Советская дипломатия разработала и предложила реальный конструктивный план укрепления Лиги наций и превращения ее в действенный инструмент борьбы с агрессией. Предложения СССР, изложенные в письме народного комиссара иностранных дел СССР на имя генерального секретаря Лиги наций Ж. Аvenoля от 22 августа 1936 г., сводились к следующему: Совет Лиги, созываемый в случае войны в трехдневный срок, в течение трех последующих дней должен определить необходимость применения санкций к агрессору; для решения этого вопроса требовалось не менее трех четвертей голосов членов Совета; с момента констатации Советом необходи-

³² Правда, 1938, 17 сент., 28 сент.

³³ Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 159.

³⁴ Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937—1939: В 2-х т. М., 1981, т. 1, с. 78.

мости применения санкции агрессор признается находящимся в состоянии войны со всеми странами — членами Лиги. Особо оговаривалась обязательность выполнения санкций, в том числе военных для всех стран — членов Лиги. В случае их уклонения от участия в экономических и финансовых санкциях против агрессора они могут быть подвергнуты таможенной и торговой дискриминации.

Советский Союз, учитывая нежелание ряда государств, входивших в Лигу, применить военные санкции, предложил заключить региональные и двусторонние договоры о взаимопомощи между членами Лиги, которые в случае необходимости могли бы сами применить военные санкции. Эти договоры, которые должны были содержать обязательства помощи жертве агрессии, предлагалось регистрировать и публиковать согласно ст. 18 устава Лиги³⁵.

Особо важное значение советская дипломатия придавала сотрудничеству СССР, Франции и Великобритании, считая, что коллективные действия и принципиальная позиция по проблемам международной безопасности могут препятствовать развязыванию войны. В качестве первого шага Советское правительство предлагало публикацию совместной англо-франко-советской декларации в защиту Лиги наций, от чего западные державы постоянно уклонялись³⁶.

Считая, что Лига «может служить значительной помехой к дальнейшему развязыванию сил агрессии»³⁷, СССР боролся за сохранение ст. 16 устава, попытка исключить которую могла бы превратить организацию в «универсальный комитет по невмешательству»³⁸. «Советский Союз,— говорил М. М. Литвинов на заседании Совета Лиги в мае 1938 г.,— не может делить ответственность за такое решение, которое неизбежно ведет к разрушению Лиги и тем косвенно способствует ее ликвидации»³⁹. Советская дипломатия предупреждала все государства о тех опасных последствиях, к которым может привести отмена или ограничение ст. 16 устава Лиги. Выступая 23 сентября 1938 г. в 6-м комитете, М. М. Литвинов подчеркнул, что ревизия Устава Лиги ведет к

³⁵ ДВП СССР, т. 19, с. 339—401.

³⁶ Там же, с. 63; т. 21, с. 20.

³⁷ Там же, т. 21, с. 155.

³⁸ Там же, с. 61.

³⁹ Там же, с. 262.

подрыву принципа нерушимости международных обязательств, к превращению санкций в предмет сделок или торга между агрессором и членом Лиги, от чего особенно пострадают малые страны. Произвольное толкование ст. 16 открывает возможность таким же образом обращаться с другими статьями устава⁴⁰. В результате упорной борьбы Советского Союза решение об отмене ст. 16 принято не было⁴¹.

Для характеристики положения, сложившегося в Лиге накануне войны, весьма показательны были XIX и XX сессии Ассамблеи Лиги наций. На XIX сессии, проходившей в тот период, когда готовилась и произошла расправа над Чехословакией — полноправным государством — членом Лиги, «чехословацкий вопрос» даже не значился в повестке дня. Главным событием XIX сессии Ассамблеи, вызвавшим большой резонанс во всем мире, было выступление советского делегата М. М. Литвинова 21 сентября 1938 г., в котором была убедительно раскрыта необходимость принятия неотложных мер для борьбы с фашистской агрессией и защиты Чехословакии. «В настоящее время,— сказал он,— Чехословакия испытывает вмешательство во внутренние дела... и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии... Я убежден, что симпатии если не всех правительств, то всех народов... тянутся к чехословацкому народу в грозный час его испытаний... что все наши помыслы настолько поглощены событиями, происходящими в Чехословакии, что мы, делегаты, с трудом можем уделить внимание повестке дня пленума, в которой чехословацкий вопрос отсутствует»⁴².

Советский делегат с трибуны Лиги наций ясно заявил, что Советский Союз готов «немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом». Правительство СССР считало желательным постановку «чехословацкого вопроса» в Лиге наций, «во-первых, с целью мобилизации общественного мнения и, во-вторых, выяснения позиции некоторых других государств, посильная помощь которых была бы весьма ценной». Советская делегация предлагала при-

⁴⁰ Правда, 1938, 24 сент.

⁴¹ Там же, 2 окт.

⁴² ДВП СССР, т. 21, с. 501.

нять все возможные меры для предотвращения конфликта «путем выработки коллективного демарша»⁴³. Однако конструктивные инициативы СССР не получили поддержки. 29 сентября 1938 г., в день мюнхенского сговора, пленум Лиги наций принял резолюцию «Положение в Европе»⁴⁴, в которой отмечалось, что представители 49 государств «с растущим беспокойством следили за развитием современного серьезного положения в Европе». Резолюция подчеркивала, что «существующие разногласия могут быть разрешены мирными средствами». Ассамблея Лиги выразила надежду, «что ни одно правительство не попытается навязать урегулирование конфликта силой». Хотя указанная резолюция и призывала к мирному урегулированию европейского кризиса она, как и многие другие решения Лиги, носила половинчатый характер и практически никого ни к чему не обязывала. В ней не упоминалось о трагедии Чехословакии как государства — члена Лиги, т. е. практически на одну доску были поставлены и агрессор, и его жертва.

Пацифистский характер резолюции, ее абстрактный призыв к отказу от насилия в преддверии второй мировой войны сводили на нет возможные коллективные действия для организации отпора агрессору.

Отражая общую атмосферу, царившую в Лиге, испанский делегат Альварес дель Вайо подчеркнул в своей речи: «Никогда еще на протяжении всей своей истории Лига наций не собиралась на пленумах в столь тяжелой атмосфере и такой бессильной и нерешительной. Призывы к войне раздаются у самых дверей Лиги, а в то же время нас приглашают взять на себя роль беспристрастных наблюдателей, которые безучастно ждут, чтобы занавес поднялся перед ужасной трагедией»⁴⁵.

Результаты работы XIX сессии Ассамблеи Лиги наций показали, что она как международная организация, призванная охранять мир, была парализована западными державами, которые вели курс на ее ликвидацию.

Этот вскоре завершившийся де-факто процесс был органически связан с общим антисоветским курсом между-

⁴³ Там же, с. 501, 508—509.

⁴⁴ League of Nations. Records of the Nineteenth Ordinary Session of the Assembly. Plenary meetings. Text of the Debates. Geneva, 1938, p. 95; Правда, 1938, 30 сент.

⁴⁵ Правда, 1938, 20 сент.

народного империализма. После мюнхенского соглашения английская и французская дипломатия делала все возможное, чтобы ускорить гитлеровскую агрессию против СССР, единственной великой державы, которая последовательно выполняла обязательства, возложенные уставом Лиги на ее членов и самоотверженно боролась за мир. Срыв Англией и Францией советско-англо-французских переговоров в Москве летом 1939 г. и поиски соглашения с гитлеровской Германией более чем убедительно свидетельствовали об этих антисоветских планах.

Даже далекий от симпатий к СССР английский историк Ф. Уолтерс не мог не отметить, что «с сентября 1934 г. до начала второй мировой войны Россия оставалась убежденным сторонником Лиги. Выступления ее делегатов в Совете и ее отношение к агрессивным державам больше соответствовали уставу, чем у многих других великих держав»⁴⁶.

Действительно, СССР постоянно требовал от Лиги наций соблюдения международных договоров, уважения и нерушимости существовавших границ, признания равноправия всех членов Лиги, поддержки коллективной безопасности и отказа от разрешения международных конфликтов средствами насилия.

Значение борьбы СССР в Лиге наций за коллективную безопасность трудно переоценить. В то время когда империализм готовился к развязыванию новой мировой войны, Советский Союз противопоставил этой преступной политике конкретный план укрепления мира. Несмотря на то что этот курс не удалось осуществить, советская идея создания системы коллективной безопасности через международную организацию имела огромное историческое значение. С трибуны Лиги наций постоянно звучал голос Страны Советов, предупреждавший об угрозе войны.

В декабре 1939 г. вопреки здравому смыслу, когда в мире уже пылал пожар второй мировой войны, XX сессия Ассамблеи в атмосфере лихорадочной спешки исключила СССР из Лиги, использовав в качестве предлога спровоцированный империалистическими кругами финляндско-советский вооруженный конфликт⁴⁷.

⁴⁶ *Walters F. P. A History of the League of Nations. Oxford, 1952, p. 37.*

⁴⁷ *League of Nations. Records of the Twentieth Ordinary Session of the Assembly. Plenary meetings. Geneva, 1940, p. 53.*

Крах Лиги наций как организации, декларировавшей поддержку мира, был обусловлен политикой потворства фашистской агрессии и антисоветизма западных держав. Сотрясаемая постоянными кризисами Лига наций была отстранена от решения коренных проблем укрепления мира и объективно способствовала развязыванию войны.

Лига наций, как отмечал министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «развалилась как разъеденная ржавчиной конструкция, потому что ее подточили и расшатали агрессивные силы. Они срывали принятие вносимых Советским Союзом и другими миролюбивыми странами предложений по разоружению, по пресечению агрессии и международных провокаций, т. е. не позволяли Лиге наций превратиться в действенный инструмент по защите мира»⁴⁸.

История крушения Лиги наций весьма поучительна. Нельзя не видеть в ней некоторых, хотя и относительных, аналогий с теми процессами, которые периодически происходят в Организации Объединенных наций.

«Империалистические круги,— говорил Л. И. Брежнев,— не прекращают попыток превратить ООН, по примеру Лиги наций в дискуссионный клуб, в место провозглашения пустых, ничего не значащих деклараций. Они пытаются отвлечь организацию от выполнения ее центральной политической задачи по обеспечению и укреплению всеобщего мира»⁴⁹.

Советский Союз совместно с братскими социалистическими странами и многими развивающимися государствами ведет настойчивую борьбу за укрепление ООН, за повышение эффективности ее решений, направленных на укрепление мира.

История Лиги наций показывает, что эта борьба прогрессивных сил во главе с СССР имеет жизненно важное значение для всех народов мира.

⁴⁸ Правда, 1962, 23 сент.

⁴⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1972, т. 3, с. 148.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ И ПРИЧИНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

МАРК СЭЛМОН
(США)

Контуры глобальной политики Соединенных Штатов, позже других империалистических держав вышедших на широкую международную арену, к началу первой мировой войны приобрели совершенно четкие очертания. Отдаленные от Европы географически и занявшие в итоге бурного промышленного роста первое место в капиталистическом мире по производству стали, чугуна и других основных видов продукции, США продолжали придерживаться объявленной ими на рубеже XX в. политики «открытых дверей». Они рассчитывали на то, что борьба между центральными державами и странами Антанты приведет к распаду старых имперских систем, к возникновению новых, формально независимых государств, что создаст благоприятные возможности для проникновения американского капитала. Оставаясь в течение нескольких лет первой мировой войны на позиции нейтралитета, США извлекали выгоду из конфликта между европейскими странами, расширяли свои торговые и экономические связи с обеими враждующими группировками¹.

К 1917 г. правящая верхушка США во главе с президентом В. Вильсоном пришла к выводу, что состояние нейтралитета не отвечает более интересам установления американского мирового господства. К этому времени в Вашингтоне располагали сведениями о серии секретных соглашений, заключенными странами Антанты и предусматривавшими раздел между ними владений центральных держав, в первую очередь на Среднем Востоке. С циничной откровенностью эти планы называли «войной после войны»². Попытки же США добиться такого перемирия, которое обеспечило бы им руководящую роль в послевоенном урегулировании, встретили противодействие со стороны всех воюющих стран. Поэтому США приняли

¹ Link A. S. Woodrow Wilson: Revolution, War, Peace. Arlington Heights, 1979, p. 21—46.

² Gardner L. C., La Feber F., McCormick Th. Creation of the American Empire. Chicago, 1973, p. 328.

решение вступить в первую мировую войну, с тем чтобы, получив место за столом мирных переговоров, иметь возможность оказывать решающее влияние на характер послевоенного устройства мира. С точки зрения американских монополий важно было также гарантировать платежи от огромной суммы (2,3 млрд. дол.) займов, предоставленных ими за период нейтралитета США странам Антанты³. Желая и дальше сохранить за собой свободу действий, США вступили в войну на стороне Антанты в качестве «ассоциированного» государства, заинтересованного в военной победе над противником, но не разделяющего имперские планы союзных держав.

На Парижской мирной конференции 1919—1920 гг. президент Вильсон попытался добиться выгодного для крупного капитала США империалистического мира, используя свои знаменитые «14 пунктов» — условия мира, изложенные им в послании конгрессу в январе 1918 г. Правительство США желало заручиться поддержкой других империалистических государств в деле переустройства мира в соответствии с «14 пунктами»⁴. Они предусматривали в числе прочего открытые мирные переговоры (этот пункт был направлен против секретной дипломатии европейских держав), а также «свободное, откровенное и беспристрастное» урегулирование колониальных вопросов, что, конечно, было отнюдь не равнозначно освобождению от колониального гнета. Для Вильсона и стоявших за ним кругов «справедливый мир» означал беспрепятственное развитие капиталистических отношений, свободное распространение буржуазных политических идей и институтов, ломку системы сфер влияния европейских держав во имя неясно сформулированной идеи самоопределения.

Достижению стратегических целей американского империализма препятствовала твердая решимость все еще мощного блока держав Антанты осуществить в своих интересах передел мира и мировых рынков. Вильсоновская концепция подновленного «либерального» капитализма во главе с США встретила противодействие со стороны не только европейского империализма, но и на-

³ *Paterson Th. G. American Foreign Policy: A History. Lexington (Mass.), 1977, p. 266.*

⁴ *Williams W. A. The Tragedy of American Diplomacy. N. Y., 1961, p. 86—102; Paterson Th. G. Op. cit., p. 280; The Shaping of American Diplomacy / Ed. W. A. Williams. Chicago, 1956, p. 632—635.*

раставшего национально-освободительного движения народов колоний.

Октябрьская революция в России, положив начало новой эпохе в истории человечества, поставила под угрозу долгосрочные цели и старых имперских политиков Европы, и американских глашатаев империализма «открытых дверей». Победа Октябрьской революции заставила Вильсона с еще большей решимостью выдвигать систему парламентской демократии и «свободного» (*laissezfaire*) капитализма в качестве альтернативы коммунизму⁵. Однако в Версале Соединенные Штаты были еще недостаточно сильны, чтобы успешно противостоять объединенным усилиям европейских империалистов, а также Японии. Шаг за шагом Вильсон вынужден был сдавать позиции, изложенные в его «14 пунктах» и согласиться на их перекройку карты мира⁶. Риторически осуждая вмешательство в чужие дела, Соединенные Штаты в то же время приняли участие в организации антисоветской интервенции⁷. В конечном счете под нажимом европейцев Вильсону пришлось отказаться от своих намерений и согласиться на передел рынков и сфер влияния в форме мандатов Лиги нации⁸.

Вудро Вильсон и часть представителей американского крупного капитала поддерживали идею учреждения Лиги наций и вступления в нее Соединенных Штатов. Эта группа полагала, что учреждение Лиги организационно закрепит принципы «открытых дверей» для Соединенных Штатов и распространения буржуазного парламентаризма, что созданный при посредстве Лиги наций новый порядок «смягчит угрозу со стороны большевизма».

Вскоре, однако, внутри монополистических кругов возникли серьезные расхождения: группа, руководимая сенатором Генри К. Лоджем, стала оспаривать утверждение, что членство в Лиге наций является лучшим способом обеспечения свободы действий Соединенных Штатов и их стратегического превосходства в мире. Лодж и его сторонники считали, что, взяв обязательство выполнять

⁵ *Link A. S. Op. cit.*, p. 72—103.

⁶ *Gardner L. C. et al. Op. cit.*, p. 340—347.

⁷ *Fleming D. F. The Cold War and Its Origins. N. Y., 1961, p. 16—35; Williams W. A. American-Russian Relations, 1781—1947. N. Y., 1952.*

⁸ *Gardner L. C., La Feber F., McCormick Th. Op. cit.*, p. 339—344.

Устав Лиги, и в особенности его ст. 10, предусматривающую защиту государств — членом Лиги друг другом от «агрессии извне», Соединенные Штаты должны будут гарантировать неприкосновенность перекроенных систем владений европейских стран и Японии. К группе Лоджа присоединились в тактических целях антиимпериалистически настроенные сенаторы Среднего Запада, которые резко критиковали Лигу наций за то, что она дает возможность четырем великим державам, представляющим главные (после США) силы монополистического капитала, увековечить свое господство над подвластными им народами. Эти течения оказались достаточно сильными, чтобы предотвратить вступление США в Лигу наций⁹.

Споры между сторонниками и противниками Лиги наций не шли, конечно, по линии противопоставления «интернационализма» и «изоляционизма». Суть конфликта заключалась не в том, должны ли Соединенные Штаты играть ведущую роль в послевоенном мире, а в том, каким образом лучше использовать возросший вес США в мировых делах: действовать ли в рамках видимого согласия держав, стараясь прежде всего ослабить русскую революцию и перестроенную систему имперских сфер влияния европейских государств, или сохранять свободу действий, избегая связанных с членством во всемирных организациях обязательств¹⁰.

В период утверждения Версальской системы империализм США зачастую отступал перед объединенными силами старых конкурентов. Вынужденные в ряде случаев идти на уступки, чтобы отстоять собственные интересы или добиться усиления роли в мировых делах, творцы американской политики выражали согласие с акциями или молчаливо санкционировали действия самых агрессивных и реакционных сил империализма. Как мы увидим далее, с особой отчетливостью эта тенденция в политике США проявилась накануне второй мировой войны, когда они отказались принять меры к обузданию фашизма.

Проводимая Соединенными Штатами политика долларовых инъекций, целью которой было восстановление

⁹ *Paterson Th. G. Op. cit.*, p. 285—289; *Fleming D. F. The United States and World Organization, 1920—1933. N. Y., 1938*, p. 16—32.

¹⁰ *Williams W. A. The Tragedy...*, p. 104—159; *Idem. The Legend of Isolationism.— Science and Society, 1954, XVIII, N 1*, p. 1—20.

основ германского империализма и милитаризма, дала возможность выйти на авансцену его наиболее реакционным, агрессивным и реваншистским силам.

В тяжелые годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. США поддерживали весьма тесные деловые связи с Японией и Германией. Отказываясь изобличить подлинную сущность фашизма, США продолжали взамен подчеркивать значение политики «открытых дверей», «долларовой дипломатии» и версальско-вашигтонской системы в качестве противовеса германскому и японскому экспансионизму. Когда в 1931 г. Япония предприняла агрессивные действия против Китая, США ответили лишь повышением пошлин на японские товары и дипломатическими протестами. Правительство Гувера опасалось возможности возрождения радикального китайского национализма и его союза с СССР гораздо больше, чем японского вторжения в Маньчжурию¹¹. Этот политический курс не мог не привести к банкротству. Остановить фашистскую агрессию могла лишь политика коллективной безопасности и установление стратегического взаимодействия с Советским Союзом. Однако проводить такую политику руководители США упорно отказывались¹².

Администрация Рузвельта в первые годы правления не проявляла ни гибкости, ни «интернационализма». Наоборот, ее политика в широком плане отразила взгляды, которые восторжествовали после поражения Вильсона. Главным в этой системе взглядов было стремление всемерно расширить свободу действий США на международной арене и нежелание решать неотложные проблемы капиталистического мира (такие, например, как тарифы, долги военного времени и дестабилизация денежной системы) в рамках международных организаций и соглашений¹³. Отказавшись поддержать усилия тех кругов международного капитала, которые пытались снизить накал ослабляющих его торговых войн, Рузвельт накану-

¹¹ Gardner L. C. et al. Op. cit., p. 379—382; Ferrell R. H. American Diplomacy in the Great Depression. N. Y., 1970.

¹² Current R. N. The Stimson Doctrine and the Hoover Doctrine.— American Historical Review, LIX, 1954, N 3, p. 513—542; Divine R. The Illusion of Neutrality. Chicago, 1962.

¹³ Offner A. A. American Appeasement: United States Foreign Policy and Germany, 1933—1938. Cambridge, 1969, p. 18—19; Divine R. Op. cit., p. 42.

не Лондонской экономической конференции 1933 г. отменил золотой стандарт в США. В сущности он не противодействовал росту анархии в экономических отношениях капиталистических стран, практикуя заключение довольно ограниченных по своим целям двусторонних торговых соглашений и отвергая попытки некоторых капиталистических стран внести элемент самодисциплины в экономические отношения. Эта политика шла в русле традиционного отказа США от принятия далеко идущих обязательств¹⁴. Эгоистический экономический национализм, конечно же, не мог способствовать выработке политики, направленной на обуздание фашистской угрозы путем коллективных действий.

Однако по мере осуществления программ «нового курса» появились некоторые признаки улучшения экономического положения США, а в американской внешней политике стала проявляться склонность к международным экономическим соглашениям, обеспечивающим долгосрочные интересы. Были возобновлены попытки добиться консолидации внешних рынков. В Латинской Америке США проводили политику «добраго соседа», которая была реакцией на усиление национально-освободительных движений. Одновременно она должна была служить противовесом проникновению конкуренции в этом районе фашистских государств. Разумеется, Соединенные Штаты отнюдь не отказались от методов колониализма и военного вмешательства в Латинской Америке. Однако была отменена поправка Платта, дававшая США право вмешиваться в дела Кубы по своему усмотрению, выведены американские войска с Гаити и вообще несколько смягчены наиболее грубые формы империалистической экспансии. Одновременно стали использоваться более гибкие методы экономического проникновения в страны Америки¹⁵. К 1940 г. США увеличили свои капиталовложения в Западном полушарии (включая Канаду) до 7,7 млрд. долл., т. е. на 30% по сравнению с 1929 г.¹⁶

¹⁴ Gardner L. C. et al. Op. cit., p. 386—390; Tugwell R. G. The Democratic Roosevelt. N. Y., 1957, p. 291.

¹⁵ Whitaker A. P. From Dollar Diplomacy to the Good Neighbor Policy.—Inter-American Economic Affairs, 1951, IV, N 4 (Spring, 1951), p. 12—19; Lloyd C. Gardner, Economic Aspects of New Deal Diplomacy. Madison (Wis.), 1964, p. 47.

¹⁶ Ibid., p. 199 f.; Paterson Th. G. Op. cit., p. 350—353; Gardner L. C., La Feber F., McCormick Th. Op. cit., p. 391—393, 403—405.

В 1933 г. Рузвельт установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Это важное решение было обусловлено острой потребностью деловых кругов США в развитии экономических связей с СССР — государством, проходившим этап бурной индустриализации, и в отличие от капиталистического мира избежавшим кризиса. Другой важной причиной признания СССР было намерение использовать его как противовес усилению Германии и особенно Японии»¹⁷.

После того как Япония упрочила свои позиции в Китае и начала нещадно эксплуатировать китайские источники сырья, Рузвельт в конце концов согласился предоставить заем гоминьдановскому правительству. Задача состояла в том, чтобы политически изолировать Японию, предотвратить нарушение ею Вашингтонского договора (в соответствии с которым соотношение тоннажа линкоров и авианосцев определялось для США, Англии и Японии в пропорции 5:5:3) и воспрепятствовать возобновлению англо-японского союза, своим острием обращенного против США.

Возрастание угрозы фашизма в Европе и Азии, которое стало особенно явным после образования антикоминтерновского пакта, вызвало раскол в правящем классе США. Образовались две группировки. Хотя их позиции не были диаметрально противоположны и они включали весьма различные, часто враждующие друг с другом силы, в целом раскол был достаточно глубоким. Часть представителей крупного капитала считала, что создание «оси» и подготовка фашистами войны с целью передела мира представляла для США серьезную угрозу, что конфликт с агрессивными державами неизбежен. Из такой оценки положения делался вывод о желательности сближения с буржуазными государствами Западной Европы, в особенности с Великобританией, и о возможности установления взаимодействия с Советским Союзом. Сторонники этой концепции были убеждены в том, что Великобритания и другие западноевропейские страны, объединившись с США в интересах достижения победы над фашизмом, превратятся в младших партнеров американского империализма.

¹⁷ *Fleming D. F.* Op. cit., p. 47; *Leuchtenberg W. E.* Franklin D. Roosevelt and the New Deal. N. Y., 1963, p. 295—297; *Gardner L. C., La Feber F., McCormick Th.* Op. cit., p. 399—400.

Другое важное политическое течение отражало взгляды наиболее реакционных кругов крупного капитала. Представители этого течения всячески подчеркивали значение старого лозунга «свободы рук» для США и отвергали возможность вступления в политические и военные союзы с европейскими странами. Эти так называемые «изоляционисты» заявляли, что расширяющийся империалистический конфликт в Европе и Азии ослабит обе стороны, что США смогут вступить в борьбу на наиболее выгодном для них этапе и продиктовать свои условия урегулирования. Наиболее реакционные элементы этой группировки выражали интересы промышленных и финансовых кругов, тесно связанных с германскими и японскими монополиями. В основном она состояла из консервативных демократов и правых республиканцев, считавших желательной победу фашизма, в особенности в войне против Советского Союза. Традиционные изоляционисты призывали к соблюдению строгого нейтралитета в предстоящей вооруженной схватке между блоком буржуазно-демократических государств и фашистским блоком¹⁸.

Коммунистическая партия США и значительные слои американских левых призывали к созданию единого фронта всех прогрессивных сил против войны и фашизма, т. е. к проведению политики коллективных действий буржуазно-демократических государств и Советского Союза¹⁹.

Следствием такой расстановки сил в стране явилось принятие конгрессом США законов о нейтралитете 1935 и 1937 гг.²⁰ Когда Италия в 1935 г. напала на Эфиопию, США не откликнулись на призыв Советского Союза к коллективным действиям. В 1936 г. Соединенные Штаты выступили против коллективных действий, которые могли бы остановить фашистов Франко²¹. Следуя политике невмешательства и используя законодательство о нейтралитете, США лишили Испанскую республику возможности приобретать оружие. Они явно попустительствовали

¹⁸ *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США, 1917—1972. М., 1972, с. 120—121.

¹⁹ *Foster W. Z.* History of the Communist Party of the United States. N. Y., 1952, p. 370—371, 387—388.

²⁰ *Ferrell R. H.* Op. cit., p. 546; *Leuchtenberg W. E.* Op. cit., p. 217—219.

²¹ *Foster W. Z.* Op. cit., p. 371—373.

Гитлеру, который стоял за спиной рвавшихся к власти франкистских мятежников. Основой политического мышления руководителей США по-прежнему были антикоммунизм и антисоветизм. Этим объясняется отказ правительства США поддержать предложения о введении жестких санкций против Японии, о совместных действиях против Германии, внесенные СССР на конференции девяти держав в Брюсселе²².

В канун второй мировой войны правительство США во все большей мере начинало проявлять беспокойство за мировые позиции американского империализма и интересы западноевропейских стран, которым державы агрессивного блока шаг за шагом наносили новые удары. Ф. Рузвельт, выступая в октябре 1937 г. в Чикаго, призвал ввести «карантин» против «эпидемии всемирного беззакония». «Интернационалисты» все громче выступали за поддержку Англии и Франции. С конца 1938 г. администрация демократов предприняла шаги к сближению с Англией и Францией. Эта линия встречала одобрение со стороны тех групп американского капитала, которые были тесно связаны с английскими и французскими монополиями (из суммы около 12 млрд. долл., которой исчислялись тогда заграничные инвестиции США, 42% приходилось на страны Британской империи)²³. Поставки Англии и Франции, рост вооружений в США, долларовые инъекции в американскую экономику, глубоко пораженную кризисами и депрессией, вели к росту производства и обогащали монополии²⁴.

Однако принципиальных изменений во внешнеполитическом курсе США не произошло. Реакция Вашингтона на акты фашистской агрессии в Европе (аншлюс Австрии, расчленение и захват нацистами Чехословакии) мало чем отличалась от реакции англо-французских правящих кругов, которые проводили позорную политику соглашения с агрессором. На Мюнхенской конференции руководители западноевропейских буржуазных государств приняли все требования Гитлера в расчете на то, что вермахт обратит свое оружие против Советского Союза²⁵. Вплоть до напа-

²² *Borg D.* The United States and the Far Eastern Crisis of 1933—1938. Cambridge, 1964; *Gardner L. C., La Feber F., McCormick Th.* Op. cit., p. 408—411.

²³ *Ibid.*, p. 376.

²⁴ *Journal of Economic History*, 1953, XIII, N 1, p. 58—78.

²⁵ *Foster W. Z.* Op. cit., p. 373—375.

дения Германии на Польшу Англия и Франция, поддерживаемые Соединенными Штатами, своим отказом от решительной борьбы с агрессором и от принятия советских предложений о создании коллективной безопасности по существу содействовали развязыванию второй мировой войны.

Во время «странной войны» в Европе правительство США также заняло позицию молчаливого согласия с беспринципной политикой маневрирования Англии и Франции, правящие круги которых прилагали усилия к сколачиванию антисоветского фронта с участием Германии и к подталкиванию фашистов к нападению на СССР. В США активизировали свою деятельность крайне правые, профашистские элементы, развернулась кампания преследования прогрессивных организаций. Печально известная комиссия конгресса по расследованию антиамериканской деятельности усилила нападки на коммунистов. В этой обстановке для Коммунистической партии США и других левых сил чрезвычайно осложнились условия борьбы. Отвечая на усиливавшуюся антикоммунистическую кампанию, американские левые призывали к оказанию максимальной поддержки всем поработленным народам, борющимся за национальное освобождение, и к созданию союза демократических сил с целью обуздания реакции, фашизма и поджигателей войны²⁶. Они разъясняли массам классовый характер политики правящих кругов Запада, критиковали поведение англо-французских союзников, которые фактически не вели военных действий с Германией, а подготавливали новую сделку с ней.

Широкий фронт народов и государств, противостоявший фашистским агрессорам, сформировался только после вступления во вторую мировую войну Советского Союза.

Изучая сложные процессы, которые привели к развязыванию в сентябре 1939 г. второй мировой войны, мы можем извлечь важные уроки. В развитии событий межвоенных лет четко прослеживается стремление империализма к реакции по всем линиям, к аннексии и переделу мира. Природа империализма не изменилась и в наши дни, она во многом определяет и теперь политическую жизнь в странах капитала, их внешнюю политику. Продолжает, разумеется, углубляться общий кризис капитализма. Империализм вынужден приспособливаться к изме-

²⁶ Ibid., p. 384—388.

нившимися на земном шаре условиям. Однако он по-прежнему остается угрозой для мира во всем мире. Не исчезает угроза возрождения фашизма, хотя он и видоизменяет свое обличье.

Опыт 1920-х и особенно 1930-х годов убеждает нас в том, что колебания и непостоянство политического курса руководящих кругов буржуазных государств, наличие в них группировок, пропитанных ядом антикоммунизма и расизма, способствовали развязыванию войны фашистскими агрессорами. В то же время на всех этапах существовали объективные возможности, чтобы остановить фашизм и не допустить войны. Ни в коем случае не следовало полагаться на либерализм политических устремлений руководящих кругов буржуазных стран. Необходимо было осуществлять действенное политическое руководство демократическими силами, объединять людей, настроить их на решительную борьбу, добиваться понимания широкими массами причин войны и истинной природы фашизма. В наши дни соотношение сил в мире изменилось коренным образом; хотя угроза войны и фашизма продолжает существовать, мы располагаем сейчас гораздо большими возможностями сохранения мира и осуществления демократических преобразований, прежде всего благодаря росту политической сознательности и укреплению единства трудящихся во всем мире. Забота о единстве и политической зрелости масс есть неперемнное условие обеспечения мирного развития и прогресса всего человечества.

БОРЬБА СССР И ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

БОРЬБА СССР ЗА МИР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С. Л. ТИХВИНСКИЙ

Свыше 40 лет прошло со времени, когда в Европе вспыхнуло пламя второй мировой войны. По размаху и напряженности, материальному ущербу и человеческим жертвам она превзошла все войны прошлого. Вторая мировая война велась на территории 40 стран и стоила жизни 50 млн. человек, в том числе 20 млн. граждан Советского Союза. Война возникла как результат обострения межимпериалистических противоречий Германии, Италии, Японии, с одной стороны, Англии, Франции и США — с другой, вызванных борьбой за мировое господство, за передел колониальных владений при сохранении их общего стремления уничтожить силы социализма.

Объективное освещение истории возникновения второй мировой войны имеет не только научно-теоретическое, но и большое политическое значение. Такое освещение помогает прогрессивным силам мира бороться за предотвращение новой бойни, дает ценный материал для разоблачения агрессивной политики и идеологических диверсий империалистических держав. Об этом свидетельствуют такие фундаментальные труды, как «История второй мировой войны, 1939—1945 гг.» (вышли в свет 11 томов), «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945 гг.» (В 6-ти т., М., 1959—1965), т. 3 и 4 «Истории дипломатии» (М., 1965, 1975). Международное положение и внешняя политика СССР в предвоенный период глубоко проанализированы в первом томе монографии «История внешней политики СССР, 1917—1945 гг.» (М., 1980).

Историко-дипломатическое управление МИД СССР выпустило ряд публикаций, показывающих усилия нашей страны в борьбе за мир и коллективную безопасность накануне второй мировой войны. В конце 40-х годов вышел в свет двухтомник «Документы и материалы кануна второй мировой войны» (М., 1948), в который вошли архивные материалы министерства иностранных дел гитлеровской Германии, захваченные Советской Армией в качестве трофеев. Тогда же была издана историческая справка «Фальсификаторы истории» (М., 1948), дававшая отповедь буржуазным фальсификаторам истории войны. Много нового содержит сборник документов и материалов «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны» (М., 1971). Здесь приводятся, в частности, стенограммы переговоров, которые велись военными миссиями СССР, Великобритании и Франции в Москве летом 1939 г. Материалы о деятельности советской дипломатии, направленной на предотвращение войны, напечатаны в сборнике «Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939» (М., 1979), подготовленном МИД СССР совместно с МИД ЧССР, а также в 16-м и 17-м томах фундаментальной серии «Документы внешней политики СССР» (М., 1970—1977), выпускаемой Комиссией по изданию дипломатических документов при МИД СССР. В 1981 г. в 2-х томах вышли в свет «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Этими публикациями вводится в оборот значительное количество ранее не публиковавшихся документов, раскрывающих борьбу советской дипломатии за предотвращение второй мировой войны и свидетельствующих о прямой ответственности участников мюнхенского сговора за ее развязывание. Разработке различных проблем кануна второй мировой войны посвящены труды многих советских историков.

Советское государство с первых дней своего существования вело настойчивую борьбу за мир, за развитие добрососедских отношений со всеми странами. Мирлюбие советской внешней политики заложено в самой природе социалистического строя, в корне исключаящего всякую агрессию, захват чужих земель и порабощение народов. «Как раз социалистический характер этой политики определяет ее мирлюбие», — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума

Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев¹. Научные основы этой политики были разработаны В. И. Лениным, развиты и конкретизированы им в процессе дипломатической деятельности молодой Страны Советов. Символично, что первым законодательным актом победившей социалистической революции был ленинский Декрет о мире. Он провозгласил коренными устоями советской внешней политики принципы пролетарского интернационализма и мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Годы, истекшие со времени Великой Октябрьской социалистической революции до начала второй мировой войны, прошли под знаком настойчивой борьбы Советского государства за мир, против агрессивных замыслов империалистических держав. В этой борьбе Коммунистическая партия и Советское правительство ставили задачи сплотить и умножить ряды сторонников мира, изменить соотношение на мировой арене в пользу сил мира. В 30-е годы на международной арене произошли существенные изменения: Япония, Германия и Италия открыто поставили вопрос о новой перекройке карты мира. Захватнические планы агрессоров представляли собой опасность для многих стран, и в особенности для первого в мире социалистического государства.

Один из очагов новой империалистической войны был создан японскими милитаристами, которые в 1931 г. захватили Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Советский Союз был единственной державой, открыто осудившей оккупацию китайской территории японской военной. В 1933 г. Советский Союз выдвинул идею заключения Тихоокеанского пакта, который поставил бы преграду японской агрессии, однако эта идея не встретила одобрения со стороны правительств Англии и США. Советский Союз был единственной страной, которая пришла на помощь Китаю, ставшему 7 июля 1937 г. жертвой военного нападения Японии. Китаю были предоставлены крупные кредиты, посланы самолеты, танки, артиллерия и иное оружие, а также свыше 3 тыс. советских военных специалистов-добровольцев². Советский Союз выступил за применение Лигой наций коллективных санкций против

¹ Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства: Речи и статьи. М., 1978, с. 249.

² История внешней политики СССР, 1917—1945 гг. М., 1976, с. 336.

Японии. Но на Брюссельской конференции в ноябре 1937 г. усилиями представителей США и Англии это предложение было отклонено. В 1936—1938 гг. активизировались провокации японских милитаристов на границе марионеточного государства «Маньчжоу-Го» с советским Дальним Востоком и Монгольской Народной Республикой. В то же время все заметнее становилась тенденция правящих кругов Англии, США и Франции к поощрению японской агрессии против СССР.

Другой, еще более крупный очаг военной опасности возник в начале 1933 г. в центре Европы. К власти в Германии пришла национал-социалистическая партия, открыто провозгласившая своей целью захват чужих земель и установление фашистского «нового порядка» в Европе и во всем мире.

3 февраля 1933 г., излагая свою программу на совещании с командующими всех родов вооруженных сил Германии, Гитлер заявил о необходимости захвата «нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации». Выдвигая эту программу, гитлеровцы усиленно раздували миф об «угрозе большевизма»³.

В сложившейся обстановке Советское правительство исходило из того, что одними двусторонними договорами о ненападении остановить агрессора невозможно, что фашизму необходимо противопоставить единый фронт миролюбивых сил и объединенными действиями многих стран и народов помешать развязыванию войны. Руководствуясь Постановлением ЦК партии от 12 декабря 1933 г. о развертывании борьбы за коллективную безопасность, Народный комиссариат иностранных дел СССР разработал предложения о создании европейской системы коллективной безопасности. В этом документе, одобренном Политбюро ЦК ВКП(б) в декабре 1933 г., говорилось: «СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии. Участниками этого соглашения должны являться (кроме СССР) Франция, Польша, Бельгия, Чехословакия, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия»⁴. Однако западные державы не поддержа-

³ Совершенно секретно! Только для командования: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 42—43.

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. 16, с. 876.

ли советское предложение. Более того, идея создания системы коллективной безопасности наталкивалась на сопротивление правительств капиталистических государств, чего, собственно, и добивалась гитлеровская Германия. Это дало ей возможность быстро вооружиться и подготовить агрессию против стран Европы.

Коммунистическая партия и Советское правительство видели угрозу надвигавшейся новой империалистической войны. На XVII съезде ВКП(б) констатировалось, что фашистская Германия стала главным поджигателем войны в Европе. В решениях съезда подчеркивалось, что межгосударственные империалистические противоречия, достигнув большой остроты, «создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств»⁵. Постепенно начал складываться союз агрессоров, которые поставили в повестку дня вопрос о переделе мира и установлении мирового господства. Их идеологическим оружием были антикоммунизм и фашизм — «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁶. VII конгресс Коминтерна летом 1935 г. в своем решении отмечал: «Германский фашизм является главным поджигателем новой империалистической войны и выступает как ударный кулак международной контрреволюции». Германские фашисты, указывалось в решении, стремятся «к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих соседей»⁷.

Угроза нападения на Советский Союз продолжала возрастать вследствие того, что агрессивные державы во главе с Германией не только наращивали свои вооружения, но и, пользуясь попустительством со стороны Англии, Франции и США, осуществляли акты агрессии, захватывая чужие территории. Так, после захвата Японией Маньчжурии Италия в 1935 г. вторглась в Эфиопию и превратила ее в свою колонию. Затем последовала германо-

⁵ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934, с. 10, 307.

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1964, с. 53.

⁷ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975, с. 366, 382.

итальянская интервенция в Испании с целью свержения там правительства Народного фронта. Фашизм, отмечалось в постановлении президиума исполкома Коминтерна от 1 апреля 1936 г., «перерос в прямую военную угрозу для стран всего мира. Поджигатели войны с запада и востока, всемерно поддерживая агрессивные планы друг друга, угрожают вовлечь в беспощадную, разорительную войну страны всего мира»⁸.

Тесное сотрудничество фашистских интервентов в Испании ускорило сколачивание блока агрессоров. 25 октября 1936 г. состоялось подписание германо-итальянского соглашения, положившего начало существованию «оси Берлин—Рим». Через месяц, 25 ноября, был подписан германо-японский «антикоминтерновский пакт», к которому затем присоединилась Италия.

СССР, видя, как растет опасность войны, неоднократно предлагал свое сотрудничество капиталистическим странам, выступавшим за сохранение мира. «Теперь уже для всех ясно,— писала «Правда» в связи с оформлением союза трех агрессивных держав,— что речь идет об образовании блока агрессоров, намеревающихся осуществить новый передел мира»⁹. Чем скорее будет осознана правящими кругами Англии, Франции и США необходимость коллективной защиты мира, указывала далее газета, тем легче будет положить конец агрессивным действиям фашистских государств, готовящих новую мировую войну. Советский Союз последовательно и настойчиво разоблачал захватнические планы фашистских держав, выступая за создание системы коллективной безопасности. 27 ноября 1937 г. нарком иностранных дел СССР, характеризуя линию советской дипломатии, заявил: «Мы при всех подходящих случаях и даже тогда, когда интересы Советского Союза совершенно не были затронуты, подчеркивали нашу готовность участвовать наравне с другими великими, а также малыми державами в коллективном отпоре агрессору. Но коллектива для отпора пока нет»¹⁰.

В связи с нараставшей опасностью германской и японской агрессии правящие круги Англии и Франции при поддержке США пытались сговориться с гитлеровской Германией за счет СССР, а также государств Юго-

⁸ Там же, с. 385.

⁹ Правда, 1937, 10 нояб.

¹⁰ Там же, 29 нояб.

Восточной Европы. Наибольшую активность проявляла при этом Англия. Ее курс на стовор с Гитлером особенно активизировался после прихода к власти правительства Н. Чемберлена, который пытался заключить двустороннее англо-германское соглашение. В ноябре 1937 г. британский премьер с этой целью направил в Германию своего ближайшего единомышленника лорда Галифакса. Запись его беседы с Гитлером в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. свидетельствует, что правительство Чемберлена было готово предоставить фашистской Германии «свободу рук в Восточной Европе» при условии, что Германия обещает осуществить перекройку политической карты Европы в свою пользу «мирным путем и постепенно»¹¹.

Результаты пособничества гитлеровской агрессии не замедлили проявиться. В ночь на 12 марта 1938 г. гитлеровские войска вторглись в Австрию и присоединили ее к Германии. Захват Австрии не встретил противодействия со стороны Англии, Франции и США. Лишь Советский Союз решительно осудил агрессию. В заявлении от 17 марта 1938 г. представителям печати М. М. Литвинов изложил позицию Советского правительства, сообщив о готовности СССР «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни»¹². В тот же день текст заявления был направлен правительствам Великобритании, Франции, США. Однако США на это заявление вообще не ответили, а Англия и Франция отклонили советские предложения.

Насильственное включение Австрии в состав фашистского рейха ухудшило обстановку в Европе, став шагом на пути ко второй мировой войне. Непосредственная угроза нависла над Чехословакией. ЦК ВКП(б) и Советское правительство делали все возможное для предотвращения ее захвата гитлеровцами. В апреле 1938 г. ЦК ВКП(б) принял решение оказать помощь Чехословакии¹³. В связи с этим решением 23 апреля чехословацкий посланник

¹¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948, т. 1, с. 10—48.

¹² Документы внешней политики СССР. М., 1977, т. 21, с. 129.

¹³ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 66.

в СССР З. Фирлингер сообщал в Прагу: «СССР, если об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать»¹⁴. Советское правительство предложило начать переговоры генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для обсуждения военных мероприятий в целях оказания помощи Чехословакии. В тот период реальное соотношение сил по-прежнему было не в пользу гитлеровской Германии.

Несмотря на подписанный с Чехословакией договор о взаимопомощи, французское правительство под любым предлогом стремилось уйти от выполнения своих союзнических обязательств: оно считало возможным выполнить свои обязательства перед Чехословакией только в том случае, если Англия также заявит о готовности прийти ей на помощь. Однако, поскольку в Лондоне отнюдь не собирались оказывать помощь Чехословакии, Франция также не выразила намерения выступать в ее поддержку. Такая позиция определялась в значительной степени усиливавшимся давлением правительства Чемберлена, проводившего курс на «умиротворение» фашистской Германии за счет Чехословакии. Английское правительство понимало, что договоры о взаимопомощи Чехословакии с Францией и СССР укрепляли международные позиции Чехословакии. Поэтому Англия проводила линию, направленную на подрыв этих договоров. Выступая 24 января 1938 г. на заседании правительства, посол Англии в Германии Н. Гендерсон заявил, что «Чехословакии необходимо будет избавиться от ее соглашения с Советской Россией»¹⁵.

Советское правительство обратило внимание правительства Чемберлена на всю пагубность проводимой им в отношении Чехословакии политики. 17 августа 1938 г. советский полпред в Англии И. М. Майский заявил английскому министру иностранных дел Галифаксу, что действия Англии и Франции в связи с угрозой Чехословакии со стороны Германии «по существу сводятся к

¹⁴ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979, с. 87.

¹⁵ Public Record Office, Cab. 27/632, p. 41.

попыткам обуздать не агрессора, а жертву агрессии...»¹⁶. СССР, верный своему интернациональному долгу, был готов выполнить свои союзнические обязательства перед Чехословакией и не допустить, чтобы она была отдана на растерзание гитлеровской Германии. 2 сентября Советское правительство в ответ на запрос Франции подтвердило свое намерение выполнить свои договорные обязательства и предложило принять необходимые меры для воздействия на Польшу и Румынию посредством соответствующего решения Лиги наций. Продолжая борьбу за сохранение мира, СССР выступил 28 сентября с предложением «о немедленном созыве международной конференции для обсуждения мер для предупреждения агрессии и предотвращения новой мировой войны»¹⁷. Однако западные державы не поддержали стремления СССР прийти на помощь Чехословакии, а руководители Чехословакии Э. Бенеш и М. Годжа, став на путь капитуляции, даже не сочли нужным обратиться за советской помощью.

Мюнхенская конференция, созванная 29 сентября, оформила позорную сделку с агрессором. На конференции премьер-министры Франции — Даладье и Англии — Чемберлен подписали соглашение с Гитлером и Муссолини, даже не пригласив представителей Чехословакии. Ей был вынесен смертный приговор. Соглашение фактически означало начало ликвидации Чехословакии как независимого и суверенного государства. Буржуазное правительство Чехословакии оказалось не в состоянии принять энергичные меры по защите своей страны, возможные в том случае, если бы оно опиралось на помощь Советского Союза. Отказавшись призвать ее население к отпору агрессору, оно выдало страну Гитлеру¹⁸.

Мюнхенский стовор означал дальнейшее поощрение германской агрессии. Он стал кульминационным пунктом в политике умиротворения, проводившейся правящими кругами Англии и Франции. Цель этой политики заключалась в том, чтобы за счет стовора с агрессивными государствами, и в первую очередь с Германией, за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы попытаться отвести от себя военную угрозу и направить ее на Восток — против Советского Союза. Характеризуя позицию

¹⁶ Документы внешней политики СССР, т. 21, с. 437.

¹⁷ Известия, 1938, 29 сент.

¹⁸ Документы по истории мюнхенского стовора, с. 332—335.

западных держав, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в докладе на торжественном собрании трудящихся Москвы и работников МИД СССР, посвященном 50-летию советской дипломатической службы, 29 декабря 1967 г. сказал: «В безрассудной попытке устроить пир во время фашистской чумы, в желании поприсутствовать на поминках первого и, как они надеялись, последнего социалистического государства они шли на предательство интересов даже собственных стран и народов, толкая их в пропасть, к краю которой хотели прежде всего подвести Советский Союз»¹⁹.

Правительства Англии и Франции осуществили в Мюнхене сговор с Гитлером при поддержке правительства США, которое одобрило их политику потворства фашистской агрессии и позорную мюнхенскую сделку. Против нее решительно выступил только Советский Союз. «Весь мир,— писала «Правда»,— все народы отчетливо видят: за завесой изящных фраз о том, что Чемберлен в Мюнхене якобы спас всеобщий мир, совершен акт, который по своему бесстыдству превзошел все, что имело место после первой империалистической войны»²⁰.

После мюнхенского сговора Германия подписала англо-германскую и франко-германскую декларации, которые представляли собой по существу пакты о ненападении и были рассчитаны на то, чтобы притупить бдительность народов Франции и Англии. После подписания франко-германской декларации Риббентроп цинично заявил, что она окончательно «отколола Францию от СССР и устраняет последние остатки опасности русско-французского сотрудничества»²¹. Направляя немецко-фашистскую агрессию в сторону СССР, правительства западных держав готовы были ради этого пожертвовать собственными интересами в Восточной Европе. Такая направленность их внешнеполитического курса определялась зоологической ненавистью к коммунизму ряда видных представителей английских и французских правящих кругов. В декабре 1938 г. министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ говорил Риббентропу, что Фран-

¹⁹ Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики: Избр. речи и статьи. М., 1978, с. 98—99.

²⁰ Правда, 1938, 4 окт.

²¹ Public Record Office, Cab. 27/627, p. 185.

ция отказывается от своих «союзов со странами Восточной Европы»²².

Чтобы столкнуть Германию с СССР, правительства Англии и Франции готовы были отдать на растерзание гитлеровцам все страны Восточной Европы. «Англия ползает на брюхе перед Гитлером, боясь коммунизма», — отмечал в своем секретном дневнике министр внутренних дел США Г. Икес²³. Мюнхенцев всецело поддерживали наиболее реакционные представители правящих кругов США. В речи 26 октября 1938 г. бывший президент США Г. Гувер утверждал, что западноевропейским государствам не следует опасаться Германии, так как диктаторский режим открывает благоприятные возможности для экспансии на восток, не надо лишь мешать ей²⁴.

К началу 1939 г. фашистская Германия, пользуясь политикой попустительства ее агрессивным актам со стороны Англии, Франции и США, заняла господствующее положение в центре Европы. В этой сложной и напряженной обстановке только Советское правительство заняло принципиальную позицию решительного публичного осуждения фашистской агрессии. В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии были разоблачены агрессоры и политика попустительства агрессии, проводимая западными державами. В докладе содержалось серьезное предупреждение о том, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики «невмешательства», может окончиться для них серьезным провалом. Съезд принял решение «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками», подтвердил неизменность миролюбивой внешней политики СССР, его стремление к укреплению деловых связей со всеми странами и поддержке народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость²⁵.

15 марта германские войска вторглись в Чехословакию и ликвидировали ее как самостоятельное государство. Хотя Англия и Франция, навязывая Чехословакии усло-

²² *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1976, с. 225.

²³ *The Secret Diary of Harold L. Ickes.* N. Y., 1954, vol. 2, p. 574.

²⁴ *New York Times*, 1938, 27 Oct.

²⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 10—21 марта 1939 г. М., 1939, с. 11—15.

вия мюнхенского соглашения, обещали ей свои гарантии, никакой помощи Чехословакии в эти трагические дни не оказали. 18 марта 1939 г. Советское правительство направило германскому правительству ноту, в которой указывалось, что действия Германии «не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Советское правительство заявило, что оно не признает включения Чехословакии в состав Германии²⁶.

Систематическое потворство фашистской агрессии со стороны правительств Англии и Франции, их отказ от сотрудничества с СССР, нарушение Францией союзнического долга перед Чехословакией не могли не вызвать у Советского правительства сомнений в готовности западных держав выступить против фашистских агрессоров. Советское правительство учитывало при этом и позорный опыт Мюнхена, и пагубные последствия англо-французской политики «невмешательства» в Испании. Тем не менее оно не хотело упускать ни одной возможности для организации коллективного отпора агрессорам. 18 марта СССР предложил созвать конференцию СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции, чтобы определить их позицию в отношении германской агрессии. Однако Англия и Франция уклонились от обсуждения этого предложения²⁷.

Предложения, с которыми в свою очередь выступили западные страны, носили заведомо неприемлемый для СССР характер, ибо требовали от него односторонних обязательств и по существу были направлены на то, чтобы подтолкнуть Германию к нападению на СССР²⁸. Правящие круги Англии и Франции, по сути дела, продолжали мюнхенскую политику. 14 апреля английское правительство предложило Советскому правительству выступить с публичным заявлением об оказании помощи европейским государствам, ставшим жертвой агрессии²⁹. Однако при этом не предусматривалось никаких обязательств со стороны Англии и Франции на случай нападения Германии на СССР. В тот же день французское

²⁶ Известия, 1939, 20 марта.

²⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971, с. 247, 249.

²⁸ Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 3. L., 1951, vol. 4, p. 436.

²⁹ Ibid. L., 1952, vol. 5, p. 206.

правительство предложило СССР проект совместной советско-французской декларации, в которой обе стороны обязались бы предоставить друг другу помощь, если бы оказались в состоянии войны с Германией вследствие помощи Польше или Румынии³⁰. Однако под нажимом из Лондона французское правительство тут же отказалось от своих предложений и присоединилось к английским.

Советское правительство исходило из необходимости противопоставить агрессивным устремлениям фашистского рейха единый фронт стран, которым угрожала германская агрессия. 17 апреля 1939 г. СССР обратился к Англии и Франции с конкретными предложениями, в которых предусматривались: заключение договора о взаимной помощи сроком на 5—10 лет; оказание тремя державами помощи, в том числе и военной, граничившим с СССР странам Восточной Европы в случае агрессии против них. В соответствии с советскими предложениями три державы должны были в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждой из них жертве агрессии. В случае вооруженного конфликта договаривающиеся стороны обязывались не заключать с агрессором сепаратного мира³¹. Советские предложения представляли собой четкую программу создания в Европе надежного фронта защиты мира, основанного на тесном сотрудничестве СССР, Англии и Франции. 14 мая Советское правительство повторило свои ранее высказанные предложения, уточнив отдельные их пункты. В частности, СССР поставил вопрос о гарантиях со стороны трех великих держав государствам Центральной и Восточной Европы, находящимся под угрозой агрессии, включая также Латвию, Эстонию и Финляндию³².

27 мая был получен англо-французский ответ, в котором в отличие от прежних английских предложений наконец предусматривалась помощь Англии и Франции СССР в случае прямого нападения Германии на него³³. Однако механизм оказания этой помощи подчинялся сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций, что делало ее малоэффективной. Это, по суще-

³⁰ СССР в борьбе за мир..., с. 332.

³¹ Там же, с. 336—337.

³² Там же, с. 383.

³³ Documents on British Foreign Policy, vol. 5, p. 679—680.

ству, была лазейка, которая позволяла Англии и Франции уйти от конкретной помощи СССР в случае нападения на него Германией. Советское правительство прямо заявило об этом английскому и французскому правительствам³⁴.

2 июня Советское правительство передало правительствам Англии и Франции уточненный проект договора о взаимной помощи. В нем предусматривалась немедленная и всесторонняя эффективная взаимопомощь трех держав в случае нападения на одну из них, а также оказание ими помощи Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польше, Финляндии и Прибалтийским странам. Договор о взаимопомощи должен был вступить в силу одновременно с военной конвенцией³⁵. Правительства Англии и Франции и на этот раз уклонились от конкретных обязательств со своей стороны, в том числе от оказания помощи Прибалтийским государствам. Они отказывались также заключить одновременно с пактом о взаимной помощи военную конвенцию³⁶.

Позиция западных держав на переговорах никак не свидетельствовала об их стремлении заключить с СССР эффективный равноправный договор. Более того, они проявили неискренность и в полном смысле слова вероломство, начав летом 1939 г. в Лондоне секретные переговоры с гитлеровской Германией, т. е. тогда, когда они уже вели переговоры с СССР. 25 июля полпред СССР во Франции Я. З. Суриц сообщал: «Всякий честный сторонник соглашения с нами спрашивает себя, какое доверие Москва может иметь к переговорщикам, когда в момент переговоров наводится мост к соглашению с Германией, а во время военного конфликта между СССР и Японией делаются позорные авансы Японии»³⁷. Англо-германские переговоры велись в строжайшей тайне. Представитель Англии на этих переговорах, главный советник правительства Г. Вильсон 3 августа 1939 г. предупреждал посла Германии в Англии Г. Дирксена: «Вступление в конфиденциальные переговоры с германским правительством связано для Чемберлена с большим риском. Если

³⁴ СССР в борьбе за мир..., с. 417—418.

³⁵ Там же, с. 432—433.

³⁶ Documents on British Foreign Policy... L., 1953, vol. 6, p. 33—41, 79, 115—120.

³⁷ СССР в борьбе за мир..., с. 516.

о них стаяет что-либо известно, произойдет грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку»³⁸.

Английская сторона, выступившая инициатором англо-германских переговоров, предложила Гитлеру заключить договор, что было бы равносильно созданию англо-германской Антанты. «Сокровенная цель этого договора,— сообщал в Берлин Дирксен,— заключалась в том, чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши... Тогда Польша была бы оставлена в одиночестве, лицом к лицу с Германией»³⁹. Таким образом, как гарантии Польше, так и переговоры с СССР были для английского правительства лишь разменной монетой, которой оно намеревалось рассчитаться с фашистской Германией за обеспечение интересов британского империализма. Чемберлен рассматривал переговоры с Москвой как средство давления на Берлин, чтобы заставить Гитлера быть более уступчивым в ходе секретных англо-германских переговоров. Однако непомерные запросы нацистов и стремительное развитие мировых событий воспрепятствовали попытке правительства Англии осуществить антисоветский сговор с фашистской Германией.

В тот период неприглядно выглядела и позиция правительства США, придерживавшегося «невмешательства» в переговоры о заключении англо-франко-советского договора. Эта позиция расценивалась в Лондоне и Париже как молчаливое одобрение их линии на бесконечное затягивание и в конечном счете срыв этих переговоров. Американский президент, докладывая летом 1939 г. советский полпред в США К. А. Уманский, «не решился воспользоваться имеющимися в его распоряжении моральными и материальными средствами для воздействия на англичан и французов с целью повлиять на их внешнеполитическую линию»⁴⁰.

Правительства Англии и Франции продолжали свою игру в переговоры с СССР, надеясь остаться в стороне от надвигавшейся войны. Новым свидетельством нежелания западных держав пойти по пути организации кол-

³⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948, т. 2, с. 135—136.

³⁹ Там же, с. 215, 219.

⁴⁰ История внешней политики СССР, т. 1, с. 371—372.

лективной безопасности и отпора агрессии стало их отношение к советскому предложению начать военные переговоры между представителями вооруженных сил СССР, Англии и Франции, сделанному 23 июля.

Формально согласившись на проведение переговоров, правительства Англии и Франции не торопились с их началом. В результате к моменту отъезда английской и французской военных миссий в Москву (5 августа) англо-французский проект конвенции не был готов, что и было использовано правительством Чемберлена для задержки переговоров. Когда же проект конвенции был подготовлен, оказалось, что он не предусматривал эффективного военного сотрудничества с СССР. В нем был обойден такой важнейший вопрос, как сотрудничество в деле защиты Польши и Румынии в случае нападения на эти государства⁴¹.

Истинные намерения правительства Англии проявились и в директиве, которую получила английская миссия, отправляясь в Москву. Директива предписывала уклоняться от заключения конкретного соглашения, не обсуждать вопроса о проходе советских войск через территорию Польши и Румынии⁴², без чего СССР, не имевший общих границ с Германией, практически не мог принять участия в военных действиях против нее. Об отсутствии серьезного намерения заключить соглашение свидетельствовало и то, что во главе миссий были поставлены второстепенные фигуры — английский адмирал П. Дракс и французский генерал Ж. Думенк; к тому же у адмирала не было никаких полномочий для ведения переговоров. Советскую военную миссию возглавлял народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов. Советское правительство предоставляло ему право «вести переговоры с английскими и французскими военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе»⁴³.

Британский посол в Москве У. Сидс, оценивая тогдашнюю обстановку, писал в Лондон 13 августа: «При таких условиях я полагаю, что военные переговоры едва ли приведут к каким-либо результатам, за исключением

⁴¹ Documents on British Foreign Policy... L., 1954, vol. 7, p. 595.

⁴² Ibid., vol. 6, p. 762—779.

⁴³ СССР в борьбе за мир..., с. 535—536.

того, что они вновь вызовут у русских сомнение в нашей искренности и желании заключить конкретное и определенное соглашение»⁴⁴. Было очевидно, что правительства Англии и Франции, соглашаясь начать с СССР переговоры, не ставили своей целью заключить с ним эффективное равноправное соглашение о военном сотрудничестве для отражения германской агрессии в Европе. В отличие от западных партнеров советская военная миссия представила подробно разработанный военный план, предусматривавший совместные действия вооруженных сил СССР, Англии и Франции во всех возможных случаях агрессии. Осуществление этого плана гарантировало бы пресечение германской агрессии.

Советский план предусматривал, что вооруженные силы СССР в случае войны пройдут через определенные районы Румынии и Польши. Однако реакционные правительства этих стран не допускали мысли об их участии в союзе против фашистской Германии. Более того, польское правительство официально отказалось разрешить проход советских войск через территорию Польши. Начальник генштаба польской армии генерал В. Стахевич заявил 20 августа английскому военному атташе: «Не может быть и речи о том, чтобы разрешить пропуск советских войск через польскую границу»⁴⁵. Румынский король в беседе с президентом Турции И. Иненю также заявил, что не допустит советские войска на территорию своей страны, «даже если они пойдут на помощь сражающейся румынской армии»⁴⁶. Что касается английского правительства, то оно, не желая достигнуть соглашения с СССР и будучи заинтересовано в том, чтобы вину за срыв военных переговоров можно было свалить на Польшу, даже не пыталось оказать давление на Варшаву.

По вине Англии и Франции англо-франко-советские военные переговоры зашли в тупик и были прерваны. И Англия, и Франция рассматривали их лишь как средство нажима на Гитлера с целью добиться с ним очередной сделки на антисоветской основе. Поэтому они отклоняли все конструктивные предложения СССР. 26 августа К. Е. Ворошилов констатировал: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР

⁴⁴ Documents on British Foreign Policy, vol. 6, p. 682.

⁴⁵ Ibid., vol. 7, p. 70.

⁴⁶ См.: *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 234.

заклучил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заклучил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»⁴⁷.

Советская дипломатия делала все возможное, чтобы создать коллективный фронт защиты мира против агрессии. Однако эти усилия из-за политики Англии и Франции не увенчались успехом. В результате мюнхенского стговора СССР, по существу, продолжал оставаться в положении международной изоляции. Более того, Советский Союз должен был учитывать реальную опасность угрозы войны на два фронта: против Германии — на западе и Японии — на востоке. Летом 1939 г., в тот период, когда проходили англо-франко-советские переговоры, японские милитаристы начали крупное наступление с плацдарма в Маньчжурии на Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол. Советские войска, верные принципам пролетарского интернационализма и союзническому долгу, поспешили на помощь Монголии. Проникшие на ее территорию отборные части японской квантуновской армии были разгромлены.

Важнейшей задачей советской дипломатии в 1939 г. являлся срыв антисоветских планов империализма, ограничение сферы распространения назревавшего военного конфликта и вовлечения СССР в войну. Правительство СССР приняло тогда единственно правильное решение заклучить договор о ненападении с Германией; 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор. Он избавил СССР от угрозы войны без союзников сразу на два фронта (против Германии — на западе и Японии — на востоке) и дал дополнительное время для укрепления обороны страны. Договор с Германией был заклучен лишь после того, как окончательно выяснилось нежелание Англии и Франции оказать совместно с СССР отпор гитлеровской агрессии.

И после заклучения советско-германского договора Советское правительство не отказалось от идеи коллективной безопасности; оно заявило о готовности продолжить переговоры с Англией и Францией относительно договора о взаимной помощи. 24 августа Форин оффис информировал английское посольство в Вашингтоне о

⁴⁷ Правда, 1939, 27 авг.

заявлений наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, что «некоторое время спустя, например через неделю, переговоры с Францией и Англией могли бы быть продолжены»⁴⁸. Дальнейшее развитие событий по вине западных держав пошло, однако, не по пути упрочения мира. Расценив политику умиротворения агрессии как показатель слабости и неготовности Англии и Франции к войне, Гитлер пришел к заключению, что ему выгоднее начать войну за установление мирового господства с разгрома соперничавшей с Германией группы капиталистических государств. Таким образом, преступная политика мюнхенских «умиротворителей» обернулась против самих же западных стран. Война началась иначе, чем этого хотели мюнхенцы. Они жаждали войны Германии и Японии против СССР, война же возникла внутри капиталистического мира, между двумя группировками империалистических держав.

Вступление Советского Союза во вторую мировую войну в результате вероломного нападения на него гитлеровской Германии явилось главным фактором, который привел к созданию демократической, антифашистской коалиции в составе СССР, США и Англии и окончательно определил освободительный характер войны со стороны народов этой коалиции. Вторая мировая война завершилась победой антифашистской коалиции народов и государств над блоком фашистских агрессоров. Решающий вклад в их разгром внесли советский народ и его доблестные Вооруженные Силы.

Три с половиной десятилетия Европа живет в мирной обстановке. Огромный вклад в дело сохранения мира вносит СССР. Основу его внешнеполитической деятельности составляют Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, и являющаяся ее органическим продолжением и развитием Программа мира на 80-е годы, выдвинутая XXVI съездом КПСС и претворяемая в жизнь. Важным этапом на пути укрепления мира в Европе явилось Обще-европейское совещание по безопасности и сотрудничеству, созыв и успешное проведение которого было одной из центральных задач Программы мира. Совещание подвело окончательную черту под второй мировой войной.

⁴⁸ Foreign Relations of the United States, 1939. Wash., 1956, vol. 1, p. 311.

Один из первостепенных уроков второй мировой войны заключается в том, что с войной нужно бороться, пока она не разразилась. Эта задача приобретает особую актуальность в эпоху ракетно-ядерного оружия, которое может не только принести неисчислимые бедствия людям, но и создать реальную угрозу существованию человечества. Выступая 2 марта 1979 г. перед избирателями, Л. И. Брежнев, выражая чаяния советских людей, с особой силой подчеркнул: «Наша цель — прочный мир и безопасность для советского народа, прочный мир и мирное сотрудничество между всеми государствами земли. И за достижение этой цели мы будем бороться неустанно, не жалея сил и энергии»⁴⁹.

⁴⁹ Правда, 1979, 3 марта.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. Я. СИПОЛС

Одним из существенных этапов борьбы за сохранение мира, против империалистической агрессии был канун второй мировой войны.

С начала 30-х годов с возрастающей быстротой шел процесс нарастания агрессии со стороны фашистских государств. Первой начала захват чужих земель Япония, оккупировавшая в 1931 г. Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). В середине 30-х годов фашистская Италия захватила Эфиопию. Однако самый опасный очаг войны возник в центре Европы. В середине марта 1938 г. гитлеровцы ввели свои войска в Австрию. Осенью 1938 г. фашистская Германия осуществила расчленение Чехословакии. Заодно с нацистами действовали реакционные, империалистические правящие круги ряда других стран.

К началу 1939 г. гитлеровцами были разработаны планы дальнейшей агрессии: весной — полная ликвидация Чехословакии как самостоятельного государства;

осенью — военный разгром Польши, затем война против Франции и Англии и после того нападение на СССР¹.

В противовес блоку фашистских агрессоров в лагере империализма постепенно начала складываться другая группировка держав во главе с Англией, Францией и США. Эти державы стремились сохранить доминирующее положение в мире, установленное в результате победы в первой мировой войне.

Несмотря на все большее обострение отношений между империалистическими державами, основным противоречием на мировой арене было противоречие между лагерем империализма и первым в мире социалистическим государством. Правящие круги всех капиталистических стран считали своей важнейшей классовой задачей уничтожение в лице СССР нового общественного строя. Блок фашистских агрессоров не скрывал, что считает борьбу против коммунизма, за уничтожение Советского государства основной частью своей внешнеполитической программы. Учитывая это, англо-франко-американская империалистическая группировка решила сделать все возможное, чтобы разрешить свои противоречия с блоком фашистских агрессоров за счет Советского Союза. Наибольшую активность проявляла английская дипломатия. Реакционные правящие круги Англии приложили максимум усилий для заключения империалистической сделки с фашистским рейхом, с тем чтобы отвести немецко-фашистскую агрессию от Британской империи и толкнуть ее на восток, против Советского Союза.

Для того чтобы проложить гитлеровским агрессорам путь к советским границам, они готовы были принести в жертву фашистским агрессорам малые и средние страны Центральной и Восточной Европы. Наиболее наглядно это проявилось в мюнхенском сговоре.

Коммунистическая партия и Советское правительство отчетливо видели огромную опасность, нависшую над СССР в связи с возникновением опасных очагов новой мировой войны. Коммунистическая партия и Советское правительство руководствовались указаниями В. И. Ленина: «...наша задача удержать существование одинокой со-

¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971, с. 225, 233—234.

циалистической республики, окруженной капиталистическими врагами...»².

В условиях быстро нараставшей угрозы войны Коммунистическая партия и Советское правительство делали все возможное для ускоренного развития советской экономики и на этой основе укрепления обороноспособности страны. Именно сила и мощь Советского Союза были тем главным фактором, с которым считались агрессоры, решая вопрос о том, нападать на СССР или нет.

Нельзя не отметить, что в работах многих буржуазных историков и публицистов советская внешняя политика в предвоенные годы подвергалась преднамеренной фальсификации. Эти фальсификаторы, грубо клевета на советскую внешнюю политику, на международное коммунистическое движение, приписывали им стремление спровоцировать войну между двумя группировками империалистических держав. Они утверждали, что, по мнению коммунистов, якобы только в результате новой войны в ряде стран снова создается революционная ситуация.

Такие утверждения, однако, не имели ничего общего с действительностью. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»³.

В резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала констатировалось, что мирная политика СССР направлена не только на защиту Советской страны, «она защищает жизнь рабочих всех стран, жизнь всех угнетенных и эксплуатируемых, она... служит жизненным интересам человечества...»⁴. Поэтому советская внешняя политика была близка и понятна широким народным массам, пользовалась поддержкой прогрессивных сил всех стран.

Однако вставал вопрос о том, насколько реальна перспектива предотвращения войны. В свете опыта первой мировой войны были довольно широко распространены фаталистические представления о неизбежности войн. По мере того как вызревало новое соотношение сил на мировой арене, стал выработываться иной подход к про-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 117.

³ Там же, с. 99.

⁴ VII конгресс Коммунистического Интернационала в борьбе против фашизма и войны: Сборник документов. М., 1975, с. 385.

блеме борьбы с военной опасностью. Первая страна победившего рабочего класса — СССР — превратилась к середине 30-х годов в могучую державу и стала оказывать все большее влияние на развитие мировых событий. Советский Союз был в состоянии внести огромный вклад в дело сохранения мира. Силы мира получили возможность опираться на последовательную миролюбивую политику Советского Союза⁵.

Обстоятельно этот вопрос был рассмотрен в докладе Д. З. Мануильского об итогах конгресса. Он подчеркивал, что новая обстановка требует несколько по-иному поставить вопрос о перспективах борьбы трудящихся с войной. Бесспорно, что, пока существует капитализм, войны неизбежны. Но сейчас имеется больше возможностей для успешной борьбы против империалистических войн, чем накануне первой мировой войны. Это предопределяется существованием Советского Союза, стоящего на страже мира. Борьбу против войны ведет Коммунистический Интернационал. Во фронт защиты мира могут включаться малые народы, независимости которых угрожает война. В борьбе против войны могут принять участие и те крупные государства, которые по разным причинам не хотят и боятся войны⁶.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали, что в создавшихся условиях важнейшая задача заключалась в предотвращении войны коллективными усилиями всех стран и народов, которым угрожал блок фашистских агрессоров.

Проявляя заботу об укреплении мира на советских границах, об обеспечении безопасности СССР, Советское правительство в то же время было заинтересовано и в сохранении всеобщего мира. Именно прочный всеобщий мир создавал наилучшие условия для надежного обеспечения мира и для Советской страны. Советским Союзом был выдвинут лозунг неделимости мира, получивший в 30-е годы широкое международное признание и не утративший своего значения и по сей день.

⁵ Румянцев А. М. Историческое значение VII конгресса Коминтерна и современное коммунистическое движение.— В кн.: За единство всех революционных и демократических сил. М., 1966, с. 19—20.

⁶ Мануильский Д. Итоги VII конгресса Коммунистического Интернационала: Доклад на Московском и Ленинградском партактиве. М., 1935, с. 32—33.

Перед советской дипломатией стояла задача использовать те возможности, которые открывались в борьбе против агрессии в связи с тем, что фашистские державы угрожали не только Советскому Союзу, но и многим другим государствам. Угроза агрессии, нависшая над многими капиталистическими странами, объективно создавала определенные предпосылки сотрудничества между ними и СССР. Советское правительство было преисполнено решимости использовать все эти возможности для того, чтобы противопоставить агрессорам общий фронт государств, заинтересованных в предотвращении войны. Необходимо было установить сотрудничество с одной из группировок капиталистических стран, в тех условиях не заинтересованной в развязывании новой мировой войны, против другой группировки империалистических держав, которая встала на путь агрессии.

Советская дипломатия разоблачала экспансионистские планы агрессоров, раскрывала ту смертельную опасность, которую они представляли для многих стран и народов. Она проводила неустанную работу, направленную на срыв сколачиваемых агрессивными державами антисоветских блоков. Одновременно она раскрывала коварные планы реакционных правящих кругов западных держав, пытавшихся откупиться от агрессоров за счет Советской страны, задушить их руками Республики Советов.

Советская дипломатия выдвинула конструктивную программу борьбы за сохранение мира, обуздание фашистских агрессоров, предотвращение войны. Она выступала за создание в Европе и на Дальнем Востоке надежных систем коллективной безопасности, с тем чтобы воздвигнуть на пути агрессоров непреодолимые преграды.

Последовательная борьба СССР за мир отвечала интересам как советского народа, так и народных масс всех стран. Поэтому советская внешняя политика пользовалась огромной популярностью и поддержкой широких народных масс, прогрессивных сил всех стран. Именно в Советском Союзе они видели основную силу, которая может остановить агрессоров. Это открывало перед советской дипломатией новые дополнительные возможности в борьбе за сохранение и упрочение мира.

Одним из убедительных проявлений возросшего международного авторитета СССР, признания той огромной роли, которую он играл и мог сыграть и в будущем в борьбе за мир, против агрессии, были полученное Совет-

ским Союзом приглашение вступить в Лигу наций, французское предложение о заключении между Советским Союзом и Францией договора о взаимной помощи на случай агрессии со стороны фашистской Германии (октябрь 1933 г.).

В связи с этой инициативой Коммунистическая партия и Советское правительство выдвинули свою концепцию обеспечения мира и безопасности в Европе. В декабре 1933 г. СССР выступил с предложением о создании в Европе системы коллективной безопасности.

20 декабря 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило следующие предложения, предназначенные для передачи французскому правительству:

«1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши»⁷.

В предложениях СССР в сжатой форме были изложены важнейшие принципиальные установки, которые легли в основу развернутой Коммунистической партией и Советским правительством в середине 30-х годов борьбы против нарастания угрозы новой мировой войны. Поэтому целесообразно рассмотреть некоторые из них более подробно.

Во-первых, в отличие от французского предложения о заключении двустороннего советско-французского договора Советский Союз выступал за подписание более широкого договора, т. е. за создание в Европе системы коллективной безопасности с участием ряда стран. Советское правительство считало основной задачей предотвращение войны, обуздание агрессоров. Советско-французский договор о взаимной помощи против агрессии мог бы сыграть в этом огромную роль. Но для надежного обеспечения мира в Европе гораздо большее значение имело заключение многостороннего соглашения о коллективной безопасности.

⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. 16, с. 876; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, т. 4, кн. 2, с. 28—29.

Во-вторых, особое значение имело содержавшееся в советском предложении условие о том, что в региональном соглашении, вошедшем в историю как проект Восточного пакта, обязательно должны принимать участие Франция и Польша.

При установлении тесного сотрудничества между СССР и Францией гитлеровцам в случае нападения на другие страны приходилось бы считаться с необходимостью ведения войны на два фронта.

Принципиальное значение имело участие в Восточном пакте Польши. Прежде всего это означало бы, что Польша из страны, являвшейся активной участницей всех антисоветских акций, стала бы союзницей СССР. Кроме того, именно участие Польши в Восточном пакте могло сделать действительно эффективным участие в нем и СССР. Поскольку Советский Союз не имел общей границы с фашистским рейхом, он мог активно участвовать в войне против Германии только в тесном сотрудничестве с Польшей, что дало бы СССР возможность вывести свои войска через определенные районы Польши к германским границам. Главное же заключалось в том, что коалиция с участием СССР, Франции и Польши фактически являлась бы надежной гарантией того, что фашистский рейх не решится на войну.

Для безопасности СССР огромное принципиальное значение имела также гарантия сохранения независимости Польши, так как, пока существовала самостоятельная Польша, Германия не имела удобных подступов к советским границам. Поэтому СССР был готов внести максимальный вклад в обеспечение независимости и неприкосновенности Польши.

В-третьих, вступая в Лигу наций, Советский Союз был заинтересован в превращении ее в эффективный орган, содействующий укреплению мира и безопасности. В случае нападения на СССР какого-либо государства другие члены Лиги наций обязаны были прийти ему на помощь. (Правда, возлагать особые надежды на то, что другие члены Лиги наций действительно окажут помощь СССР, все же не приходилось.) Одновременно и на СССР возлагались обязательства по оказанию помощи другим членам Лиги наций, ставшим жертвами агрессии. Советское государство со своей стороны было готово принять участие в коллективных акциях Лиги наций по оказанию помощи жертве агрессии.

Все эти вопросы, как и многие другие, были подробно рассмотрены на состоявшихся в 1933—1935 гг. переговорах о Восточном пакте и советско-французском договоре о взаимной помощи.

Переговоры о Восточном пакте, в частности, показали, насколько важно участие Польши в системе коллективной безопасности в Европе. Но позиция ее правящих кругов во главе с такими приверженцами сотрудничества с гитлеровской Германией, как Пилсудский и Бек, не могла не настораживать. И хотя Восточный пакт обеспечивал безопасность Польши, ее правящие круги заняли отрицательную позицию относительно его заключения.

В последующем Советское правительство, по-прежнему будучи глубоко заинтересовано в предотвращении захвата Польши фашистским рейхом, также придавало важнейшее значение привлечению ее к участию в создании коллективного фронта защиты мира. В 1939 г. в условиях нависшей над Польшей смертельной опасности Советский Союз считал необходимым еще раз попытаться установить с ней сотрудничество в целях пресечения немецко-фашистской агрессии. Буря возмущения прогерманской политикой Бека и других правителей Польши достигла в стране такого накала, что Бек считал необходимым выступить 5 мая 1939 г. с речью о том, что он считает необходимым оказывать сопротивление фашистским агрессорам. Когда же через несколько дней Советское правительство обратилось к нему с предложением о заключении союза для борьбы против фашистских агрессоров, то Бек, предавая национальные интересы, отверг это предложение. Положение Польши продолжало ухудшаться, но ее правители придерживались своего пагубного курса. Когда в августе 1939 г. на переговорах советской, английской и французской военных миссий в Москве встал вопрос о необходимости пропуска советских войск через территорию Польши в случае нападения Германии, правящие круги страны снова отклонили советскую помощь.

В ходе переговоров о Восточном пакте были обстоятельно проанализированы также положение Прибалтийских государств, значение предотвращения захвата их нацистской Германией для безопасности СССР. Поэтому в 1939 г. Советское правительство сразу же поставило вопрос о том, чтобы Англия, Франция и СССР вместе предоставили свои гарантии Прибалтийским государствам.

Наконец, еще в середине 30-х годов стало ясно, что сотрудничество между СССР и другими странами может быть действительно эффективным в борьбе против агрессоров только в случае заключения не только политического, но и военного соглашения. Ведь советско-французский договор о взаимопомощи остался на бумаге в немалой степени потому, что не был дополнен военным соглашением.

Таким образом, в ходе переговоров 1933—1935 гг. о Восточном пакте и советско-французском договоре о взаимопомощи⁸ советской дипломатией была проделана большая полезная работа по обеспечению коллективными усилиями мира и безопасности в Европе. В 1939 г. в переговорах с Англией и Францией Советское правительство сразу же выдвинуло эти главные вопросы. Позиция, занятая в 1939 г. Англией, Францией и Польшей, недвусмысленно свидетельствовала о том, что они, как и при обсуждении Восточного пакта, по-прежнему не хотели эффективного соглашения с СССР. Учитывая опыт переговоров о Восточном пакте, Советскому правительству в 1939 г. нетрудно было убедиться в этом. Все это помогло ему правильно оценить расстановку сил в Европе накануне войны, избежать ложных иллюзий и принимать правильные решения.

Таким образом, переговоры о Восточном пакте могли иметь огромное значение для быстрого и успешного проведения советско-англо-французских переговоров в 1939 г., если бы Англия, Франция и Польша действительно хотели сотрудничать с СССР в деле предотвращения войны. Поскольку в Лондоне и Париже делали ставку на развязывание войны между фашистской Германией и СССР, все попытки Советского правительства договориться с Англией и Францией окончились безрезультатно.

Советское государство всегда стремилось к добрососедским отношениям со всеми странами, имеющими с ним общую границу. Такие отношения Советское государство хотело поддерживать и с Финляндией. Озабоченное тем, что гитлеровский рейх пытался превратить Финляндию в плацдарм для нападения на СССР, Советское правительство стало предпринимать меры к тому, чтобы добиться решительного улучшения отношений с Финляндией. Одной из таких мер было советское предложение приступить

⁸ Советско-французский договор был подписан 2 мая 1935 г.

к переговорам о заключении договора о взаимопомощи, сделанное неофициальным путем в апреле 1938 г. правительству Финляндии. Заключение такого договора способствовало бы обеспечению безопасности северо-западных границ СССР, а также содействовало бы укреплению международного положения Финляндии.

Однако финляндское правительство отклонило эту инициативу. В начале марта 1939 г. Советское правительство внесло предложение об аренде нескольких финских островов, с тем чтобы создать на них военные базы для обеспечения безопасности Ленинграда с моря. Но и это предложение не было принято. Тогда советская сторона предложила обменять эти «бесплодные острова» на вдвое большую территорию Советской Карелии, но снова безрезультатно⁹. Во время советско-англо-французских переговоров летом 1939 г. Финляндия выступила против распространения на нее гарантий трех держав. Финляндия все больше ориентировалась на сотрудничество с фашистской Германией, что отрицательно сказывалось на советско-финляндских отношениях.

Советское правительство уделяло большое внимание также отношениям с другой соседней страной — Румынией. Когда в 1933—1935 гг. обсуждался вопрос о заключении Восточного пакта, начались переговоры также о подписании соглашения, предусматривающего взаимную помощь между СССР и Румынией против германской агрессии. Во время переговоров СССР, Англии и Франции летом 1939 г. Советское правительство поставило вопрос об оказании тремя державами помощи в случае германской агрессии также и Румынии. Но Румыния, как и Польша, решительно отказывалась от сотрудничества с СССР¹⁰.

Таким образом, Коммунистическая партия, Советское правительство проводили накануне второй мировой войны активную политику борьбы за мир, за предотвращение новой мировой войны. Прогрессивные силы всего мира рассматривали Советский Союз как главную силу, противостоявшую фашистским агрессорам.

Последовательная, энергичная борьба, которую Советский Союз вел за создание в Европе системы коллективной безопасности, дала свои плоды. Когда впоследствии положение сложилось таким образом, что гитлеровская

⁹ История внешней политики СССР, т. 1, с. 399; История дипломатии. М., 1975, т. 5, с. 25—26.

¹⁰ История внешней политики СССР, т. 1, с. 358, 367, 373.

Германия оказалась в состоянии войны вначале с Англией, а не с СССР, то в Лондоне наконец осознали значение Советского Союза как фактически единственной силы, которая могла спасти Англию от полного разгрома. Равным образом осознали значение СССР для разгрома блока фашистских агрессоров и в Соединенных Штатах Америки. Все это способствовало созданию в 1941—1942 гг. мощной антигитлеровской коалиции, которая одержала во второй мировой войне победу над блоком фашистских агрессоров. Таким образом, самой жизнью были раскрыты порочность, близорукость политики реакционных правящих кругов Англии, Франции, Польши и ряда других стран, не желавших сотрудничать с СССР накануне второй мировой войны.

Последовательная борьба Советского Союза за укрепление мира и безопасности накануне второй мировой войны не утратила своего значения и сегодня. Она свидетельствует о преемственности политики мира, проводимой Коммунистической партией Советского Союза и Советским государством начиная с первых лет существования Страны Советов и по сегодняшний день.

МЕРОПРИЯТИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

А. И. БАБИН

В годы, предшествовавшие второй мировой и Великой Отечественной войне, Коммунистическая партия и Советское правительство, осуществляя задачи социалистического строительства, упорно отстаивали дело мира, добились организации системы коллективной безопасности и коллективного отпора агрессору. Но, борясь за мир, они не забывали о постоянной угрозе со стороны агрессивных капиталистических держав, помнили указания В. И. Ленина о необходимости быть начеку, беречь, как зеницу ока, «обороноспособность нашей страны и нашей Красной Армии»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 300.

Угроза мировой войны особенно возросла после прихода к власти в Германии фашизма. С этого времени фашистская Германия начала усиленно вооружаться. Темпы производства военной техники свидетельствовали о подготовке Германии к войне. Если в 1934 г. в Германии было построено 840 самолетов, то в 1936 г. их число достигло 2530, в 1938 г.— 3350, а в 1939 г.— уже 4733. В целом же военное производство с 1934 по 1940 г. увеличилось в 22 раза². Создав крупные вооруженные силы и не встречая отпора со стороны Англии, Франции и США, фашистская Германия приступила к осуществлению своих агрессивных актов. После захвата Австрии и оккупации Чехословакии она завоевывала одну за другой европейские страны.

Расширение фашистской агрессии в Европе и захватническая политика милитаристской Японии в Азии потребовали от Советского государства осуществления крупных мероприятий, направленных на повышение обороноспособности страны. «Наша партия,— указывал Л. И. Брежнев,— предвидела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне. Социально-экономические завоевания предвоенных пятилеток, идейно-политическое единство советского общества, выкованное в ходе построения социализма, заложили основы победы, одержанной нашим народом в Великой Отечественной войне»³.

Осуществляя мероприятия по подготовке страны к отпору империалистической агрессии, Советское государство большое внимание уделяло укреплению своих Вооруженных Сил, которые в усложнившихся условиях являлись надежным оплотом завоеваний социализма, важным фактором предотвращения войны и сохранения мира. Проводимая работа по укреплению армии и флота была весьма многогранна, охватывала широкий круг вопросов.

Прежде всего необходимо было повысить мобилизационную готовность Вооруженных Сил, привести систему их комплектования в соответствие с изменившимися условиями военно-политической обстановки. Опираясь на экономические и социальные преобразования, происшедшие в стране, учитывая особенности возможной войны

² См.: Жилин П. А. Проблемы военной истории. М., 1975, с. 170.

³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 90.

и характер военных приготовлений агрессивных империалистических государств, со второй половины 30-х годов Советский Союз начал переход от территориально-кадровой системы строительства Вооруженных Сил к единому кадровому принципу, к постоянной кадровой армии. Он сопровождался ростом численности Вооруженных Сил. Если в 1935 г. в них было 930 тыс. человек, то к началу второй мировой войны численность личного состава достигла более 2 млн. человек. Это отвечало требованиям международной обстановки.

Предметом особого внимания Коммунистической партии и Советского правительства в этот период явилось оснащение армии и флота современным вооружением и техникой. Международная обстановка, интересы безопасности государства требовали перевести армию и флот на новую военно-техническую базу, завершить техническую реконструкцию Советских Вооруженных Сил, начатую в начале 30-х годов.

Основное направление развития Советских Вооруженных Сил в предвоенные годы состояло в создании мощных, оснащенных современной боевой техникой и организационно слаженных сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, которые были бы в состоянии дать отпор любому агрессору.

Основу боевой мощи Советских Вооруженных Сил составляли сухопутные войска, поэтому их техническому оснащению и организационному укреплению придавалось первостепенное значение. В развитии сухопутных войск был взят курс на их всемерную механизацию и моторизацию, на насыщение их артиллерией, танками, автоматическим стрелковым оружием.

Усилиями Коммунистической партии и советского народа на базе социалистической индустриализации страны удалось в короткие сроки резко поднять техническую оснащенность сухопутных войск. В предвоенные годы особую остроту приобрела проблема подготовки военных кадров. Это объяснялось ростом численности Вооруженных Сил, большим размахом организационного строительства, значительным повышением удельного веса технических и специальных родов войск. Требовалось большое количество новых командных, политических и инженерно-технических кадров. ЦК партии и правительство приняли новые решения по расширению сети военно-учебных заведений, совершенствованию их учебных программ.

Большое внимание уделялось воспитанию советских воинов в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, воспитанию таких морально-боевых качеств, как храбрость, мужество и стойкость, готовность выполнить свой священный долг по защите социалистической Родины. Личный состав армии и флота, впитавший в себя все лучшие черты своего народа, обладал такими морально-боевыми качествами, которых не было и не могло быть у солдат противника. Были созданы условия для полного единства тыла и фронта.

Широкое развитие получила советская военная наука. Основные ее положения и выводы были положены в основу строительства Вооруженных Сил, их подготовки, обучения и воспитания личного состава.

Таким образом, в условиях надвигавшейся второй мировой войны и возможной агрессии против Советского Союза делалось все возможное, чтобы обеспечить повышение боевого могущества и боеспособности Советской Армии. В этих целях она была организационно перестроена и приведена в соответствие с новой боевой техникой, уровнем советской военной науки.

Укрепление Советского Союза и его Вооруженных Сил было не только его внутренним делом, но и имело исключительное международное значение. Советское правительство готово было использовать свою армию совместно с армиями других государств для предотвращения фашистской агрессии.

В обстановке начавшейся второй мировой войны Советский Союз внимательно следил за действиями империалистических хищников. Перед лицом все более возрастающей опасности агрессии со стороны фашистской Германии на западе и империалистической Японии на востоке всемерное укрепление обороноспособности СССР, повышение боеготовности армии и флота стали жизненно важным делом, первейшей заботой Коммунистической партии и Советского правительства.

Ныне кое-кто на Западе бездоказательно заявляет, будто бы заключение советско-германского договора о ненападении привело Советское правительство к самоуспокоению и ослаблению его внимания к укреплению своих Вооруженных Сил. Эти домыслы не соответствуют действительности.

Политическое и военное руководство СССР понимало, что военное столкновение с Германией неизбежно. 5 мая

1941 г. И. В. Сталин, выступая с речью на приеме выпускников военных академий, дал ясно понять, что германская армия является наиболее вероятным нашим противником⁴. Накануне второй мировой войны численность вооруженных сил Германии достигла 4,6 млн. человек. На их вооружении находилось 26 тыс. орудий и минометов (без учета зенитной артиллерии). 3195 танков, 4093 боевых самолета, 107 боевых кораблей основных классов, в том числе 57 подводных лодок⁵.

Выполняя решения XVIII съезда ВКП(б) (1939 г.) и XVIII партийной конференции (1941 г.), советский народ делал максимум возможного для укрепления оборонного могущества страны, развертывания, реорганизации и перевооружения армии и флота, обучения и воспитания воинов. На выполнение программы обеспечения обороны в 1940 г. была выделена почти треть государственного бюджета, а в 1941 г. ассигнования на оборону достигли 43,4% государственного бюджета.

В соответствии с решениями Коммунистической партии и Советского правительства ускорялись развитие оборонной промышленности, разработка технологии и внедрение в массовое производство новых видов военной продукции, завершение проектных разработок по наиболее перспективным видам вооружения. При этом особое внимание уделялось авиационной и танковой промышленности, повышению качества производимой ими продукции, улучшению тактико-технических данных боевых самолетов и танков.

В 1939—1940 гг. был создан ряд типов боевых самолетов, которые по своим летно-техническим данным были на уровне требований времени, а некоторые — лучшими в мире. Например, МиГ-3 превосходил по боевым характеристикам самолеты такого же типа Англии, США, Германии; Пе-2 был лучше, чем немецкие самолеты такого же типа Ю-87 и Ю-88. К середине 1941 г. в войсках насчитывалось 2,7 тыс. современных машин. Однако новых самолетов было недостаточно. Преимущество в авиации находилось на стороне вероятного противника — фашистской Германии⁶. Тем не менее мероприятия, проведенные в предвоенные годы по перестройке и расширению

⁴ История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 439.

⁵ Советская военная энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 410.

⁶ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 425.

авиапромышленности, создание новых типов боевых самолетов позволили быстро организовать их массовый выпуск в ходе войны.

Возросли производственные мощности советского танкостроения. Начался выпуск новых танков KV и Т-34. Но их также было недостаточно. К середине 1941 г. Советская Армия имела в строю 1861 танк новых типов. Основную массу машин составляли легкие танки устаревших конструкций, со слабой броней, подлежавшие замене.

Большое развитие получила артиллерийская промышленность. Были созданы оригинальные типы орудий, многие из которых остались на вооружении армии и во время войны. К началу Великой Отечественной войны Советская Армия имела свыше 67 тыс. орудий и минометов (без 50-миллиметровых минометов). Были созданы реактивные минометы, сыгравшие в годы войны огромную роль и любовно названные бойцами «катюшами». Быстро развивалась противотанковая артиллерия.

По боевым качествам советская полевая артиллерия превосходила немецкую, но была слабо обеспечена механизированной тягой. Войскам недоставало зенитной артиллерии. Начавшееся формирование противотанковых артиллерийских бригад РККА к началу войны не было завершено.

В предвоенные годы партия и правительство провели большую работу по технической реконструкции и количественному увеличению Военно-Морского Флота. Главная задача состояла в том, чтобы создать на морях и океанах, омывающих берега Советского Союза, сильные флоты, способные обеспечить безопасность наших морских границ.

Для выполнения этой задачи расширялись и реконструировались действующие, строились новые заводы, что позволило в течение 1938—1940 гг. передать Военно-Морскому Флоту 265 новых боевых кораблей различных классов⁷.

В результате принятых мер уровень оснащения Советской Армии оружием к 22 июня 1941 г. по сравнению с 1 января 1937 г. возрос: по винтовкам в 2,5 раза, по пулеметам — почти в 2 раза, по минометам — в 35 раз, противотанковым орудиям — почти в 4 раза, танковым

⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, т. 5, кн. 1, с. 126.

пушкам — в 2,5 раза, по зенитным орудиям — в 5 раз, по орудиям средних калибров — в 2 раза, крупных калибров — в 3,5 раза⁸. На вооружении советских войск появились такие современные виды оружия, как автоматы, крупнокалиберные пулеметы, полковые минометы и т. д.

Хотя работа по перевооружению армии проводилась в больших масштабах, но, к сожалению, далеко не все необходимое удалось сделать. Промышленность в эти годы нередко физически не могла выполнить те или иные требования армии. Слишком краток был срок, отведенный историей для мирного труда советских людей. В результате к июню 1941 г. в войсках оставалось большое количество устаревшей бронетанковой и авиационной техники, ощущалась острая нехватка новых современных типов оружия.

Развертывалась большая работа по организационному укреплению Советских Вооруженных Сил. 1 сентября 1939 г. Верховный Совет СССР принял Закон о всеобщей воинской обязанности, который закрепил переход армии и флота на кадровый принцип комплектования и организации. Введение всеобщей воинской обязанности позволило значительно увеличить численность вооруженных сил, повысить уровень обучения войск, готовить многочисленные людские резервы. В результате общая численность армии и флота к середине 1941 г. по сравнению с 1939 г. возросла более чем в 2,8 раза и составила 5373 тыс. человек⁹.

Возрастание опасности нападения на СССР и втягивания его в мировую войну, формирование новых соединений и рост военно-экономического потенциала страны обуславливали внесение изменений в мобилизационный план, планы прикрытия границы, сосредоточения и развертывания вооруженных сил для отражения нападения империалистов. Необходимость внесения изменений в планы обороны была вызвана также и тем, что новая государственная граница СССР теперь проходила на сотни километров западнее прежней.

Новый мобилизационный план (организационно-материальные вопросы) был утвержден в феврале 1941 г. В основном ЦК ВКП(б) и Советскому правительству уда-

⁸ Вопросы истории, 1970, № 5, с. 35.

⁹ История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 18; т. 3, с. 441.

лось осуществить план мобилизационного развертывания армии, было сформировано 125 новых дивизий, значительно пополнен боевой состав артиллерии. С учетом опыта войны в Европе было принято решение о создании механизированных частей и соединений. В 1940 г. было сформировано 9 механизированных корпусов, а в феврале — марте 1941 г. началось формирование еще 20, которые из-за недостатка времени и наличия техники не удалось полностью укомплектовать по штату. Только с января 1940 по июнь 1941 г. штатная численность личного состава бронетанковых и механизированных войск возросла в 7,4 раза¹⁰. Однако подавляющая часть личного состава, прибыв в войска в конце 1940 г. и в первой половине 1941 г., не смогла получить необходимой специальной подготовки. Армия испытывала большие трудности с укомплектованием быстро развертываемых частей танками и бронемашинами, транспортными машинами и ремонтными средствами. К середине июня 1941 г. войскам не доставало значительного количества этих видов боевой техники. Танковые и механизированные соединения оказались не полностью укомплектованными по штату военного времени. На базе новой техники подверглись реорганизации стрелковые войска и конница, появился совершенно новый род войск — воздушно-десантные войска. Происходило развертывание специальных родов войск (связи, инженерные, химические и автомобильные).

Принятые партией и Советским правительством постановления обеспечивали значительный рост огневой и ударной силы сухопутных войск, их подвижности и маневренности.

Для характеристики этого положения можно привести такие данные. Удельный вес технических родов войск увеличился с 20% в начале 30-х годов до 50% к концу 30-х годов. Количество дивизий и бригад в сухопутных войсках возросло за это же время больше чем в 2 раза. Если в начале 30-х годов подвижные войска составляли 21% сухопутных войск, то к концу 30-х годов — 41%; при этом половина этих соединений были танковыми и механизированными.

В предвоенные годы были осуществлены мероприятия по совершенствованию организации военно-воздушных сил, которые строились как самостоятельный вид Воору-

¹⁰ Там же, т. 3, с. 419, 420, 463.

женных Сил. В 1940—1941 гг. были приняты решения о реорганизации ВВС, о переводе их на дивизионную организацию, о создании дальнебомбардировочной авиации, о реорганизации базирования авиации. К моменту нападения фашистской Германии на СССР было сформировано 79 авиационных дивизий и 5 авиационных бригад. Число авиационных полков увеличилось к июню 1941 г. по сравнению с началом 1939 г. более чем на 80% ¹¹. Благодаря принятым мерам Советские ВВС накануне Великой Отечественной войны стали мощным видом Вооруженных Сил, способным решать крупные задачи как самостоятельно, так и во взаимодействии с сухопутными войсками и Военно-Морским Флотом.

Развитие средств воздушного нападения в армиях вероятного противника обусловило необходимость принятия специальных решений партии и правительства по реорганизации системы противовоздушной обороны страны. Накануне войны она стала более стройной по своей организации, достаточно устойчивой и легче управляемой. Но боевая готовность войск ПВО несколько снижалась из-за нехватки новейших средств обнаружения воздушного противника и управления огнем, недостатка малокалиберной зенитной артиллерии.

Укреплялся Военно-Морской Флот, повышалась его боеготовность. Поступление новых надводных кораблей, подводных лодок, торпедных катеров позволяло усиливать эскадры, формировать новые дивизионы эскадренных миноносцев, дивизионы и бригады подводных лодок, торпедных катеров, подразделения вспомогательных судов. Создавались новые эскадрильи и полки морской авиации, части береговой обороны. В целом боевая мощь ВМФ в годы, предшествовавшие второй мировой и особенно Великой Отечественной войне, значительно возросла. Советские морские силы состояли из 4 флотов (Балтийского, Черноморского, Северного, Тихоокеанского) и 5 речных и морских флотилий. Флоты насчитывали 3 линкора, 7 крейсеров, 212 подводных лодок, 287 торпедных катеров и другие типы боевых кораблей. Советский Военно-Морской Флот имел боевые корабли, не уступавшие кораблям германского флота.

В связи с возросшими задачами по обороне морских рубежей, сложностью боевой техники и вооружения фло-

¹¹ Там же, с. 424.

та, особенностями его боевого применения в декабре 1937 г. из системы наркоматов обороны выделяется самостоятельный общесоюзный наркомат Военно-Морского Флота со своим органом оперативного управления — Главным морским штабом.

Развертывание армии и флота потребовало увеличения численности командного, политического и инженерно-технического состава. Исходя из этого совершенствовалась система подготовки кадров, расширялась и реорганизовывалась сеть высших и средних военно-учебных заведений. Быстро росло число военных училищ. Только в 1940 г. было создано 42 училища. Всего к 1941 г. работало 19 академий, 10 военных факультетов при гражданских высших учебных заведениях, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования. В них обучалось свыше 300 тыс. слушателей и курсантов. В первой половине 1941 г. было направлено в войска из училищ и академий почти 70 тыс. выпускников. Значительно расширилась сеть военно-политических училищ¹². Однако командного состава накануне войны не хватало, так как шло быстрое увеличение численности Вооруженных Сил.

Важное значение для укрепления авторитета командного состава и повышения боеспособности войск имело установление в 1940 г. генеральских и адмиральских званий высшему командному составу армии и флота и новых званий для рядового и младшего состава, упразднение института военных комиссаров и установление полного единоначалия.

Для рассмотрения важнейших вопросов строительства армии и флота в марте 1938 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР был образован Главный Военный Совет РККА. Одновременно создавался Главный Военный Совет Военно-Морского Флота. До этого, в мае 1937 г., военные советы были созданы в округах, на флотах, в армиях и флотилиях. Во второй половине 1940 г. в соответствии с указаниями специальной партийно-правительственной комиссии, изучавшей работу высших руководящих органов армии, структура и организация наркомата обороны подверглись новым существенным изменениям, обеспечившим превращение его в более гибкий орган управления вооруженными силами.

¹² Там же, с. 417.

Значительное внимание уделялось развитию советской военной науки, которая в предвоенные годы в основном соответствовала требованиям того времени. Уже к середине 30-х годов она достигла серьезных успехов, опередив военную науку за рубежом.

При определении основных направлений строительства Вооруженных Сил советская военная наука исходила из того, что СССР вынужден будет вести войну против коалиции фашистских держав, располагающей массовыми, хорошо оснащенными и подготовленными армиями. Война примет маневренный характер, потребует большого количества боевой техники, прежде всего артиллерии, танков, авиации, мобилизации всех материальных и духовных сил страны. Поэтому к ней необходимо серьезно и заблаговременно готовиться: всемерно укреплять оборонную мощь государства и его Вооруженных Сил.

Советская военная мысль обоснованно определила роль и задачи видов Вооруженных Сил и родов войск в будущей войне. Она отрицала и справедливо критиковала односторонние буржуазные военные теории, отводившие главную роль какому-либо одному техническому средству борьбы и делавшие ставку на «молниеносную» войну. Советская военная теория исходила из того, что успех в будущей войне может быть достигнут объединенными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск при тесном взаимодействии. Вместе с тем необходимо было учитывать, что наши вероятные противники имеют большие сухопутные армии и главные события развернутся прежде всего на сухопутных фронтах. Поэтому Советские Вооруженные Силы должны были строиться с учетом ведения континентальной войны, главную роль в которой должны играть сухопутные и военно-воздушные силы. Выдающимся достижением советской военной мысли в межвоенный период явилась разработка принципов проведения глубоких операций, вооруженной борьбы с массированным применением танков, артиллерии, авиации и воздушных десантов.

Основные положения и выводы советской военной науки были положены в основу строительства Вооруженных Сил, их подготовки, обучения и воспитания личного состава. В 30—40-х годах широко практиковалось проведение крупных маневров с участием всех видов вооруженных сил и родов войск. Иностранцы военные специа-

листы, присутствовавшие на маневрах, вынуждены были признавать ведущую роль Советской Армии в развитии и массовом применении танков, авиации, воздушных десантов, в овладении новыми сложными формами вооруженной борьбы.

Опыт первых кампаний второй мировой войны подтвердил в целом правильность выводов советской военной науки о характере и направлении развития вооруженных сил, их структуры и организации, а также о способах ведения боевых действий. Вместе с тем боевой опыт позволил уточнить целый ряд положений, связанных с дальнейшим совершенствованием Советских Вооруженных Сил. Советская военная наука правильно ориентировала командные кадры на необходимость тщательного учета позитивных и негативных уроков боевого опыта Советской Армии в 1938—1940 гг., опыта второй мировой войны на Западе.

Перестраивались боевая подготовка и воспитание войск. Лозунгом армии и флота стало закрепленное в соответствующих приказах народного комиссара обороны требование Коммунистической партии к советским воинам: «Учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне». Политические органы и партийные организации направляли энергию личного состава на совершенствование боевого мастерства, воспитывали его в духе беспредельной любви к Родине и жгучей ненависти к империалистическим захватчикам. Перестройка боевой подготовки и воспитания войск, проведенная накануне Великой Отечественной войны, оказала плодотворное влияние на формирование высоких боевых и морально-политических качеств личного состава армии и флота.

Перед нападением фашистской Германии на СССР, особенно когда факт сосредоточения германских войск на границах с Советским Союзом стал неоспоримым, Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство приняли ряд срочных дополнительных мер по усилению первого стратегического эшелона сухопутных войск западных приграничных округов. В первой половине 1941 г. войска этих округов начали пополняться за счет призыва военнообязанных. Приграничные округа приступили к формированию отдельных противотанковых бригад, вооруженных мощными 85- и 107-миллиметровыми орудиями. Из внутренних округов на рубеж Западной Двины и

Днепра выдвигались четыре армии в качестве стратегического резерва¹³.

В течение марта и апреля 1941 г. шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ и мобилизационного плана на случай войны. В конце мая — начале июня из запаса было призвано 800 тыс. человек¹⁴. Велись работы по строительству укрепленных районов на государственной границе, перебрасывались ближе к западной границе из внутренних округов 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления. 19 июня наркомат ВМФ ввел во всех флотах повышенную боевую готовность. 19—21 июня было дано указание о создании Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. И наконец, в ночь на 22 июня в приграничные округа была послана директива, предупреждавшая о возможном нападении в течение 22—23 июня и намечавшая ряд мер для отражения этого нападения. Однако она не дошла своевременно до всех войск и многие соединения и части не успели получить необходимых распоряжений и поэтому не заняли рубежи обороны.

Таким образом, в условиях надвигавшейся агрессии против Советского Союза советский народ провел большую работу по повышению обороноспособности страны и укреплению армии и флота, в результате боевая мощь Советских Вооруженных Сил возросла, их организация и подготовка значительно улучшились. Но полностью выполнить колоссальную работу по реорганизации Советских Вооруженных Сил, укреплению границ и увеличению оборонного потенциала страны предполагалось к лету 1942 г. К моменту нападения фашистской Германии эта работа оказалась незаконченной. Завершать ее пришлось уже в ходе Великой Отечественной войны.

Немецко-фашистское политическое и военное руководство, планируя нападение на СССР, не могло понять природу социалистического строя. Оно оказалось бессильным оценить огромные возможности Советского государства и его вооруженных сил в борьбе за сохранение и упрочение завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Фашистская верхушка, как и буржуазные лидеры ряда западных стран, полагала, что гитлеровская военная машина пойдет по проторенному пути побед.

¹³ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 3, с. 463.

¹⁴ Там же, с. 440.

Но фашистскую Германию ожидало неминуемое поражение. Советский Союз и его Вооруженные Силы сыграли решающую роль в разгроме фашистской Германии, а затем и милитаристской Японии.

НЕМЕЦКОЕ АНТИФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОЛАФ ГРЕЛЕР

(ГДР)

Для того чтобы правильно оценить эффективность и результаты немецкого антифашистского движения Сопротивления в годы, непосредственно предшествовавшие второй мировой войне, следует хотя бы кратко остановиться на тех объективных и субъективных условиях, в которых оно развертывалось.

С приходом фашистов к власти соотношение классовых сил внутри Германии стало непрерывно меняться в пользу реакции. Фашизму удалось распространить политический террор на подавляющее большинство немецкого народа, подчинить себе его идеологически¹. Образом мыслей многих людей в значительной степени завладела фашистская идеология. Ликвидация массовой безработицы в стране в связи с ростом военного производства, потребовавшего миллионы новых рабочих рук, коррумпировала многих немцев². Страх перед репрессиями со стороны непомерно расширившегося государственного террористического аппарата, СС и гестапо препятствовал развитию оппозиционной деятельности даже тех, кто с тревогой убеждался в преступном характере внутренней политики и внешнеполитического курса гитлеровского правительства. В результате этого возникла чреватая опасностью диспропорция между стремительным возрастанием угрозы

¹ Deutschland im zweiten Weltkrieg/Hrsg. unter Leitung von W. Schumann. B., 1975, Bd. 1, S. 126.

² Grundriss der deutschen Geschichte: Von den Anfängen der deutschen Geschichte bis zur Gestaltung der entwickelten sozialistischen Gesellschaft in der DDR. Berlin, 1979, S. 452.

войны и медленно развивающимся сопротивлением фашистской военной политике.

Движение Сопротивления против фашистской диктатуры в Германии охватывало людей из различных слоев населения. По своему социальному содержанию оно являлось борьбой против империалистической системы, на почве которой смог возникнуть и развиваться фашизм, борьбой за антифашистско-демократические преобразования, за демократию и социальный прогресс. Многообразны были формы Сопротивления, которое включало в себя борьбу против фашистского террора, преследований и казней невинных, против духовного закабаления, против разжигания расовой ненависти и истребления евреев, против преступной и авантюристической войны Гитлера, за гуманизм и взаимопонимание между всеми народами³.

Немецкое антифашистское движение Сопротивления было не случайным, а закономерным явлением, которое нельзя объяснить лишь исходя из морально-этических мотивов поведения людей. Оно было соответствующей периоду фашистской диктатуры формой классовой борьбы сил демократии и социализма против сил реакции и империализма.

Главной социальной силой немецкого движения Сопротивления в предвоенные и военные годы был рабочий класс, руководимый Коммунистической партией Германии. Из его рядов вышло большинство самых активных и наиболее сознательных борцов против гитлеровского фашизма. Они подвергались главному удару со стороны нацизма. Несмотря на большие трудности и громадные жертвы, рабочий класс неизменно оставался основой, ядром организованного движения Сопротивления.

Широкий социальный базис участников движения Сопротивления вытекал из характера фашизма как формы господства самых агрессивных и наиболее авантюристических кругов монополистического капитала, цели которого находились в противоречии с самыми элементарными жизненными интересами подавляющей массы народа. Отсюда объективно возникла возможность создать в борьбе против фашистского режима и породившего его

³ *Kühnrich H., Löwel B.* Zu einigen Grundfragen des deutschen antifaschistischen Widerstandskampfs während des zweiten Weltkrieges.— *Mitteilungen der Deutschen Historikergesellschaft*, 1968, Bd. 2, S. 32—39.

монополистического капитала невиданный никогда ранее по широте охвата политических и социальных сил антиимпериалистический, антифашистский союз.

Несмотря на наличие многих общих точек соприкосновения коренных интересов у различных антифашистских и антигитлеровских сил, что было предпосылкой для создания широкого фронта Сопротивления, такой союз неизбежно должен был включить в себя также разнообразные политические, идеологические, социально-экономические классовые интересы участников. Это обстоятельство, особенно в предвоенные годы, оказало заметное влияние как на формирование немецкого движения Сопротивления, так и на его размах. Как перед войной, так и в ходе ее развитие этого движения протекало чрезвычайно сложно и противоречиво. Оно не представляло собой единого сплоченного движения из-за состава участвовавших в антифашистской борьбе сил. Следует сказать, что среди многих других факторов, тормозивших формирование движения Сопротивления и наносивших ущерб общей борьбе и совместным действиям его участников против фашистского режима, наиболее существенным являлось прежде всего различие политических взглядов по вопросу о путях и целях антифашистской борьбы. Это особенно наглядно проявлялось в решающем вопросе о характере власти в Германии после свержения Гитлера, а также в разногласиях по поводу внешнеполитической ориентации новой Германии по отношению к Советскому Союзу и империалистическим западным державам.

В то время как различные направления немецкого буржуазно-демократического движения не имели единой, прочной централизованно управляемой организации и не выработали единой политической платформы, Коммунистическая партия Германии являлась единственной силой, которая руководствовалась стабильной и единой политической линией. Ее борьба не замыкалась в рамках отдельных, действующих изолированно друг от друга групп Сопротивления. Со времени установления фашистской диктатуры немецкие коммунисты вели непрерывную и полную жертв борьбу за то, чтобы объединить разрозненную антифашистскую и антигитлеровскую оппозицию, превратить ее в потенциальную силу, способную осуществить свержение гитлеровского фашизма и предотвратить войну. Они решительно выступили против парализующей и дезорганизующей точки зрения о том, что война, мол,

является единственным средством свержения фашистской гитлеровской диктатуры.

В условиях непосредственно надвигавшейся опасности войны на Бернской конференции 1939 г. руководство Коммунистической партии Германии приняло единственно возможную и необходимую, единственно целесообразную и правильную в той конкретно-исторической обстановке альтернативу фашистской военной программе: программу развертывания антиимпериалистической борьбы, борьбы за новую демократическую республику при опоре на единый фронт рабочего класса и Народный фронт, объединяющий всех противников Гитлера вплоть до представителей буржуазии.

Общие интересы рабочего класса и других слоев населения в ликвидации политического бесправия и фашистского варварства, в улучшении своего социального положения, в восстановлении демократических свобод и прав, а также в прекращении развязанной гитлеровской Германией войны — все это было объективной основой широкого союза, к созданию которого стремилась КПП.

Политика коммунистов, направленная на создание союза всех антифашистских сил, исходила из того, что цели нацистского режима не отвечали подлинным интересам широких слоев населения, не связанных с монополистическими кругами. Эта политика определялась стремлением побудить к совместным действиям всех противников Гитлера и нацистской партии независимо от их мировоззрения и социального положения, политических убеждений и взглядов на характер преобразований общественных отношений в Германии после свержения фашизма. По мнению коммунистов, единый немецкий антигитлеровский фронт должен был рассматриваться не временным, ограниченным по своим задачам союзом, который распался бы после ликвидации фашистского режима. Этот союз должен был продолжить свое существование в дальнейшем в качестве основы совместных действий во имя совместных интересов, расти и крепнуть в борьбе за общественные преобразования⁴.

Условия для создания единого фронта коммунистов и социал-демократов, а также широкого антифашистского

⁴ *Mammach K.* Zum antifaschistischen Kampf der KPD.— In: *Faschismusforschung: Positionen, Probleme, Politik* / Hrsg. D. Eichholz, K. Gossweiler. B., 1980, S. 339.

Народного фронта были чрезвычайно сложными. Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Германии к находящемуся в эмиграции правлению социал-демократической партии Германии с призывом выработать совместную программу борьбы за сохранение мира 3 апреля 1939 г. было отклонено Рудольфом Гильфердингом. Этот отказ от имени правления СДПГ попытался теоретически обосновать Курт Гейер в опубликованной им в июле 1939 г. брошюре «Партия и свобода»⁵. По его мнению, движущей пружиной общественного развития была не борьба классов, а идея свободы. Тем самым правление СДПГ показало, что оно отвергло учение о руководящей роли рабочего класса в борьбе за социальные преобразования. Более того, оно заявило о том, что якобы не социальные революции, а политика великих держав определяет ход мировой истории. Подобная концепция не содержала никакой альтернативы борьбе против фашизма и подготовки войны; вопреки революционным традициям она ориентировала на отождествление интересов рабочего класса с интересами буржуазии. По существу социал-демократическое партийное руководство отказалось от борьбы против развязывания войны. Эта позиция порождала настроения безропотного смирения среди приверженцев социал-демократии в Германии, вызывала снижение уровня их политической активности. Одновременно социал-демократическое правление партии в агрессивной форме повело атаки против стратегической и тактической линии политики немецких коммунистов, категорически выступало против совместных действий коммунистов и социал-демократов, которые часто имели место при ведении нелегальной антифашистской борьбы в Германии. Более того, правое крыло социал-демократии во все более широких масштабах саботировало Парижский комитет Народного фронта⁶. Именно в момент наиболее

⁵ *Niemann H., Findeisen O., Lange D., Wild K.-H.* SPD und Hitlerfaschismus: Der Weg der deutschen Sozialdemokratie vom 30. Januar 1933 bis zum 21. April 1946. В., 1965, S. 64 ff.

⁶ Парижский комитет по подготовке немецкого Народного фронта был образован по инициативе КПГ в июле 1936 г. В его состав вошли представители немецких коммунистов, социал-демократов, прогрессивной интеллигенции и буржуазной оппозиции гитлеровскому режиму. В манифесте «Образуйте Народный фронт! За мир, свободу и хлеб!» (декабрь 1936 г.) и в «Послании к немецкому народу!» (апрель 1937 г.) участники комитета призвали объединиться всех противников нацистского режима во имя

интенсивной подготовки фашизма к развязыванию войны из-за обструкционистской политики правых вождей социал-демократии раскол в рядах рабочего класса стал более глубоким. Весной 1939 г. Парижскому комитету Народного фронта все менее удавалось выполнять стоявшие перед ним задачи. Он оказался неспособным выработать единую политическую линию и превратился в авторитетный руководящий центр всего немецкого антифашистского движения.

Ослабленный фашистским террором, демагогией и пропагандой фронт противников фашизма летом 1939 г. в результате новой волны арестов, проведенных под руководством гестапо, полиции и СС, не только сократился, но и оказался еще более раздробленным, чем прежде.

Сотрудничество с теми слоями буржуазии и генералитета, которые проявляли недовольство или озабоченность форсированной подготовкой Германии к развязыванию войны, оказалось невозможным из-за антикоммунистической позиции этих кругов, а также вследствие того, что они располагали собственной экспансионистской программой, испытывали страх перед любыми выступлениями широких масс и вели робкую, нерешительную политику.

Несмотря на большие усилия и понесенные жертвы, ЦК КПГ, партийным организациям, находившимся в подполье и эмиграции все же не удалось в предвоенные годы создать широкого антифашистского фронта, который располагал бы достаточными силами и средствами для предотвращения развязывания второй мировой войны фашистским режимом.

Буржуазная историография использовала это обстоятельство в качестве предлога для утверждений о том, что якобы вообще любая борьба рабочего класса против господства фашистской государственной машины являлась «бесмысленной», «бесполезной», «бесперспективной» и в конечном итоге «безответственной». Эта современная

создания в Германии демократической республики, сохранения мира и предотвращения империалистической агрессии против СССР. Комитет способствовал сплочению немецких антифашистских сил. Однако из-за противодействия правых лидеров немецкой социал-демократии, реакционной части буржуазной оппозиции и троцкистских элементов он не смог стать действенным органом руководства антифашистской борьбой немецкого народа. См.: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. В., 1966, Bd. 5, S. 145, 149, 175—178, 203—206, 228.

форма подрыва веры рабочего класса в свои силы, его интегрирования в империалистическом государстве взаимосвязана с попытками доказать тезис о том, что единственно эффективная форма сопротивления и оппозиции фашизму якобы была возможна лишь внутри самих господствующих кругов. При этом делаются ссылки на «генеральскую фронду 1938 г.» или на заговор против Гитлера 20 июля 1944 г.

Не вступая в полемику с подобного рода односторонней, явно предвзятой политической концепцией, которая имеет прежде всего антикоммунистическую направленность, следует отметить, что оценка значения антифашистского движения Сопротивления измеряется не только этим. Даже если мы абстрагируемся от того факта, что антифашистские силы из рядов рабочего класса и других слоев немецкого народа во времена самого глубокого позора Германии, спасая честь немецкого народа, поднялись на борьбу во имя политических преобразований, то и тогда нельзя не заметить, что деятельность КПГ в условиях подполья препятствовала фашизму идеологически обезоружить и без того уже скованный в политическом отношении немецкий рабочий класс. Фашисты оказались бессильны заглушить голос КПГ, голос немецкого движения Сопротивления⁷. На место убитых и брошенных в тюрьмы неизменно вставляли новые борцы. Хотя фашисты с варварской жестокостью преследовали любые проявления сопротивления их политике и демагогии, хотя их временные успехи оказали какое-то воздействие на часть рабочего класса, а тем более на другие слои трудящихся масс, им все же так и не удалось вытравить из сознания рабочего класса, в первую очередь той его части, которая шла за Коммунистической партией Германии, убеждения в непримиримости его интересов с существующим эксплуататорским строем, понимания истинной роли фашизма как инструмента финансового капитализма⁸.

Изощренная националистическая идеология, разжигание фанатизма и навязчивая проповедь «народного единства» — все это, вероятно, позволяло фашизму оказывать

⁷ *Geschichte der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands: Abriss*. В., 1978, S. 61.

⁸ *Wimmer W. Revolutionäre Partei der Arbeiterklasse: Volksmassen und Bewusstseinsentwicklung in der Epoche des Übergangs vom Kapitalismus zum Sozialismus.* — *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1977, Н. 10, S. 1223.

некоторое воздействие на рабочий класс в выгодном для себя направлении. Однако как только речь заходила об оплате труда, продолжительности рабочего времени, жизненном уровне, то эти средства идеологического одурманивания рабочих себя не оправдывали. При изучении внутриполитических мероприятий нацистского правительства не может, например, возникнуть никакого сомнения в том, что после развязывания войны передовые силы рабочего класса, несмотря на террор и демагогию, боролись против войны и ухудшения жизненного уровня трудящихся всеми средствами, которые имелись в их распоряжении в условиях диктатуры нацизма. Все это рассматривалось фашистскими чиновниками и функционерами как «саботаж». Из-за этого политическое руководство «третьего рейха» было вынуждено «незаметно» отказаться от проведения в жизнь целого ряда пунктов всеохватывающей программы перевода страны на чрезвычайное положение в военное время⁹.

Существенную роль в том, что фашистские правители вынуждены были постоянно лавировать при проведении своей внутренней политики и оказались неспособны полностью исчерпать желательными для них методами военный потенциал Германии, сыграло то обстоятельство, что существовало и действовало немецкое антифашистское движение Сопротивления, руководимое коммунистами. Хотя Коммунистическая партия Германии и не могла предотвратить развязывания войны, тем не менее, продолжая лучшие традиции немецкого народа в борьбе за мир, свободу и демократию, она использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства, сделала все возможное, чтобы остановить фашистскую агрессию.

---

⁹ *Eicholz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft, 1939—1945. B., 1969, Bd. 1, S. 86 ff.; Mason Timothy W. Innere Krise und Angriffskrieg, 1938/1939.— In: Wirtschaft und Rüstung am Vorabend des zweiten Weltkrieges/Hrsg. von F. Forstmeier, H.-E. Volkmann. Düsseldorf, 1975, S. 179.*

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В АВАНГАРДЕ БОРЬБЫ ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е. Ю. БОГУШ

Коммунистический Интернационал и его секции, коммунистические партии, придерживались единой стратегической и тактической линии в борьбе за предотвращение второй мировой войны с учетом конкретных условий, в которых действовали коммунисты разных стран. Тема авангардной роли компартий в противодействии опасности фашистской агрессии надолго останется актуальной. Остановимся на трех особенностях политической стратегии и тактики коммунистических партий в 30-е годы. Во-первых, компартии выступали с марксистско-ленинских позиций непримиримости к империалистическим войнам; во-вторых, они не считали новую мировую войну фатально неизбежной; в-третьих, они выступали за единство антиимпериалистических, антифашистских, антивоенных сил, за тактику Народного фронта.

Непримиримость коммунистов к империалистическим войнам была хорошо известна. Враги коммунизма всегда старались исказить эту принципиальную позицию. Они утверждали, как утверждают и сейчас, будто коммунисты связывают перспективу победы социалистического общественного строя с международными катаклизмами. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не придерживались такой точки зрения. Целесообразно в этой связи привести следующий пример. В канун первой мировой войны весной 1914 г. польский журналист Альфред Майкосен обратился к В. И. Ленину с вопросом: жаждет ли он военного конфликта в Европе? Ленин ответил: «Нет, я не хочу его... Я делаю все и буду делать до конца, что будет в моих силах, чтобы препятствовать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев должны были истреблять друг друга, расплачиваясь за безумие капитализма. В отношении этого не может быть недопонимания. Объективно предвидеть войну, стремиться в случае развязывания этого бедствия использовать его как можно лучше — это одно. Хотеть войны и работать для нее — это нечто совершенно иное»¹.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2, с. 439.

В этом высказывании В. И. Ленина каждая фраза исключительно важна для понимания позиции коммунистов по вопросу о соотношении войны и революционного процесса. Они решительно выступают против войны и делают все, что в их силах, чтобы предотвратить ее. Позиция коммунистов, как об этом совершенно очевидно свидетельствует приведенное высказывание В. И. Ленина, не имеет ничего общего ни с буржуазным пацифизмом, ни с утверждениями, будто коммунисты выступают за войну, потому что-де только война порождает революцию.

Коммунистический Интернационал в течение всего времени своего существования (1919—1943 гг.) шел по пути, указанному Лениным. Приведем еще несколько примеров. VI конгресс Коминтерна (1928 г.) отверг обвинения по адресу коммунистов «в поощрении ими империалистических войн с целью ускорить революцию» и заявил, что миролюбивая внешняя политика СССР является одной из форм борьбы против капитализма и в полной мере соответствует интересам международной революции².

Клеветнические утверждения, будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию, решительно отверг и VII конгресс Коминтерна (1935 г.). В одной из его резолюций говорилось: «Уже руководящее участие коммунистов всех стран в борьбе за сохранение мира... доказывает, что коммунисты всеми силами стремятся затруднить подготовку и развязывание новой войны»³.

В деятельности Коммунистического Интернационала важное место занимал вопрос: имеются ли реальные возможности не допустить новую мировую войну в обстановке 30-х годов? Этот вопрос не снимался с повестки дня в деятельности каждой компартии. Соотношение реальных сил — экономических и военно-политических — было в то время в пользу капиталистической системы. Поэтому среди части коммунистов и прогрессивных сил в целом широкое распространение получили фаталистические настроения: в данной обстановке мировую войну предотвратить невозможно, она неизбежна. Руководящие органы Комин-

² Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 799, 810.

³ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 39.

терна и отдельных компартий много сил употребили на то, чтобы преодолеть такие взгляды.

Войну надо предотвратить, войну можно предотвратить! Такова была точка зрения Коминтерна. «Не только можно отсрочить войну, но при некоторых условиях можно предотвратить и самый взрыв новой империалистической войны»,— говорилось в резолюции VII конгресса Коминтерна⁴. Коминтерн призывал всех, кто способен был в той или иной мере бороться с военной опасностью, активно участвовать в этой борьбе, организовывал эту борьбу. Коминтерн неустанно разрабатывал и стремился всеми силами воплотить в конкретные дела систему реальных и действенных мер по предотвращению войны.

Один из многочисленных примеров таких конкретных предложений — первомайское воззвание Коминтерна 1938 г. «Вам цинично лгут,— говорилось в воззвании,— когда утверждают, что правительства Англии, Франции и США бессильны остановить международный фашистский разбой». В воззвании подчеркивалось, что эти страны обладают реальными возможностями остановить фашистскую агрессию. Необходимо прежде всего, говорилось в воззвании, чтобы они приняли предложения СССР о совместном выступлении всех государств против зачинщиков войны, о создании системы коллективной безопасности в Европе, где сложился главный очаг надвигающейся военной опасности. В воззвании отмечалось, что одних только экономических мер давления на интервентов в Испании было бы достаточно, чтобы фашизм отступил «как побитая собака»⁵.

Таких конкретных инициатив Коминтерна, как известно, было много. Выдающееся значение имели действия, направленные на создание в капиталистических странах Народного фронта. Исполком Коминтерна, руководители компартий Франции, Испании и других стран в течение ряда лет разрабатывали теорию и практику народного фронта. Создание такого фронта в рамках отдельных стран было признано наиболее эффективным средством борьбы против фашистской и военной опасности. Необходимо было сплотить в едином Народном фронте в разных странах все антифашистские силы. Объективные предпо-

⁴ История международного рабочего и национально-освободительного движения. М., 1969, ч. 2, с. 630.

⁵ Коммунистический Интернационал, 1938, № 5, с. 110.

сылки для успеха такой деятельности имелись. Фашизм — это отрицание всякой демократии. Фашизм — это «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»⁶. Эта классическая характеристика фашизма, данная Коминтерном в 30-х годах, навсегда останется в памяти народов, всех антифашистских сил. Она сыграла величайшую роль в деле сплочения всех прогрессивных сил против фашизма.

Вместе с тем сразу же проявились огромные трудности в борьбе за Народный фронт, за правительства Народного фронта, за правительства, опирающиеся на Народный фронт, и т. д. На каждом шагу давали о себе знать антикоммунистические предубеждения среди буржуазии, мелкой буржуазии, крестьянства, даже части рабочего класса. Серьезной помехой успешному сплочению всех антифашистских сил были и напряженные отношения между многими коммунистическими, с одной стороны, и социал-демократическими партиями — с другой. Трудностей было много, но надо отдать должное Коминтерну — великой международной организации коммунистов — в своей неутомимой деятельности он никогда не переставал руководствоваться философией исторического оптимизма.

Сегодня необходимо особо отметить, что Народный фронт как средство противодействия фашизму представлял собой линию на соединение борьбы за мир, за предотвращение новой мировой войны с борьбой за социальный прогресс. Вспомним в этой связи знаменитые слова Генерального секретаря Коммунистической партии Испании Хосе Диаса: «Народный фронт явился своеобразной формой революции в тот период»⁷. Речь шла, разумеется, об Испании, где в 1936 г. в результате парламентских выборов к власти пришло правительство Народного фронта с участием коммунистов. Национально-революционная война испанского народа в 1936—1939 гг. находилась в центре внимания всего мира. Одновременно повсюду усилилось и внимание к проблеме сочетания борьбы за мир и борьбы за социальный прогресс. Для коммунистов это был закономерный, единый процесс, но буржуазия, разумеется, повсюду выступала против такого сочетания. В этом факте заключалось главное препятствие на пути создания

⁶ Димитров Г. Избранные произведения. М., 1957. т. 1, с. 376.

⁷ Большевик, 1940, № 4, с. 27.

в капиталистических странах широких Народных фронтов.

Особенно ярко проявлялась линия на органическое сочетание борьбы против фашизма, войны, за социальный прогресс в деятельности Французской коммунистической партии. Известен ее выдающийся вклад в разработку теории и тактики Народного фронта. Выступая по парижскому радио 17 апреля 1936 г., Морис Торез говорил: «Мы, коммунисты, в нашей борьбе за мир — оставаясь верными духу великих якобинцев... оставаясь верными учению Ленина, восхищавшегося якобинцами и продолжавшего их дело, — боремся как против Гитлера, так и против его сообщников в нашей стране»⁸.

Французские коммунисты решительно выступали за прогрессивные реформы в своей стране, против фашизма и войны, за систему коллективной безопасности в Европе, за подписание в 1939 г. англо-франко-советского договора. Когда вторая мировая война стала реальным трагическим фактом, Вальдек Роше заявил на судебном процессе депутатов-коммунистов: «Те, кто пустил все в ход, чтобы помешать заключению англо-франко-советского пакта, сегодня наиболее рьяно выступают с нападками на СССР...»⁹.

Успешная защита от фашистской агрессии требует проведения прогрессивной политики внутри страны — эту точку зрения постоянно подчеркивала и Коммунистическая партия Великобритании. В статье «Будет ли война?», опубликованной летом 1939 г., Гарри Поллит указывал, что для Англии жизненно необходимо подписать с СССР пакт о взаимной обороне. Только таким путем можно было тогда пресечь нацистскую агрессию. Результаты опроса, проведенного в те дни Британским институтом общественного мнения, говорили о том, что 87% населения Англии высказались за заключение договора с СССР. Такой договор стал бы краеугольным камнем в деле защиты народов от фашистской опасности. Фашизм не осмелится напасть, если будет такой договор, «нельзя терять ни минуты!» — призывал Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании¹⁰.

Стремлением воздействовать на обстановку в мире и в Германии таким образом, чтобы не допустить нового международного побоища, были проникнуты все действия

⁸ Торез М. Избранные статьи и речи, 1930—1964. М., 1966, с. 91.

⁹ Роше В. Избранные статьи и речи, 1940—1960. М., 1972, с. 5.

¹⁰ Поллит Г. Избранные статьи и речи, 1919—1939. М., 1955, с. 342.

Коммунистической партии Германии. В начале 1939 г. состоялась очередная конференция КПГ. Вильгельм Пик снова и снова предостерег немецкий народ от грозившей военной опасности. «Если бы это предостережение было тогда услышано! Сколько мрачного и позорного не пришлось бы пережить нашей нации, насколько меньше крови и страданий выпало бы на долю немцев и всех народов!» — писал один из участников конференции, Александр Абуш¹¹.

Несмотря на героические усилия коммунистов и прогрессивных сил мира, им не удалось предотвратить вторую мировую войну, не удалось добиться единых действий в борьбе с фашизмом. Исключительно пагубную роль сыграла политика «умиротворения» агрессоров, которую проводили правящие круги многих буржуазно-демократических государств. Но коммунисты были уверены в правоте своего дела. Отражая эту уверенность, Отто Куусинен писал: «Фашизм делает ставку на войну, ибо мир его убивает. Но война также готовит могилу фашизму»¹².

Коммунисты решительно боролись с фашизмом и готовились к схватке с ним в условиях войны, которую не удалось предотвратить. Огромный опыт, накопленный коммунистами в 30-е годы, не пропал даром. Он оказался в высшей степени полезным для всех участников антифашистского Сопротивления в годы второй мировой войны. Он получил свое творческое развитие в политической стратегии и тактике компартий в годы войны и после ее завершения. И теперь практически все проблемы, которые решали коммунисты в 30-е годы, представляют собой интерес — отнюдь не только исторический.

¹¹ Цит. по кн.: *Фоске Х., Ницше Г.* Вильгельм Пик: Биографический очерк. М., 1979, с. 177.

¹² *Куусинен О. В.* Избранные произведения, 1918—1964. М., 1964, с. 201.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА СССР ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ УГРОЗЫ: СЕНТЯБРЬ 1939 — ИЮНЬ 1941 гг.

П. П. СЕВОСТЬЯНОВ

Важнейшей проблемой внешней политики СССР в 1939—1941 гг. были отношения с немецко-фашистской империалистической группировкой.

В своей внешнеполитической деятельности ЦК ВКП(б) и Советское правительство руководствовались установками XVIII съезда ВКП(б) о международной линии СССР, сформулированными в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) съезду:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами»¹.

В международно-правовом плане после начала второй мировой войны СССР определил свое отношение к воюющим группировкам как нейтралитет². Советская политика нейтралитета в корне отличалась от политики нейтралитета, проводимой США в этот период. «Наш нейтралитет, — разъяснял советский полпред государственному секретарю США 3 апреля 1940 г., — является в полном соответствии с международным правом, подлинным нейтралитетом, отражающим волю советского народа... и стремление не к расширению, а всяческому сокращению сферы войны»³.

С сентября 1939 г. на западных, юго-западных и северо-западных рубежах нашей страны, в период «странной войны» в Европе, происходили большие перемены,

¹ XVIII съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1939, с. 15.

² См.: Внешняя политика СССР: Сборник документов, М., 1946, т. 4, с. 448—449.

³ Архив внешней политики СССР. (Далее: АВП СССР).

непосредственно затрагивающие жизненные интересы Советского Союза. В скоротечной войне с Германией оказалось полностью разгромленным польское буржуазно-помещичье государство. На западные рубежи СССР вышла самая мощная военная держава империалистического мира. Германский фашизм приобрел огромный стратегический плацдарм для агрессии против СССР протяженностью с юга на север более чем в 1000 км.

Совершив нападение на Польшу 1 сентября 1939 г., гитлеровская Германия тем самым продолжила политику мюнхенского сговора. Польскому народу, преданному реакционной буржуазией, правительством и англо-французскими союзниками, пришлось вести неравную борьбу за свободу и независимость своей родины.

В Советском Союзе с огромным вниманием следили за событиями в Польше. Уже 2 сентября 1939 г. министр иностранных дел Польши Бек сообщал в польское посольство в Лондоне, что советский посол в Варшаве запросил его, почему польское правительство не ведет переговоров с СССР о поставке Польше необходимых материалов⁴. Несмотря на враждебное отношение польских правящих кругов к СССР, Советское правительство с вниманием относилось к тем вопросам, которые ставились польской стороной. 5 сентября 1939 г. польский посол Гжибовский был принят наркомом иностранных дел СССР. Посол поставил вопрос о товарообороте между СССР и Польшей, о снабжении Польши военными материалами и о транзите военных материалов из других стран через СССР в Польшу. Сославшись на торговое соглашение между СССР и Польшей, заключенное в 1939 г., нарком подтвердил, что советская сторона намерена его в точности выполнять⁵.

Развитие событий вблизи западных границ СССР ставило перед Советским правительством вопрос о необходимости принятия принципиальных решений по укреплению безопасности страны. Логика и обоснованность этих решений определялись как задачей уберечь население Западной Украины и Западной Белоруссии от гитлеровской оккупации, так и задачами по укреплению безопасности СССР, так как захват этих областей фашистской

⁴ Documents on Polish-Soviet Relations, 1939—1945. L., 1961, vol. 1, p. 42.

⁵ АВП СССР.

Германией привел бы к резкому ухудшению стратегической обстановки на всем европейском западе СССР. В этом случае германский вермахт находился бы в оперативной близости от важнейших жизненных центров Советского государства.

Момент для проведения советских мероприятий был определен с учетом ситуации на Дальнем Востоке, где 16 сентября 1939 г. Советский Союз, Япония и МНР подписали документ об окончании военных действий, начатых японской военщиной на реке Халхин-Гол. Ликвидация острой кризисной ситуации на Дальнем Востоке улучшала возможность для принятия активных мер по обеспечению безопасности СССР на Западе.

17 сентября 1939 г. советские войска вступили на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, чтобы освободить население отторгнутых от Советской России и присоединенных к буржуазно-помещичьей Польше в 1920 г. областей.

В ноте Советского правительства польскому послу в Москве от 17 сентября 1939 г. говорилось: «Советское правительство не может безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались без защиты. Учитывая такую обстановку, Советское правительство отдало приказ советским войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»⁶.

Очевидец и активный участник этого освободительного похода советских войск в сентябре 1939 г. Маршал Советского Союза В. И. Чуйков вспоминает: «По войскам был отдан приказ войти на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, чтобы спасти от гитлеровской оккупации родственные нам белорусский и украинский народы. Я командовал 4-й армией, которая должна была продвинуться до Бреста. Этот поход ничего общего с военными действиями не имел. Население Западной Белоруссии и Западной Украины встречало нас с ликованием и радостью. Тапки и автомашины буквально осыпались цветами. Попы и ксендзы выходили навстречу с иконами и хоругвями. Туда, куда вступила Красная Армия, дорога фашизму была закрыта... Хотя и был подписан пакт

⁶ Внешняя политика СССР, т. 4, с. 448.

о ненападении с Германией, однако мы держали войска в полной боевой готовности. Никто не верил, что Гитлер будет соблюдать какой-либо договор, если увидит, что ему выгодно его нарушить»⁷.

После начала второй мировой войны ЦК ВКП(б) и Советское правительство во внешнеполитической деятельности исходили из неизбежности столкновения с фашистской Германией как наиболее реакционной силой, когда-либо возникавшей в недрах империализма. В Москве реально представляли природу фашизма, безграничный размах его агрессивных притязаний. В частности, сообщая в Вашингтон содержание беседы английского посла Криппса с И. В. Сталиным 21 сентября 1940 г., американский посол Л. Штейнгардт писал: «Сталин... дал совершенно ясно понять, что его настоящая политика имеет целью избежать вовлечения Советского Союза в войну и особенно избежать конфликта с германской армией. Сталин признал, что Германия представляет собой единственную действительную угрозу Советскому Союзу и что германская проблема поставит Советский Союз в трудное, если не опасное положение, однако он считает, что в настоящее время нельзя становиться на путь явного провоцирования германского вторжения в СССР путем изменения советской политики»⁸.

После начала второй мировой войны советско-германские отношения развивались в условиях, определявшихся в значительной степени договором о ненападении, подписанным по инициативе Германии 23 августа 1939 г. ЦК ВКП(б) и Советское правительство полностью отдавали себе отчет в том, что отношение германского руководства к этому договору не является искренним. На этот счет советская дипломатия не питала иллюзий, имея на вооружении ленинские указания об агрессивном антисоветском характере политики империализма и учитывая опыт отношений с капиталистическими странами после 1917 г. «Что касается оценки пакта о ненападении, заключенного с Германией в 1939 г., в момент, когда наша страна могла быть атакована с двух фронтов — со стороны Германии и со стороны Японии, нет никаких оснований полагать, что И. В. Сталин полагался на него. ЦК

⁷ Новый мир, 1979, № 11, с. 198—199.

⁸ Foreign Relations of the United States, 1940. Wash., 1959, vol. 1, p. 611.

ВКП(б) и Советское правительство исходили из того, что пакт не избавил СССР от угрозы фашистской агрессии, но давал возможность выиграть время в интересах укрепления нашей обороны, препятствовал созданию единого антисоветского фронта», — свидетельствует Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который с февраля 1941 г. возглавлял Генеральный штаб Советских Вооруженных Сил⁹.

«Советско-германский договор о ненападении не может ослабить нашей бдительности», — подчеркивал нарком иностранных дел СССР на внеочередной четвертой сессии Верховного Совета СССР в конце августа 1939 г. Вместе с тем договор о ненападении «должен обеспечить нам новые возможности роста сил, укрепление наших позиций, дальнейший рост влияния Советского Союза на международное развитие»¹⁰.

Убежденность советского руководства в том, что советско-германский договор не является гарантией против фашистской угрозы, подтверждается рядом государственных военных и военно-экономических решений, принятых уже во второй половине 1939 г. и направленных на укрепление обороноспособности СССР.

Специфика внешнеполитической линии СССР в отношении Германии в начале второй мировой войны определялась важнейшей задачей удержать Берлин в рамках обязательства о ненападении, не допустить вовлечения СССР в войну преждевременно, не исчерпав всех политических возможностей для сдерживания агрессивных устремлений фашистского руководства и не используя всех возможностей для укрепления обороноспособности Родины. При этом СССР, разумеется, не отступал от своих принципиальных позиций.

Необходимо было выиграть побольше времени для отражения неминуемой агрессии, не допустить ускорения событий, не ухудшить и без того весьма сложное международное положение СССР. Важно было не только не остаться в изоляции перед лицом военной угрозы, но и использовать межимпериалистические противоречия Германии и ее соперников.

Исключительная сложность этих порой трудно совместимых, но совершенно реальных задач определяла стра-

⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1975, т. 1, с. 253.

¹⁰ Внеочередная четвертая сессия Верховного Совета СССР, 28 августа — 1 сентября 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939, с. 205—206.

тегическую линию и тактические установки советской дипломатии в подходе к отношениям с Германией в данный период. В конкретно-исторических условиях 1939—1941 гг. реалистичной была только такая политика, которая исключала бы как внешнеполитический авантюризм, так и капитулянтство, обеспечивая этим решение центральной задачи — беречь и укреплять оплот мирового революционного процесса — Советский Союз.

Отношения с Берлином на уровне договора о ненападении обусловили и особый характер дипломатической борьбы между Советским Союзом и Германией. Стремление СССР без нужды избегать обострения советско-германских отношений в неблагоприятных условиях неизменно сочеталось с твердым и многоплановым отпором фашистским проискам.

Современная реакционная историография, так же как и враждебные СССР силы того времени, пытается представить советско-германские отношения первого периода второй мировой войны в виде политики «согласия». В широком плане подобные утверждения продиктованы либо непониманием существа происходившего, нежеланием или неспособностью увидеть за «фасадом» событий напряженную политическую схватку СССР и фашистской Германии, либо сознательным стремлением фальсифицировать факты.

Миф о якобы имевшем место «согласии» между СССР и Германией является не просто идеологической фальшивкой. Его политическую основу составляла непосредственная заинтересованность правящих кругов империалистических стран представить дело таким образом, чтобы скомпрометировать СССР и нанести ему максимальный политический ущерб. Одновременно империалистические круги ожидали, что Советский Союз, опровергая эту очевидную ложь, потеряет выдержку, поддастся на провокацию и в результате произойдет дальнейшее обострение его отношений с Германией.

Что касается Берлина, то там еще активнее старались поддержать миф о некоем «согласии» с СССР, во-первых, для оказания дополнительного нажима на Англию и Францию, а во-вторых, с целью добиться ухудшения отношений и конфронтации СССР с этими странами. Вместе с тем примерно со второй половины 1940 г. и почти до момента нападения на СССР целенаправленная пропаганда этого тезиса через печать, дипломатические и раз-

ведывательные каналы все больше подчинялась конкретной военно-политической цели — скрыть подготовку к агрессии гитлеровской Германии на Советский Союз.

Провокационные измышления о характере отношений между СССР и Германией систематически разоблачались советской дипломатией. Так, 22 февраля 1940 г. нарком иностранных дел СССР в письме советскому полпреду в Лондоне подчеркивал: «*Первое.* Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже простое предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Даже простачки в политике не вступают так просто в военный союз с воюющей державой, понимая всю сложность и весь риск подобного союза... *Второе.* Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор с товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 миллионов марок, причем договор экономически выгоден для СССР, так как СССР получает из Германии большое количество станков и оборудования... в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. *Третье...* Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запугать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики»¹¹.

Стремясь снять ответственность с империалистических держав за возникновение второй мировой войны, западные историки даже муссируют версию о «сговоре» между СССР и Германией на основе некоего «раздела сфер влияния в Европе». Именно с этих позиций подходит буржуазная историография к оценке мероприятий СССР по укреплению своих западных границ: освободительному походу Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию.

В такой «аргументации» отсутствует главное, а именно понимание того, что все указанные акции СССР, имевшие очевидную антигерманскую направленность, проводились с учетом растущей угрозы со стороны фашистской Германии. Эти мероприятия СССР по меньшей мере не встречали «энтузиазма» в Берлине. Наоборот, напряжен-

¹¹ АВП СССР.

ная дипломатическая борьба между СССР и Германией как во время «странной войны» в Европе, так и со второй половины 1940 г. велась повсеместно, на всех направлениях.

Естественно, не против же Франции, находившейся на другом конце Европейского континента, или островной Англии, или тем более Соединенных Штатов Америки было направлено выдвижение Вооруженных Сил СССР на западе в сентябре 1939 г. в зону бесспорных агрессивных интересов «третьего рейха», что явилось следствием освободительного похода Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. В широком международном плане эти мероприятия явились весьма важной акцией реального противодействия фашистской агрессии. Решительная позиция Советского Союза нарушила планы империалистов, направленные на захват выгодных плацдармов для войны против страны социализма, и улучшила стратегическое положение СССР.

Значение внешнеполитической деятельности СССР в Прибалтике в период «странной войны», вхождения в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии также становится очевидным на фоне экспансионистских планов гитлеровской Германии. В гитлеровском руководстве достаточно трезво оценили противодействие СССР германским агрессивным планам в Прибалтике: «Это было нашим несчастьем, что мы не смогли завоевать Эстонию уже в 39 г.»,— сетовал Гиммлер¹². Еще более определенно охарактеризовал суть дела Гитлер, который в своем распоряжении о начале военного планирования нападения на СССР в июле 1940 г. назвал Прибалтику «шипом, вонзившимся в тело третьего рейха»¹³.

В планах внешнеполитической подготовки Германии к войне против СССР важнейшее место отводилось другим пограничным с СССР государствам. Гитлеровское руководство с нарастающей активностью, особенно после окончания «странной войны» в Европе, вело дело к тому, чтобы создать вокруг СССР плотное кольцо своих сателлитов, которые бы служили надежным плацдармом для агрессии.

Со своей стороны Советское правительство делало все зависящее от него, чтобы разомкнуть это кольцо, ослабить возможности гитлеровцев нанести ущерб безопасности нашей страны. Германии пришлось отступить перед ре-

¹² История Эстонской ССР. Таллин. 1958, с. 584.

¹³ Там же.

шимостью СССР в защите интересов своей безопасности на юго-востоке, где советской внешней политике удалось мирным путем разрешить «бессарабский вопрос». На южных подступах к СССР — в Турции — фашистская Германия всячески старалась не допустить советско-турецкого сближения. Германия целенаправленно стремилась превратить Иран и Афганистан в свои опорные пункты. Противодействуя германской политике, СССР обращался к ряду стран, которым угрожала фашистская агрессия, с предложением заключить договоры о взаимной помощи.

В развитие линии СССР на противодействие германской экспансии на Балканах для советских представителей за границей 8 марта 1941 г. последовало следующее указание НКВД: «Мы должны предупредить правительства Балканских государств, активно поддерживающих Германию, об опасности для мира на Балканах, которая является следствием такой политики»¹⁴.

Советская дипломатия предпринимала важные шаги, чтобы предотвратить поглощение гитлеровской Германией Югославии. 5 апреля 1941 г. в Москве был подписан договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией.

Особое место в попытках буржуазных историков обосновать версию о «советско-германском сговоре» занимают тенденциозные оценки советско-германских экономических отношений в 1939—1941 гг. Результатом «сотрудничества» сторон в этой области, утверждают они, были значительное усиление военно-промышленного потенциала Германии и создание более благоприятных условий для активизации ее агрессии на Западе¹⁵.

Анализ подобных «тезисов» заставляет усомниться, насколько их сторонники знакомы с вопросами, о которых они пишут. В 1939—1941 гг. поставки советских сырьевых материалов в Германию никогда не превышали 2% импорта сырья Германии¹⁶.

За указанный период гитлеровцы действительно сумели добиться весьма крупных сдвигов в области военной промышленности, но источники роста их сырьевых воз-

¹⁴ АВП СССР.

¹⁵ *Hildebrand K. Deutsche Aussenpolitik, 1933—1945: Kalkul oder Dogma?* Stuttgart, 1971, S. 95.

¹⁶ См.: *Гречко А. А. Вооруженные силы Советского государства.* М., 1975, с. 62.

возможностей не имели ничего общего с Советским Союзом. Они возросли за счет союзников фашистской Германии и ограбления оккупированных ею стран и территорий. Так, по каменному углю ресурсы Германии с начала второй мировой войны до середины 1941 г. увеличились почти в 2 раза, по железной руде — в 7,7 раза, по медной руде — в 3,2 раза и т. д. Аналогичная картина была и в области продовольственных ресурсов: рост по зерновым культурам — в 4 раза, по крупному рогатому скоту — в 3,7 раза, по шерсти — в 7,1 раза и т. д.¹⁷

Пытаясь доказать наличие «широкого сговора» между СССР и Германией с помощью тезиса «советского экономического содействия» гитлеровцам в их войне против англо-французской коалиции, буржуазные историки чаще всего ссылаются на германский импорт нефти из СССР. Характерно, что при этом они, собственно, повторяют аргументы правящих кругов Англии и Франции начального периода второй мировой войны, которые активно использовали подобный «аргумент» в целях оказания на СССР политического и экономического нажима. Однако уже в то время существование этих вымыслов активно разоблачалось советской стороной.

В настоящее время, когда стали известными многие недоступные ранее документы правительств Англии и Франции, а также других стран, обоснованность отпора советской дипломатии измышлениям о «тесном экономическом сотрудничестве» СССР и Германии становится еще более убедительной. Выясняется и то, что, раздувая эти измышления, Лондон и Париж шли на заведомую ложь. Так, в секретном докладе, составленном в январе 1940 г. подкомитетом по планированию комитета начальников штабов Англии и рассмотренном в том же месяце английским правительством, указывалось, что за первые три месяца войны импорт нефти Германией составил около 523 тыс. т. Поставки нефти из СССР не превышали 9 тыс. т, не достигая и 2% германского импорта¹⁸.

Что касается последующего периода, то увеличение нефтяных ресурсов Германии определялось ее сотрудничеством с буржуазно-помещичьей Румынией в таких масштабах, которые не требуют каких-либо пояснений.

¹⁷ *Eicholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft, 1939—1945.* В., 1971, Bd. 1. 1939—1941, S. 223.

¹⁸ Public Record Office. Cabinet 66, vol. 5, p. 41.

В соответствии с соглашением, заключенным в сентябре 1939 г. с Румынией, Берлин добивался того, чтобы румынская сторона обеспечивала эти поставки на уровне 1,2 млн. т в год. В марте 1940 г. королевский Бухарест дал германской стороне обязательство обеспечивать поставки уже на уровне 2,4 млн. т нефти в год. В этой связи Риббентроп, в частности, подчеркивал, что данное обязательство является «в высшей степени удовлетворительным и полностью обеспечивает наши жизненные интересы в поставках нефти...»¹⁹. Затем, в конце марта 1940 г., руководство Румынии сделало еще более крупный шаг в удовлетворении военно-экономических appetites Берлина; румынский премьер-министр Татареску пообещал поставлять Германии около 9,5 млн. т нефти в год²⁰.

Ко времени нападения Германии на СССР ее нефтяные ресурсы составили 10 млн. т нефти; из них 0,5 млн. т добывалось собственно в Германии, 0,8 млн. т — в оккупированных гитлеровцами странах, 8,7 млн. т — в европейских странах — союзницах «третьего рейха», причем подавляющая часть приходилась на буржуазно-помещичью Румынию. В целом же в 1939—1941 гг. нефтяные ресурсы Германии за счет союзников и оккупированных стран увеличились в 20 раз²¹. В свете всего этого становится очевидной тенденциозность обвинений в адрес Советского Союза в том, что он, по выражению К. Гильдебранда, содействовал «преодолению внешней зависимости Германии от сырья и продовольствия».

Равным образом, исторические факты не оставляют сомнений и в отношении подлинного характера торгово-экономических связей между СССР и Германией в начальный период второй мировой войны. Именно Советский Союз умело использовал экономический потенциал своего будущего противника для укрепления своей экономической мощи и обороноспособности.

С февраля 1941 г. Германия начала скрытую переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и НКВД данные свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии. Советское правительство располагало и некоторыми данными о подготовке гитлеровской Германией нападения на СССР, поступавшими из иностранных источников. Однако

¹⁹ DGFP. Ser. D. Wash., 1954, vol. VIII, p. 926.

²⁰ Ibid., p. 50—51.

²¹ Eicholtz D. Op. cit., S. 223.

в конкретной международной обстановке того времени приходилось считаться с тем, что соответствующие сведения, полученные от правительств США и Англии, исходили от государств, преследовавших империалистические цели.

В августе 1942 г. в беседе с У. Черчиллем И. В. Сталин говорил: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»²². Известный английский журналист А. Верт, проработавший в Москве в течение почти всей второй мировой войны, суммируя свои впечатления от встреч с советскими руководителями, писал, что они «полностью сознавали угрозу нападения Германии, но все еще надеялись, что они могут отсрочить роковой час — по крайней мере до осени, когда немцы, быть может, не решатся напасть; а потом, к 1942 году, СССР сможет лучше подготовиться к войне»²³. Поэтому бесспорным представляется следующий вывод: «Агрессивные замыслы гитлеровской клики и ее намерения напасть на Советский Союз были очевидны для Советского правительства и руководства Советских Вооруженных Сил. Однако был допущен просчет в определении сроков этого нападения. И. В. Сталин ошибочно полагал, что в ближайшее время Гитлер не решится нарушить договор о ненападении, если ему не дать для этого предлога»²⁴.

Внешняя политика, которую проводило Советское государство с первого дня второй мировой войны, была единственно возможной в тех исторических условиях. Она отвечала интересам не только советского народа, но и коренным интересам народов других стран. «Наша партия», — указывал Л. И. Брежнев, — предвидела возможность военной схватки с силами империализма, готовила страну и народ к обороне. Социально-экономические завоевания предвоенных пятилеток, идейно-политическое единство советского общества, выкованное в ходе построения социализма, заложили основы победы, одержанной нашим народом в Великой Отечественной войне»²⁵.

²² См.: Churchill W. The Hinge of Fate. Boston, 1950, p. 493.

²³ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967, с. 73.

²⁴ История внешней политики СССР, 1917—1945 гг. М., 1976, т. 1, с. 427—428.

²⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 90.

ПОЛИТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

РОЛЬ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА В ПОДГОТОВКЕ И РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П. А. ЖИЛИН

Германский фашизм и вторая мировая война — тема обширная. Она является одной из центральных проблем в исследованиях по истории второй мировой войны. С первых дней войны и до нашего времени эта тема привлекала и привлекает внимание многих ученых во всех странах мира; опубликовано огромное количество исследовательских, документальных и мемуарных произведений. Только по проблематике происхождения второй мировой войны издано свыше двух тысяч работ. Можно с уверенностью сказать, что в любой книге, посвященной предыстории или истории второй мировой войны, в той или иной мере затрагивается и освещается тема германского фашизма, его классовая природа, его роль в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Усилиями ученых многих стран социальная природа фашизма, его роль в развязывании второй мировой войны наряду с другими важными аспектами второй мировой войны получают довольно обстоятельное рассмотрение и освещение.

Но в определенной части буржуазной историографии существует и другое направление: делаются попытки в искаженном виде изобразить происхождение второй мировой войны, обелить империализм и попытаться снять с него ответственность за развязывание войны, представить в ином, отретушированном виде физиономию фашизма, а наиболее реакционные авторы стремятся даже реабилитировать и идеализировать нацизм.

Грубые фальсификации истории второй мировой войны, в какие бы формы они ни облекались, преследуют далеко идущие цели — сформировать, особенно у послевоенного поколения людей, извращенное представление о причинах, характере и результатах войны, стремление на свой лад, в своих классовых интересах переделать историю второй мировой войны в целом. Следует иметь в виду, что в этой кампании задействованы крупные издательские фирмы и корпорации («Балантайн» в США, «ПЭН» в Англии, «Шпрингер» в ФРГ), выпускающие такую литературу многомиллионными тиражами, рассчитанными на широкого, недостаточно осведомленного в истории читателя. Проводится эта кампания отнюдь не в научных целях, а в целях использования сфальсифицированной истории второй мировой войны в качестве средства идеологической борьбы. Вот почему мы считаем необходимым дальнейшее расширение научной разработки истории второй мировой войны, выработку согласованных концепций, объединение усилий ученых в борьбе за историческую правду и ее широкую популяризацию.

Проблема фашизма, разоблачение сущности его идеологии и практики, его опасности миру и социальному прогрессу в свете опыта минувшей войны и в условиях современной сложной международной обстановки, когда кое-где существуют фашистские режимы, а в ряде капиталистических стран открыто действуют фашистские и неофашистские организации, являются важной задачей ученых — обществоведов и историков прежде всего.

Разработка этой проблемы и ее всестороннее освещение представляют широкий общественный интерес. Людям не безразлично знать: кто повинен в развязывании столь кровопролитной и разрушительной войны, которой до этого не знала мировая история, что необходимо предпринять, учитывая уроки прошлого, чтобы преградить путь третьей мировой войне?

Происхождение второй мировой войны, причины ее возникновения — это прежде всего вопросы политические. Их научная разработка всегда связана с определенными трудностями. Эти трудности вызваны, во-первых, сложностью, а часто и противоречивостью внешнеполитических межгосударственных отношений, складывавшихся между странами в предвоенный период, и, во-вторых, стремлением правительств, классов, развязавших войну, завуалировать, извратить ее истинные причины, скрыть ее

цели, сфабриковать ложные версии, обмануть общественное мнение и тем самым попытаться оправдать виновников войны, в том числе и ее конкретных зачинщиков. При выяснении причин возникновения второй мировой войны, роли в ней германского фашизма перед исследователем возникает немало преград. Зачинщики агрессивной войны — фашисты еще в мирное время создали огромный пропагандистский аппарат, организовали целую систему дезинформационной службы с целью формирования ложного общественного мнения среди широких кругов населения относительно целей и характера подготовляемой ими агрессии. Так, например, развязывая войну против СССР, гитлеровцы выдвинули чудовищную версию о якобы готовившемся в 1941 г. вторжении Советских Вооруженных Сил в Европу, об их угрозе Германии, которая-де с целью «защиты» своей страны и других западноевропейских стран вынуждена была начать против СССР упреждающую, «превентивную» войну.

Главарь фашистской Германии пустил в ход эту версию в первый же день нападения на Советский Союз. В меморандуме, врученном министром иностранных дел Германии Риббентропом советскому послу в Берлине, были сделаны клеветнические заявления о концентрации огромного количества советских войск на наших западных границах, которые будто бы ждут только сигнала для вторжения на территории европейских стран, и прежде всего на территорию Германии¹.

Дипломатическая фальшивка, тут же подхваченная пропагандистским ведомством Геббельса, в течение длительного времени использовалась для обмана немецкого народа и народов других стран. Гитлеровцам необходимо было как-то оправдать свою агрессию и одновременно вызвать неприязнь к Советскому Союзу. Пропаганда мифа о «превентивной войне» осуществлялась огромным аппаратом дипломатов, писателей, историков, офицеров-пропагандистов. Эта версия оказалась весьма живучей. Даже после разгрома фашистской Германии один из руководителей немецкого вермахта, фельдмаршал Кейтель, перед Нюрнбергским процессом заявил: «Я утверждаю, что все подготовительные мероприятия, проводив-

¹ См.: История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 31.

шиеся нами до весны 1941 г., носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной Армии. Таким образом, всю войну на Востоке в известной мере можно назвать превентивной»².

Все это предпринималось для обмана и правительств, и народов. Следует отметить, что система дезинформации как одна из форм подготовки и развязывания второй мировой войны широко применялась гитлеровцами. Ее методы еще недостаточно изучены. Исследование этого вопроса дает возможность понять, почему гитлеровскому аппарату пропаганды и дезинформации удалось ввести в заблуждение и одурманить довольно широкие слои населения, позволяет обнажить лживость и демагогичность фашистской идеологии и, наконец, сравнить и увидеть, как много сходного в современной дезинформационной кампании врагов мира и социализма, кричащих о «советской военной угрозе» с теми приемами, которые применялись нацистами накануне второй мировой войны.

Прошло более сорока лет со времени начала второй мировой войны. Срок вполне достаточный, чтобы разобраться и в причинах войны, и в главных виновниках ее развязывания. Однако и поныне на Западе есть немало «теоретиков», стремящихся запутать эти принципиально важные вопросы, распространяя философию внеклассового характера второй мировой войны, ее естественности и неизбежности. «Ни война, ни фашизм,— утверждает французский буржуазный социолог Раймон Арон,— не были порождены... капитализмом»³. Небезызвестный американский советолог Луис Фишер пошел еще дальше, клеветнически заявляя, что «война, а не мир порождается коммунизмом»⁴. Нетрудно понять, что подобные утверждения ничего общего не имеют с объективным анализом событий истории новейшего времени и ее военных периодов.

Научный анализ классово-природы и сущности германского фашизма был дан марксистской наукой, коммунистами еще задолго до второй мировой войны. На VII конгрессе Коммунистического Интернационала (1935 г.) Георгий Димитров говорил: «Самая реакцион-

² Жилин П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз: (Расчеты и просчеты). М., 1966, с. 112.

³ Aron R. Marxisme imaginire. P., 1970, p. 10—12.

⁴ Fisher L. Russia's Road from Peace to War. N. Y., 1969, p. 5.

ная разновидность фашизма — это фашизм германского типа. Он нагло именуется национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Германский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран»⁵.

Эти оценки полностью подтверждались на практике. В предвоенные годы и особенно в период второй мировой войны германский фашизм проявил себя как ударный кулак международной контрреволюции, раскрыл свою варварскую, бесчеловечную сущность.

Фашизм как одна из террористических форм власти буржуазии был порожден общим кризисом капитализма, кризисом социально-экономической, политической и идеологической структуры буржуазного общества. Всякий раз в моменты обострения этого кризиса, ставящего под угрозу само существование капиталистического строя, господствующие классы прибегают к диктатуре как альтернативе другой формы власти — буржуазно-парламентской.

Установление фашистских диктатур в ряде стран стало возможным в силу нескольких причин. Одной из них явился раскол в рядах рабочего класса вследствие политики классового сотрудничества с буржуазией правооппортунистических лидеров социал-демократии, их враждебности к коммунистам.

Фашизм как форма государственного правления значительно отличался от предшествующих форм правления общества, разделенного на классы. Его особенность — и это важно подчеркнуть — состояла в том, что он обладал способностью создать себе широкую базу, вовлекать недовольные слои населения в русло интересов своей политики.

Как в Италии, так и в Германии фашисты на пути к власти отличались от других буржуазных партий более ловким использованием социальной демагогии. Они лицемерно критиковали недостатки капиталистической систе-

⁵ Димитров Г. Избранные произведения: В 2-х т. С., 1967, т. 1. (1906—1937 гг.), с. 606.

мы, предлагали свой «выход» из кризиса буржуазного общества, демагогически заявляя о необходимости ликвидации классов и классовых различий, установления социального равенства. Эрнст Тельман, решительно разоблачая социальную и национальную демагогию нацизма, говорил, что за словами «национал-социализм» скрывается фашистское лицо зверской диктатуры финансового капитала⁶.

Фашизм являлся наиболее агрессивной формой буржуазной диктатуры, главной целью которой были предотвращение революции, укрепление классового господства крупной буржуазии, разгром рабочего движения и демократии, развязывание захватнических войн.

Характерная черта фашизма — грубое беззаконие, расправы над трудящимися массами, противниками фашистского режима, поборниками сохранения мира. Фашизм всюду опирался на национализм, шовинизм, расизм, а в ряде стран и на реваншизм.

Идеологи и пропагандисты германского фашизма, разжигая идеи экспансионизма, укрепляя союз с милитаристами, насаждали в стране культ армии и войны, жестокость и насилие, разрабатывали военные доктрины и планы завоевания многих стран мира, массовых убийств гражданского населения. Фашизм посягал на главные ценности мировой цивилизации.

«Чудовищной кульминацией зла, порожденного германским империализмом, — говорил Л. И. Брежнев, — явился фашизм, обрушивший страшные бедствия на народы Европы, в том числе и на германский народ»⁷.

По каким основным направлениям осуществлялась германским фашизмом подготовка агрессии и развязывания второй мировой войны?

После захвата власти гитлеровцы поставили перед собой в качестве основных задач: в области внутренней политики — разгром рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии Германии, подавление других демократических сил и учреждений, порабощение немецкого народа, превращение его в послушное орудие монополий; в области внешней политики — подготовка и осу-

⁶ См.: Тельман Э. Избранные статьи и речи: В 2-х т. Пер. с нем. М., 1958, т. 2 (ноябрь 1928 г.— сентябрь 1930 г.), с. 61—65.

⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 152.

ществление в максимально короткие сроки войны за установление мирового господства.

Фашизм в Германии, как и в других странах, развернул огромнейшую деятельность по распространению и пропаганде всякого рода теорий, затушевывавших классовую сущность фашизма. Демагогические высказывания лидеров нацистской партии, направленные против капитализма в целом, декларативные заявления о ликвидации классовых различий и введении социального равенства широко использовались гитлеровцами для обмана народа.

Фашистские руководители и идеологи разработали систему организационных и пропагандистских мероприятий, которая была призвана создать иллюзии, что фашистское государство несет классовый мир, что гитлеровское правительство и нацистская партия борются за интересы не отдельных классов или групп населения, а за общенациональные интересы.

С приходом к власти гитлеровцев в Германии произошло тесное переплетение монополий и политической власти фашистского государства. В результате союзы предпринимателей стали частью государственной системы власти. Владельцы предприятий были наделены званием «промышленный фюрер». Фашистские лидеры вместе с монополистами практически создали новые формы взаимодействия монополий и государства, которые значительно усилили процесс государственно-монополистического развития в Германии.

Большое значение для укрепления союза между монополиями и фашистским государством имел тот факт, что гитлеровцы взяли на себя задачу по преодолению сопротивления рабочего класса монополистическому капиталу. Ликвидировав легальные классовые организации рабочего класса, фашизм окончательно подорвал позиции рабочих в борьбе за свои социальные и другие права. Трудящиеся были практически лишены сколько-нибудь эффективных средств борьбы. Монополистическая буржуазия получила возможность не только не считаться с требованиями рабочих, но и отняла у них те социальные завоевания, на которые она вынуждена была пойти ранее.

Кроме тесного союза фашизма с монополиями существовал прочный союз германского фашизма с милитаризмом. Милитаризм провозглашался неотъемлемой чертой фашистского государства. Для пропаганды милитаризма широко использовались военная история, истори-

ческие деятели, отличавшиеся ярким национализмом и воинственностью. Не выходило ни одной газеты, не выпускалось ни одного киножурнала, в которых бы не превозносились победы германских войск, полководческие «доблести» фюрера, гитлеровских генералов, воинственный дух немецких солдат и офицеров, превосходство германского оружия и техники.

Образовавшийся в Германии тесный союз мощной триады, а именно: фашизма, монополий и вермахта, был направлен на подготовку, а затем и на практическое ведение второй мировой войны. Выдвижение фашизма на передний план, передача ему политической власти свидетельствовали о стремлении монополистической буржуазии Германии поставить у руля государства такую силу, которая сумела бы осуществить непосредственную материальную подготовку новой мировой войны.

Рубежом, от которого нужно отсчитывать время активной подготовки фашистской Германии к войне, следует считать 1936 год — год принятия в Германии четырехлетнего плана подготовки страны к войне. Разработанный и принятый нацистами четырехлетний план милитаризации страны был главным этапом форсированной подготовки Германии ко второй мировой войне. В своем меморандуме Гитлер тогда провозгласил: «1) через четыре года мы должны иметь боеспособную армию, 2) через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне»⁸. И далее он заявил: «Если нам не удастся в кратчайший срок превратить наши вооруженные силы в смысле боевой подготовки, количества соединений, технического оснащения и в первую очередь идейного воспитания в самую сильную армию в мире, то Германия погибнет. В данном случае действует принцип: что будет упущено за несколько месяцев в условиях мира, невозможно будет наверстать в течение столетий. Поэтому перед этой задачей все другие требования должны отступить на задний план»⁹.

Вся жизнь в Германии, вся ее экономика подчинялись подготовке к войне. В первую очередь осуществлялась перестройка экономики на военный лад: готовилась военно-сырьевая и продовольственная базы, развивалось про-

⁸ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967, с. 52.

⁹ Там же, с. 45.

изводство военной техники и вооружения, проводились мероприятия по обеспечению военной промышленности рабочей силой, совершенствовались органы управления и регулирования экономикой. Взятый фашистами курс на форсированную и всеобъемлющую милитаризацию страны соответствовал интересам германского монополистического капитала, который видел в этом выход из переживаемого им в тот период экономического кризиса.

Примечательно, что к таким выводам приходят теперь и некоторые западногерманские историки. В предисловии к первой книге многотомного издания по истории второй мировой войны В. Дайст, М. Мессершмидт, Х. Фолькманн и В. Ветте подчеркивают, что все важные мероприятия гитлеровского режима в 1933—1939 гг. «прямо или косвенно служили делу вооружения, особенно в области экономической политики», что «размах и динамика вооружения оказывали в 1933—1939 гг. гораздо большее влияние на внешнюю политику и внутреннее развитие Германии, чем об этом писалось до сих пор»¹⁰. Масштабы и темпы подготовки вооруженных сил подтверждают эти положения. Если в 1934 г. в Германии было произведено 840 самолетов, то в 1936 г. их было построено 4733. В целом же военное производство с 1934 по 1940 г. увеличилось в 22 раза. Если в 1935 г. имелась 31 дивизия, то к осени 1939 г. их насчитывалось уже 102, а общая численность армии за семь предвоенных лет возросла со 105 тыс. почти до 4 млн. человек, т. е. увеличилась более чем в 35 раз¹¹.

Германский фашизм создавал не только материальную базу для подготовки и развязывания второй мировой войны, но и формировал идеологию агрессивной войны, разрабатывал ее доктринальные положения.

Выступая перед руководителями молодежных организаций в 1937 г., Гитлер говорил: «Германия должна стать вооруженным государством, а это значит — не только от мала до велика уметь владеть оружием, но и воодушевляться воинственными устремлениями»¹². Он неоднократно повторял, что война против СССР — это борьба двух идеологий. Для воспитания воинственных устремле-

¹⁰ Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg. Freiburg, 1979. Bd. 1.

¹¹ Правда, 1979, 31 авг.

¹² История фашизма в Западной Европе. М., 1978, с. 238.

ний германские фашисты всячески разжигали среди немецкого народа антисоветизм, национализм, шовинизм и расизм. Прежде всего они апеллировали к националистическим чувствам, спекулируя на таких понятиях, как «расовая общность немцев», «немецкая верность долгу». Широко распространявшаяся гитлеровцами теория о «превосходстве арийской расы» служила им для оправдания притязаний на завоевание мирового господства, на неограниченное расширение «жизненного пространства».

Завоевание «жизненного пространства», антисоветизм и гегемонизм сливались воедино в военных планах гитлеровских стратегов. Усилиями германского империализма, монополистического капитала, фашистских лидеров были созданы мощные вооруженные силы Германии. Из небольшой профессиональной сухопутной армии, которой по Версальскому договору запрещалось иметь танки, тяжелую артиллерию, самолеты, противотанковые орудия, немецко-фашистская армия превратилась в самую современную и сильную армию капиталистического мира.

Все строительство вооруженных сил Германии проходило под непосредственным руководством фашистской верхушки. Личный состав вермахта, особенно офицерский корпус, в подавляющем большинстве был заражен фашистской идеологией.

Вся военно-теоретическая мысль Германии направлялась на разработку ведения агрессивной войны, а также на разработку конкретных планов ее подготовки. Гитлеровские стратеги, не считаясь с обычаями и международными правовыми нормами, строили свои расчеты на организацию «тотальной войны», в которой предусматривались все средства и методы для сокрушения противника, включая самые варварские и бесчеловечные.

Идеи и принципы разработанной гитлеровскими стратегами «молниеносной войны», доктрины «блицкрига», в которых главная ставка делалась на внезапные и массированные удары танковых и механизированных войск во взаимодействии с авиацией, были положены в основу всех стратегических планов фашистской агрессии. Наиболее тщательно был на основе накопленного опыта захвата западноевропейских стран разработан план «Барбаросса», который считался патентованным средством достижения быстрой победы в войне против СССР.

Наряду с конкретными стратегическими планами войны против отдельных стран фашистским руководством

разрабатывались перспективные планы дальнейших завоеваний и порабощения народов. К числу таких планов относился план «Ост». Это была широкая программа фашистской колонизации, онемечивания восточноевропейских стран, превращения в рабов многих миллионов поляков, чехов, русских, украинцев, белорусов, представителей других национальностей. Этим планом предусматривалось в течение 30 лет переселить в Западную Сибирь из Польши, Чехословакии, Украины, Белоруссии и Прибалтики значительную часть населения и заселить эти территории немецкими колонистами¹³.

Разработанные гитлеровцами планы войны и территориальных захватов свидетельствовали о дальнейшем усилении агрессивности германского фашизма. Крайняя агрессивность и наличие самой мощной в капиталистическом мире военной машины позволили гитлеровской Германии занять ведущее место среди фашистских государств Европы, возглавить весь фашистско-милитаристский блок в годы второй мировой войны.

Следовательно, германский фашизм, занимая господствующее положение в государстве, создавал как материальную базу подготовки и ведения второй мировой войны, так и формировал идеологию войны и ее стратегию.

Закономерно возникает вопрос: были ли возможности для своевременного предотвращения, обуздания фашистской агрессии? Да, такие возможности имелись. ВКП(б) и международное коммунистическое движение последовательно выступали непримиримыми противниками агрессивного курса фашистско-милитаристского блока. СССР прилагал громадные усилия, чтобы создать систему эффективной международной безопасности. Но все они наталкивались на сильнейшее сопротивление мировой реакции. Хотя фашистско-милитаристский блок был направлен также и против США, Англии и Франции, правящие круги этих стран проводили политику «невмешательства» и «умиротворения» агрессора, поощряли его военные приготовления, надеясь направить его удар против Советского Союза. В этом отношении мюнхенский сговор открыл шлагбаум Гитлеру для агрессии на Восток, был прологом второй мировой войны.

Советский народ, наша партия были полны решимости преградить путь фашистской агрессии. Советские предло-

¹³ История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 228.

жения о совместных с Англией и Францией военных действиях в случае агрессии фашистской Германии создавали реальную базу для преграждения пути гитлеровской военной машине. Но эти предложения не встретили поддержки со стороны правительств Чемберлена и Даладье.

Почему же ни Англия, ни Франция не желали этого соглашения? Прежде всего потому, что буржуазные правительства не хотели союза, не хотели создания антигитлеровской коалиции с участием Советского государства. Оценивая сложившуюся на переговорах обстановку, известный английский историк А. Тейлор писал, что «англичане с ужасом отшатнулись от советского предложения: война, в которой бы они сражались на стороне Советской России против Германии, была для них немыслима»¹⁴.

Срыв московских переговоров 1939 г. Англией и Францией, а не советско-германский договор о ненападении, как это пытаются утверждать реакционные историки, привел к тому, что фашистскую агрессию уже невозможно было предотвратить.

Хорошо известно, чем все это кончилось. Для победы над фашистской Германией и фашистской коалицией в целом во второй мировой войне потребовались колоссальные экономические, моральные и военные усилия народов многих стран при решающей роли Советского Союза. Воздавая должное их героической борьбе, Л. И. Брежнев говорил: «Мужественная борьба возглавленной коммунистами Народно-освободительной армии Югославии, подвиги армий и соединений, сформированных патриотами Польши и Чехословакии, народные восстания в Словакии, Румынии, Болгарии, освободительная борьба албанского народа, движение Сопротивления, действия партизанских отрядов во Франции, Италии и других странах, борьба антифашистского подполья в стане противника — все это в конечном итоге слилось с борьбой советского народа в один могучий поток, смывший коричневую грязь с карты Европы»¹⁵.

Теперь, когда прошло более сорока лет с того времени, как в Европе запылал пожар второй мировой войны, и более 35 лет со дня Победы, мы хорошо знаем, какой страшной ценой заплатило человечество за развязанную империализмом и его ударной силой — германским фашиз-

¹⁴ Taylor A. The Second World War. L., 1975, p. 34.

¹⁵ Брежнев Л. И. Указ. соч., с. 285—286.

мом вторую мировую войну. Время не властно отодвинуть или преуменьшить масштабы и ужасы фашистских злодеяний. Никогда из памяти народов, и прежде всего советского народа, не изгладятся чудовищные преступления гитлеровских варваров в годы второй мировой войны.

Поэтому понятны то возмущение и та волна протеста, которая прокатилась по всему миру против применения срока давности к нацистским преступникам. Под давлением общественности как внутри страны, так и за рубежом западногерманский парламент вынужден был отказаться от применения этого закона к нацистам преступникам. И действительно, разве можно списать в архив преступления фашизма, совершившего неисчислимые злодеяния в годы второй мировой войны? Такие преступления не устаревают. Не существует никаких амнистий, никакого срока давности в отношении тех, кто повинен в гибели 20 млн. советских людей и 30 млн. человек из других стран¹⁶.

Оценивая события второй мировой войны, сегодня сквозь призму прошедших четырех десятилетий мы можем выделить ее главные итоги и уроки.

Первое. Война, ее ход и результаты показали историческую неодолимость сил демократии, прогресса и социализма. Советский Союз, выступив в авангарде борьбы с фашистской агрессией, вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы и внес решающий вклад в достижение победы во второй мировой войне. Он снискал глубокое уважение народов всего мира.

Второе. Итоги второй мировой войны подтвердили обреченность империализма, сил реакции в их попытках завоевания мирового господства. Разгром германского фашизма и японского милитаризма, последовавший затем распад колониальной системы привели к утрате позиций мирового капитала. Империализм — виновник развязывания второй мировой войны, поглотившей миллионы человеческих жертв, вызвал и вызывает ныне гнев и возмущение у всех людей мира. Это суровый урок истории.

И наконец, третье. В. И. Ленин, внимательно изучивший книгу К. Клаузевица «О войне», сделал следующую запись: «„Характер политической цели“ имеет решающее влияние на ведение войны...»¹⁷. Если война есть продолжение политики иными, насильственными средствами, то

¹⁶ См.: Всемирная история. М., 1965, т. 10, с. 598.

¹⁷ Ленинский сборник XII, с. 429.

и поражение в войне является прежде всего фактором политическим, крушением политики, которая подготовила, развязала и вела войну¹⁸.

Поражение Германии во второй мировой войне, и прежде всего в войне против Советского Союза, явилось в первую очередь крахом фашистской политики, идеологии и военной доктрины.

Германский фашизм, притязавший на роль вершителя судеб народов всего мира, потерпел сокрушительное поражение. Однако было бы неверным утверждать, что фашизм навсегда ушел в прошлое. Фашизм как орудие контрреволюции, стремящейся при любом удобном случае взять реванш за поражение в борьбе против социализма, против прогрессивных сил, способен возрождаться и приобретать определенную общественную силу.

Известно, что сейчас неофашистские партии, организации и группы легально действуют во многих капиталистических странах. Современный фашизм, в какие бы одежды он ни рядился, как и прежде, защищает интересы наиболее агрессивных, шовинистических и реакционных кругов финансового капитала. Он выступает против любых проявлений социального прогресса, против политики мирного сосуществования государств с различными общественными системами, за пересмотр итогов второй мировой войны. Он действует на руку той части мировой реакции, которая может пойти на риск развязывания новой мировой войны, угрожающей гибелью цивилизации.

Кое-кто из западных политиков и историков считает, что не следует преувеличивать опасности возрождения фашизма, что это всего лишь «модное увлечение определенной части молодежи». Так ли это? История и факты говорят о другом. В США, ФРГ, Италии, Англии, Голландии, Бельгии, Франции и других капиталистических странах легально функционируют ультраправые, профашистские и неонацистские организации, устраивающие погромы и террористические акты.

Не замечать всего этого нельзя. Здесь уже речь идет не «о модном увлечении молодежи», а о возрождении фашистской идеологии и о ее пропаганде.

Обращает на себя внимание тот факт, что сегодня фашиствующие круги всячески пытаются активизировать свою деятельность, расширить свое влияние на мас-

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 82—83.

сы. По официальным данным, только за 1977 г. в ФРГ число неонацистских групп возросло с 600 до более чем 1 тыс.¹⁹ Волна фашизма захлестывает и вооруженные силы ФРГ. И это не случайно, так как многие генералы и адмиралы западногерманских вооруженных сил — это офицеры «третьего рейха». Не приходится удивляться, что в бундесвере царит обстановка благоговения перед фашистским вермахтом. В его частях созданы «комнаты традиций», в которых как реликвии хранятся фашистские знамена со свастикой, географические карты «Великой Германии».

В ФРГ активным фактором, формирующим общественное мнение среди определенной части населения, становится неонацистская пресса. Тираж неонацистских печатных изданий с каждым годом увеличивается. Все большее распространение получает также неонацистская «историческая» литература, представляющая собой апологику гитлеровского рейха и его деятелей. «Гитлеровская волна» буквально захлестнула книжные прилавки западногерманских магазинов. Биография Гитлера, написанная И. Фестом, вышла громадным тиражом — 500 тыс. экз. Тиражом в 550 тыс. экз. был издан дневник Шпеера²⁰. Массовыми тиражами распространяются в ФРГ книги, грампластинки, содержащие речи Гитлера, Гимmlера, Геббельса и других главарей фашистского рейха.

Развитие неонацизма в ФРГ и других странах Запада не может не вызывать у всех честных людей тревоги. Современный фашизм, как и накануне второй мировой войны, вынашивает далеко идущие планы, которые направлены прежде всего против сил демократии и социализма.

Конечно, теперь иное время. Фашизм вызывает гнев, возмущение и ненависть народов во всем мире. Свидетельством тому является активная борьба трудящихся против гонки вооружений, агрессивных планов США и их союзников по НАТО, за предотвращение новой мировой войны.

Главным залогом успешной борьбы против реакции и фашизма является дальнейшая активизация деятельности

¹⁹ Мировая экономика и международные отношения. 1979, № 1, с. 99.

²⁰ *Spencer A. Spandaer Tagebücher. Frankfurt a/M., 1975; Fest J. Hitler: Eine Biographie. Frankfurt a/M., 1974.*

в этом направлении всех прогрессивных сил. К этому призывают народы коммунистические и рабочие партии. В итоговом коммюнике Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Берлине в июне 1976 г., указывается: «Для демократии и социального прогресса, для сохранения мира и международных отношений... необходимо искоренить фашизм, предотвратить его возрождение в открытой или завуалированной форме, бороться против организации и деятельности фашистских и неофашистских террористических организаций и групп, а также против расистской пропаганды и действий, преследующих цель расколоть рабочий класс и другие прогрессивные силы»²¹.

Фашизм вчера и сегодня был и есть оплот сил и реакции и войны. В современных условиях важное значение имеет показ истинного лица фашизма и неофашизма, который нередко, действуя под маской защитника национальных интересов, национальной культуры, западного образа жизни и буржуазной демократии, стремится на деле к разжиганию расистских и антикоммунистических настроений, к созданию условий для ликвидации любой демократии, к захвату власти. Фашизм, как известно, прокладывает путь войне. Этому учат нас и уроки недавнего прошлого.

Вот почему изучение истории второй мировой войны, ее происхождения и причин, разоблачения фашизма, его социальной сущности, принципиальная критика тех, кто пытается извратить события второй мировой войны, имеют важное и научное и практическое значение, ибо сегодня, когда война в ее ядерном варианте приобретает столь грозное звучание, причинность войн, мировых и локальных, по-особому волнуют человечество. И слово историка, его призыв помнить уроки минувшей войны для того, чтобы никогда не повторилась общечеловеческая трагедия, сейчас приобретают особо важное значение в борьбе за мир и безопасность народов.

---

²¹ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе: К итогам Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Берлин 29—30 июня 1976 г. М., 1976, с. 39.

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВАЦЛАВ ПЕША

(Чехословацкая Советская Социалистическая Республика)

Чехословакия явилась одним из первых барьеров на пути экспансионистской политики германского фашизма. Она стала жертвой гитлеровской агрессии, осуществлявшейся при поддержке правящих кругов Великобритании и Франции.

В обширной программе завоевания «жизненного пространства», изложенной Гитлером на секретном совещании высших руководителей «третьего рейха» 5 ноября 1937 г.¹, подготовке к нападению на Чехословакию отводилось особое место. При обсуждении этого вопроса некоторые нацистские генералы указывали на трудность преодоления чехословацких пограничных укреплений, а также на возможность выступления в защиту Чехословакии западных держав, прежде всего связанной с ней союзным договором Франции. Однако Гитлер заявил, что Англия и Франция «уже молча отказались от Чехословакии», что он «убежден в британском неучастии» и также «не верит в военные действия Франции против Германии»². Для таких заявлений у фашистского руководства имелись веские основания. Свидетельством тому явились результаты переговоров Гитлера с заместителем премьер-министра Великобритании лордом Галифаксом 19 ноября 1937 г. в Оберзальцберге. Галифакс тогда заверил Гитлера, что британские правящие круги проявляют полное понимание «законных» территориальных требований Германии в отношении Чехословакии, Австрии и Польши. Он лишь высказал пожелание, чтобы возможные изменения в данной части Европы «были произведены путем мирной эволюции». Лорд Галифакс назвал фашистскую Германию «бастионом Запада против большевизма» и подчеркнул заинтересованность Англии в создании пакта четырех европейских держав (Великобритании, Франции, Германии и Италии), в задачу которого входило

¹ Kniha «O»: Přepadení Československa ve světle dokumentů předložených Mezinárodnímu vojenskému soudu v Norimberku. Pr., 1946. s. 55.

² Ibid., s. 63, 65—66.

до бы стремление к «мирному» решению всех проблем³.

В действительности такая позиция Англии наносила непоправимый ущерб политике коллективной безопасности и открывала путь агрессивным устремлениям гитлеровцев. Генеральный секретарь КПЧ Клемент Готвальд, выступая в конце ноября 1937 г. с речью в Национальном собрании Чехословацкой республики, охарактеризовал содержание состоявшихся переговоров Галифакса с Гитлером как «красноречивый пример того, как фашистский захватчик вознаграждается за счет третьего», т. е. за счет Чехословакии⁴. Некоторые реакционные деятели буржуазной Чехословакии также пытались пойти на сговор с Гитлером; одновременно в стране активизировалось генлейновское движение — «пятая колонна» фашизма.

В условиях нараставшей внешней и внутренней фашистской опасности народ Чехословакии на многочисленных митингах и собраниях выражал свою волю отстоять независимость и целостность своей родины. Во главе масс встали коммунисты, которые вопреки действиям лидеров реформистских и других политических партий вовлекали в борьбу не только рабочий класс, но и все более многочисленные слои мелкой буржуазии города и деревни, прогрессивной интеллигенции.

На заседании Центрального Комитета КПЧ, проходившем 11 и 12 декабря 1937 г. в Праге, К. Готвальд предупреждал об опасном росте агрессивности фашистских держав и указывал на прямую связь данного явления с политикой уступок, проводимой представителями «демократических держав» во главе с Великобританией. Коммунисты призвали народ Чехословакии еще решительнее и энергичнее выступить против всех акций буржуазных и реформистских лидеров, направленных на соглашение с фашистской Германией, против попыток ослабить содружество Чехословакии с СССР.

Об этом заседании руководство КПЧ специальным письмом информировало все партийные организации и призвало коммунистов встать во главе борьбы за защиту республики, решительно выступить против любых попыток заставить Чехословакию отойти от принципа коллек-

³ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979, с. 17.

⁴ Там же, с. 16.

тивной безопасности и Лиги наций, а также «против любого ослабления союзнических связей с Советским Союзом». «Сегодня наша главная задача состоит в том,— подчеркивалось в письме,— чтобы Чехословакия, наоборот, насколько можно теснее примкнула к Советскому Союзу как своей единственной надежной опоре в борьбе за мир»⁵.

С большим беспокойством был встречен в Чехословакии аншлюс, т. е. насильственное присоединение Австрии к гитлеровской Германии, что представляло непосредственную угрозу для границ Чехословакии. Массы чехословацкого народа поддерживали точку зрения коммунистов и не верили декларациям фашистских главарей, что «акция в Австрии является семейным делом немцев и у Чехословакии нет оснований для беспокойства»⁶.

15 марта 1938 г., вскоре после аншлюса Австрии, Центральный Комитет КПЧ издал призыв ко всем рабочим и остальным гражданам республики подняться на борьбу против фашистских агрессоров. В призыве, в частности, говорилось: «В грозную ночь с 11 на 12 марта народы Чехословакии узнали, на что способен фашизм. Они поняли, что каждая уступка ведет к катастрофе. Сейчас, как никогда, ясно, что Чехословакия может отстоять независимость и свободу только проявив твердость и мужество»⁷.

Однако реформистские лидеры и буржуазные политики, состоявшие при тогдашнем президенте Чехословакии Э. Бенеше, не восприняли опыт Австрии как предостережение об опасности. Поэтому коммунисты были вынуждены бороться не только за создание широкого народного антифашистского фронта для защиты страны от возраставшего натиска со стороны внутреннего и зарубежного фашизма, но и против капитулянтской линии чехословацких правительственных кругов и социалистических лидеров.

Антифашистское движение в Чехословакии весной 1938 г. неуклонно крепло. На местах стали возникать «комитеты защиты республики». Напуганные активностью масс буржуазные власти 1 апреля 1938 г. запретили организацию всех общественных выступлений и митингов.

⁵ Там же, с. 25.

⁶ Там же, с. 43.

⁷ Там же, с. 55.

Данный запрет использовался ими прежде всего против антифашистов, а не против фашистов. Они разрешили генлейновцам провести съезд судето-немецкой партии, который состоялся 23—24 апреля в Карловых Варах. Там была провозглашена известная Карловарская программа, проведение в жизнь которой означало бы фактическую ликвидацию Чехословакии как самостоятельного государства.

Требования Карловарской программы генлейновцев принципиально и решительно отвергла лишь КПЧ. 26 апреля 1938 г. А. Запотоцкий от имени коммунистов заявил в палате депутатов Национального собрания: «Я не могу понять, почему целый месяц запрещали все собрания и выступления, которые мобилизовали граждан на защиту республики, в то время как Генлейну было разрешено провести массовый политический съезд, где он мог перед двумя тысячами участников прокламировать свои антиреспубликанские, антидемократические, нацистские требования. В связи с этим мы заявляем, что требования Генлейна антигосударственные, антиконституционные и антинародные»⁸.

После съезда в Карловых Варах генлейновцы активизировали провокационную деятельность в пограничных районах Чехии, Моравии и Силезии. Одновременно к чехословацкой границе в соответствии с ранее разработанным планом нападения на Чехословакию («план грюн») начали стягиваться немецкие воинские части.

Прямая угроза территориальной целостности республики настолько активизировала антифашистское движение, что правительство Бенеша было вынуждено 20 мая 1938 г. объявить частичную военную мобилизацию. В течение одного дня были существенно увеличены и укреплены гарнизоны чехословацкой армии вдоль границы с Германией.

Эта мера предотвратила повторение австрийского варианта в отношении к Чехословакии и произвела сильное впечатление на всю мировую общественность. У истинных друзей чехословацкого народа она вызвала радость и удовлетворение.

Согласно сообщению чехословацкого посла в СССР З. Фирлингера, нарком иностранных дел СССР М. М. Лит-

⁸ Chtěli jsme bojovat: Dokumenty o boji KSČ a lidu na obranu Československa, 1938. Pr., 1963, t. 1, s. 152.

винов полностью одобрил предпринятую Чехословакией акцию по укреплению своей безопасности. В телеграмме, отправленной 25 мая 1938 г. в Прагу министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте, Фирлингер писал: «Я имел беседу с Литвиновым, который приветствует энергичные меры, проведенные в нашей стране, и политику правительства»⁹. Литвинов также стремился склонить представителей Франции и Великобритании к совместным эффективным мерам, направленным на оказание помощи Чехословакии. 23 апреля 1938 г. представитель СССР в Праге С. С. Александровский был уполномочен передать президенту Э. Бенешу решение Советского правительства оказать Чехословакии военную помощь.

Посол Фирлингер, сообщая об этом в Прагу, писал: «СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать. Ворошилов настроен весьма оптимистически. Желание оказать действительную помощь будет здесь всегда, пока Чехословакия не откажется от проведения демократической политики»¹⁰.

Решительная позиция чехословацкого народа вызвала бешеную злобу у руководителей нацистской Германии. 28 мая 1938 г. Гитлер в кругу своих сообщников заявил: «Мое непоколебимое желание, чтобы Чехословакия исчезла с карты Европы»¹¹. Два дня спустя Гитлер подписал новую директиву по «плану грюн», где подчеркивалось: «Моим твердым решением является уничтожение Чехословакии военным нападением в ближайшем будущем»¹². Подготовку к нему предписывалось завершить до 2 октября 1938 г.

Ко времени описываемых событий немецкие фашисты сумели вооружить и подготовить около 45 дивизий; приблизительно такое же количество дивизий в состоянии была выставить после всеобщей мобилизации и Чехословакия. Гитлеровские генералы в связи с этим указывали на риск запланированной агрессии. Беспокоило их и возможное вмешательство западных держав. Однако ни один из

⁹ Документы по истории мюнхенского сговора, с. 124.

¹⁰ Там же, с. 87.

¹¹ Kniha «O»..., s. 333.

¹² Ibid., s. 84.

них тогда даже не предполагал, что это вмешательство окажется на руку фашистской Германии. Но произошло именно так. Правящие деятели Англии и Франции обвинили Чехословакию в том, что она, стремясь защитить неприкосновенность и целостность собственной территории, якобы угрожает миру.

Чехословацкие коммунисты, стоявшие во главе крепнущего антифашистского движения народных масс, в ответ на подобные обвинения 2 августа 1938 г. заявили: «Народ Чехословакии хочет мира. Но он отвергает утверждения о том, будто бы угроза европейскому миру создавалась из-за неуступчивости Чехословакии в решении национальной проблемы. Угроза миру в Европе возникла не из-за нерешенности национальной вопроса в Чехословакии, а из-за действий фашистских агрессоров и их планов овладения Чехословакией, Придунайской областью и Балканами»¹³.

Коммунисты разоблачали империалистические цели гитлеровцев; они разъясняли, что главной причиной отказа фашистов от непосредственного военного вторжения является непоколебимая воля и решимость чехословацкого народа встать на защиту своей страны. Кроме того, считали коммунисты, нацистов могло сдерживать то, что Чехословакия могла опереться на военную помощь своих союзников.

9 сентября 1938 г. К. Готвальд на большом митинге, проходившем на Славянском острове в Праге, заявил: «В случае нападения на нас Франция обязана по договору прийти нам на помощь. Советский Союз всегда вплоть до последней буквы выполнял свои обязательства, и мы можем дать голову на отсечение, что он нас не оставит. Англия имеет обязательство по отношению к Франции, и ее собственные насущные интересы диктуют ей встать рядом с Францией, если та будет вынуждена взяться за оружие»¹⁴.

Когда 12 сентября 1938 г. Гитлер в своей подстрекательской речи на съезде нацистской партии в Нюрнберге, призвал генлейновцев к вооруженным путчистским выступлениям против чехословацких властей, во многих пунктах чешских пограничных областей произошли террористические вылазки генлейновцев. Чехословацкое пра-

¹³ Документы по истории мюнхенского сговора, с. 160.

¹⁴ Там же, с. 201.

вительство на это ответило запрещением деятельности судето-немецкой партии, введением осадного положения в некоторых районах, а также направило воинские части в места наибольшего распространения провокаций. Эти меры тотчас же привели к восстановлению порядка и спокойствия в пограничных районах.

Чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер сообщал в Прагу, что «наши энергичные меры и ликвидация путча повсюду произвели самое благоприятное впечатление. По мнению представителей дипломатических кругов, наша спокойная и твердая позиция ведет к консолидации международного положения в пользу ЧСР»¹⁵. Однако, к сожалению, даже на сей раз решительного поворота в действиях чехословацкого правительства, ориентировавшегося на Запад, не произошло.

Под маской «защитника мира» тогда наиболее усердно выступал британский премьер-министр Чемберлен, предложивший Гитлеру помощь в решении чехословацкого вопроса. На встрече с Гитлером 15 сентября 1938 г. в Берхтесгадене он выразил согласие с его требованиями о передаче фашистской Германии той части территории Чехословакии, на которой проживало более 50% немецкого населения (т. е. чехословацких граждан, заявивших о своей принадлежности к германской или австрийской нации.— В. П.). Чемберлен обещал, что перед своим следующим визитом в Германию, после обсуждения данного вопроса с представителями британского и французского правительств, он обеспечит принятие упомянутого требования чехословацким правительством.

В результате переговоров, состоявшихся 18 и 19 сентября 1938 г. в Лондоне, правительства Великобритании и Франции вручили ультиматум правительству Чехословакии, из которого следовало, что якобы в «интересах европейского мира» и дальнейшего существования Чехословакии необходимо было удовлетворить требования Гитлера. Положительный ответ на ультиматум ожидался в кратчайшее время, еще до новой встречи Чемберлена с Гитлером, которая должна была состояться не позже 21 сентября 1938 г.¹⁶

Народ Чехословакии под руководством коммунистов решительно выступил против посягательства западных

¹⁵ Там же, с. 220.

¹⁶ Там же, с. 228—230.

держав на территориальную целостность страны. «То, что сейчас советуют из Лондона, по своим размерам несколько не меньше того, чего можно было бы требовать от Чехословакии в случае проигранной войны», — заявил К. Готвальд 19 сентября в постоянном комитете Национального собрания Чехословацкой республики. Он отверг попытки изменить чехословацкие границы и продолжал: «Мы рассчитываем на то, что воля и решимость широких слоев народных масс Франции и Англии иные, чем у участников лондонского совещания. Мы знаем, что Советский Союз не будет колебаться в выполнении существующих договорных обязательств. Мы добровольно не дадим расчленивать республику. Если на нас нападут, мы будем защищаться. Если мы будем защищаться, мы не будем одиноки»¹⁷.

Под натиском народа чехословацкое правительство вынуждено было прибегнуть к тактике лавирования. Президент Бенеш заверял полномочного представителя СССР в Праге С. С. Александровского и представителя КПЧ К. Готвальда в том, что «капитуляция исключена». Одновременно он потребовал уточнить точку зрения Советского правительства по вопросу предоставления военной помощи Чехословакии. Вечером 20 сентября президенту официально сообщили положительные ответы на два поставленных вопроса, а именно: «окажет ли СССР согласно договору немедленную и действенную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь», и «поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги наций на основании ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей»¹⁸.

С целью оказания помощи Чехословакии в Советском Союзе уже были предприняты конкретные меры. Кроме частей и подразделений тылового обеспечения в полной боевой готовности находились 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, танковый корпус, а также 7 танковых, одна мотострелковая и 12 авиационных бригад. К тому же в конце сентября 1938 г. в Советской Армии были задержаны на действительной службе солдаты и младший командный состав, которым предстояло уйти в запас. В вооруженные силы было призвано также прибли-

¹⁷ Там же, с. 238.

¹⁸ Там же, с. 240.

зительно 330 тыс. резервистов. В боевую готовность были приведены и войска «второго эшелона», насчитывающие 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, два танковых корпуса, 15 отдельных танковых бригад и 34 авиационные базы ¹⁹.

В это время реакционная печать, готовя почву для капитуляции перед фашизмом, писала об абсолютном одиночестве Чехословакии, тщетности любого сопротивления и т. п., подрывала решимость народа к защите своей родины.

Ночью 21 сентября 1938 г. французский посланник В. Л. де Лакруа и британский посланник Б. Ньютон нанесли визит президенту Э. Бенешу. Они снова потребовали принять ультиматум западных держав, лицемерно оправдывая его стремлением предотвратить пожар войны в Европе. После этого руководство Чехословакии объявило о своей готовности удовлетворить претензии фашистских захватчиков.

Перед общественностью буржуазные деятели оправдывались заявлениями о том, что якобы Чехословакию «оставил и предал также Советский Союз». Против этого немедленно выступили коммунисты. В обращении к народу они указали, что «Советский Союз готов помочь Чехословакии в любом случае и в любой момент». Одновременно они напоминали о том, что условием предоставления помощи является решимость самих народов Чехословакии встать на защиту своей земли. Обращение заканчивалось призывом: «Граждане Чехословакии, вы не должны колебаться, передайте всем маловерам это сообщение. Всем, всем, всем скажите: „Будьте решительными, защищайте свою землю. Советский Союз непоколебимо с вами!“» ²⁰.

Такова была позиция коммунистов. Они выступили самыми последовательными защитниками неприкосновенности территории буржуазно-демократической Чехословакии, непримиримыми противниками политики поощрения фашистской экспансии. КПЧ неуклонно следовала линии борьбы против фашизма и войны, которая была сформулирована Г. Димитровым на VII конгрессе Коминтерна.

Известие о принятии президентом Бенешем и буржуазным правительством британско-французских требований

¹⁹ Там же, с. 256, 315.

²⁰ Там же, с. 253.

вызвало уже 21 сентября огромную волну массовых демонстраций, носивших зачастую стихийный характер. Коммунисты стремились направить их в русло требования о создании нового правительства, которое возглавило бы решительную защиту республики. На следующий день демонстрации вылились во всеобщую забастовку. В результате правительство Годжи вынуждено было подать в отставку, президент Бенеш вечером 22 сентября назначил новое правительство во главе с генералом Я. Сыровы.

Между тем состоялась новая встреча Чемберлена с Гитлером, на сей раз в Годесберге. Гитлер выдвинул не только новые территориальные претензии к Чехословакии, настаивая на их немедленном удовлетворении, но и потребовал передачи части чехословацкой территории Польше и Венгрии. Чемберлен хотя и призывал Гитлера к умеренности, но дал ему обещание передать новые требования правительству Чехословакии²¹.

Правительство генерала Сыровы объявило всеобщую мобилизацию. Резервисты с энтузиазмом вернулись в воинские части, хотя и понимали, что вскоре могут лицом к лицу встретиться с агрессорами. Однако новое правительство продолжало капитулянтскую линию и лишь делало вид, что намерено защищать республику, пытаясь обмануть широкую общественность.

26 и 27 сентября Чемберлен и Гитлер обменялись письмами. Премьер Великобритании предлагал принять определенные меры, обеспечивающие передачу чехословацкой территории Германии мирным путем в самый кратчайший срок. В своем ответе Гитлер выразил согласие и предлагал продолжить совместные усилия с тем, чтобы «в последнюю минуту призвать правительство в Праге к здравому смыслу»²². После этого он взял на себя инициативу и на 29 сентября 1938 г. пригласил в Мюнхен руководителей государственных деятелей Великобритании, Франции и Италии на международную конференцию по чехословацкому вопросу.

Руководство КПЧ обратилось 27 сентября к народам всего мира с призывом, в котором клеймило позором действия не только фашистской Германии, но и западных держав. Коммунисты призывали народы всех стран, в особенности Великобритании и Франции, оказать про-

²¹ Там же, с. 277.

²² Там же, с. 301.

тиводействие своим правительствам, поддерживающим гитлеровскую экспансию в Центральной Европе. В адрес премьер-министра Великобритании и подобных ему «спасителей мира» было сказано: «Тяжелую ответственность берут на себя те, кто еще сегодня предпринимает неудачные попытки умиротворить агрессора, отдавая ему нас на растерзание. И пусть они не пытаются убедить ни себя, ни всех остальных, что этим они спасают мир. В действительности они лишь на короткое время спасают Гитлера и тем самым приближают войну»²³.

Судьба Чехословакии была решена в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. в Мюнхене, где представители правящих кругов Германии, Великобритании, Франции и Италии (Гитлер, Чемберлен, Даладье и Муссолини) подписали позорное соглашение, по которому Чехословакия прекратила фактически существование в качестве самостоятельного государства. Это соглашение обязывало чехословацкое правительство немедленно выполнить территориальные требования фашистской Германии, а в течение трех последующих месяцев удовлетворить аналогичные притязания Польши и Венгрии²⁴.

Президент Бенеш и чехословацкое буржуазное правительство могли бы отвергнуть позорный диктат. Однако они не встали на путь вооруженного сопротивления гитлеровской Германии и ее западным покровителям, не обратились за помощью к Советскому Союзу. Они предпочли путь капитуляции и предательства.

30 сентября К. Готвальд попытался повлиять на принятые решения. Он посетил президента Бенеша и в ходе беседы выразил несогласие с подчинением мюнхенскому диктату. В ответ на утверждение о том, что сопротивление бесполезно, Готвальд заявил: «Господин президент, я не согласен с Вами! Босые и безоружные абиссинцы защищались, а мы покоряемся. Посмотрите только, как защищается испанский народ. У нас прекрасная армия, народ един. Ведь и остальной мир не мог бы оставить нас в одиночестве. Еще сейчас следовало бы показать нашу силу. Еще не поздно, мюнхенские требования не следовало бы принимать»²⁵.

²³ Там же, с. 303.

²⁴ Там же, с. 329—331.

²⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978, т. 3 (июнь 1934 г.— март 1939 г.), с. 552.

Усилия чехословацких коммунистов предупредить мюнхенскую трагедию, ставшую началом ликвидации всей буржуазно-демократической Чехословакии, не увенчались успехом. Так называемая вторая республика не просуществовала даже полугодом и была ликвидирована гитлеровской Германией в марте 1939 г. Мюнхенский договор расчистил путь фашистской Германии к дальнейшей агрессии в восточном направлении, явился предвестником второй мировой войны.

ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ДИПЛОМАТИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ (по материалам архивов США)

В. Л. МАЛЬКОВ

В буржуазной историографии США устойчиво держится легенда, искажающая подлинную роль западных держав в подготовке мюнхенского сговора. Об этом можно судить и по недавно изданным работам двух довольно известных американских историков. Речь идет о книгах Джона Гэддиса и Роберта Даллека¹.

Сохранение мира любой ценой — вот чем, с точки зрения Гэддиса, руководствовалась дипломатия Вашингтона, Лондона и Парижа накануне Мюнхена. Гэддис претендует на объективность, но кто поверит в искренность его намерений, если мюнхенское предательство выдается им за акт трагической необходимости, за жест отчаяния европейского либерализма, якобы оказавшегося перед лицом неразрешимой дилеммы — либо погибнуть, «растворившись» в антифашистской коалиции во главе с Советским Союзом, либо отдалить агонию «западной цивилизации», сделав еще одну уступку Гитлеру. Прибегая к избитым доводам антикоммунизма, Гэддис в сущности оправдывает вдохновителей мюнхенского сговора, приравнявая их к несчастным жертвам кораблекрушения, ока-

¹ См.: *Gaddis J. L. Russia, The Soviet Union, and the United States: An Interpretive History*. N. Y., 1977; *Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945*. N. Y., 1979.

завшимся во власти стихии, беспомощных и достойных сострадания.

Отдавая дань тенденциозности и предубеждениям, Даллек на страницах своей книги, посвященных предыстории Мюнхена, всего лишь трижды и притом вскользь упоминает Советский Союз, полагая, будто конструктивная роль в европейских делах могла исходить только от Англии и Франции. Умалчивая о длительной и последовательной борьбе Советского Союза за создание системы коллективной безопасности в Европе, Даллек объясняет противоречивость политики Вашингтона хронической немощью европейцев, их нежеланием найти в себе силы противостоять агрессивным державам. В таком толковании суть мюнхенской политики Англии, Франции и США выглядит в абсолютно превратном виде. А для того, чтобы сделать контрастнее тезис о фатальной незащищенности «западной цивилизации» перед лицом враждебных ей сил и неотвратимости трагедии Чехословакии и Польши, Даллек прибегает к дешевому трюку, стремясь с помощью двух-трех враждебных Советскому Союзу сентенций У. Буллита (посла США в СССР, а затем во Франции) создать впечатление о Стране Советов как о ненадежном партнере в политике, несговорчивом и скрытном.

У. Буллит и в самом деле, после того как он оставил в 1936 г. свой пост в Москве, усердно сеял в столицах европейских государств и в Вашингтоне недоверие к СССР, приписывая ему различного рода коварные замыслы².

Однако он не хуже (а может быть, и лучше) других знал, на ком действительно лежит вина за срыв курса политики коллективной безопасности в Европе. Не только знал, но и в свое время призывал к трезвой оценке реальных фактов. Обратимся к документам.

Приехав в конце 1933 г. в Москву, Буллит нашел несостоятельной версию Запада о «кознях» Советского Союза на международной арене и о неискренности его намерений достигнуть договоренности с Англией, Францией и США относительно совместного отпора растущей военной опасности со стороны Германии и Японии. Буллит отверг тогда как необоснованное мнение вашингтонских кругов о том, что деловые контакты с СССР невозможны,

² См.: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971, с. 86—89.

что им якобы мешают какой-то особый политический климат столицы Советской страны и чинимые советскими властями искусственные препятствия. Первопричину всех затруднений он увидел в другом, а именно в специфическом понимании своей миссии персоналом американского посольства в Москве. Шпионаж, организация политических диверсий — вот чем, по словам Буллита, были заняты сотрудники американского посольства, забывая о своем истинном назначении. Что же можно было ждать в ответ, резонно спрашивал тогда Буллит? «Если бы мы направили (в Москву.— *В. М.*) представителей, абсолютно соответствующих их статусу при Советском правительстве, не занимающихся шпионажем и разного рода грязными трюками,— заключал он,— то в этом случае мы могли бы установить такие отношения (с Советским правительством.— *В. М.*), которые, возможно, окажутся очень полезными в будущем»³.

В своем послании президенту Буллит специально подчеркивал, что такой же настрой был присущ всему дипломатическому корпусу, аккредитованному в Москве. Он сообщал: «Социальные или интеллектуальные контакты между советским руководством и дипломатами (западных стран.— *В. М.*) практически не существуют. Отчасти это объясняется склонностью иностранных дипломатов рассматривать себя в качестве шпионов во вражеской стране...»⁴. Красноречивое признание со стороны дипломата, который не только превосходно знал о заинтересованности Советского правительства в улучшении отношений между СССР, с одной стороны, Францией, Англией и США — с другой, но и был способен (во всяком случае в ту пору) здраво судить о том, что же в действительности мешает укреплять доверие и наладить взаимопонимание. Примечательно и то, что обе эти оценки из послания Буллита в официальном издании его переписки с Рузвельтом и в собрании документов дипломатической службы США оказались изъятыми⁵.

³ Franklin Delano Roosevelt Library (далее: FDRL), President's Secretary's File (далее: PSF), Box 67, W. Bullitt to FDR, 1934, 1 Jan.

⁴ Ibid.

⁵ For the President: Personal and Secret. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / Ed. Bullitt Orville H. Boston, 1972, p. 61—73; Foreign Relations of the United States (далее: FRUS). Diplomatic Papers: The Soviet Union, 1933—1939. Wash., 1952, p. 55—62.

И еще два документа, о которых умалчивают в США. Первый — письмо Буллита государственному секретарю, написанное 22 апреля 1934 г., т. е. через четыре дня после заявления японского правительства о плане установления своего контроля над Китаем и вытеснении оттуда Англии, Франции и США. И хотя к этому времени стало очевидно, что непосредственная опасность нападения Японии на Советский Союз миновала, М. М. Литвинов в беседе с Буллитом заявил, что политика умиротворения агрессора и отказ от совместных действий против него со стороны правительства США делают шансы на мир на Дальнем Востоке все более проблематичными⁶. Это означало, что Советский Союз предлагал вернуться к идее Тихоокеанского пакта, не считаясь с выгодами, которые как будто бы ему сулили нейтралитет и положение стороннего наблюдателя.

В реакции Буллита на это заявление явно проглядывали растерянность и смущение. Он был сторонником следования прежним курсом, т. е. отклонения предложений Советского Союза в расчете на то, что это поощрит Японию к антисоветским провокациям и даже к агрессии против СССР. Но принципиальная и последовательная позиция Советского Союза даже на него произвела сильное впечатление. В своих депешах Буллит не утаил то, что Москва настойчиво ищет тесного сотрудничества с США с целью отражения японской экспансии в Азии и устранения угрозы мира в Европе. «Мы сталкиваемся со множеством доказательств того,— сообщал он Рузвельту 5 августа 1934 г.,— что советское руководство прилагает все усилия, чтобы развивать подлинно дружеские отношения с нами...»⁷

Значительный интерес в этом смысле представляет и послание Буллита государственному секретарю К. Халлу от 2 октября 1934 г. В нем посол США, очевидно сам того не желая, засвидетельствовал, что Советский Союз добился значительных успехов в мирном строительстве и в этом смысле располагает всем необходимым для отпора агрессорам. Пропорционально этому возрос и международный авторитет Советского Союза, что вселяло в его руководителей уверенность в возможности создания европейской системы коллективной безопасности. Однако

⁶ FDRL, PSF, Box 67, W. Bullitt to Secretary of State, 1934, 22 Apr.

⁷ Ibid., W. Bullitt to FDR, 1934, 5 Aug.

советская дипломатия постоянно наталкивается на огромные трудности, которые порождены не внутренними причинами («единственно, чем действительно озабочены советские руководители,— это возможностью возникновения войны...»), не какими-то «тайными кознями» и «плохим характером» СССР, а глубокой разобщенностью, которая существовала между ним и западными державами. Чем она была вызвана и кто виновен в ней? На эти вопросы, естественно, Буллит предпочитал не отвечать. Стремясь обеспечить благоприятные условия для своего экономического подъема, сообщал он, Советский Союз непосредственную угрозу своей безопасности видит в Германии — на западе и Японии — на востоке. Заинтересованность Советского Союза в Восточном Локарно, признавал он далее, «объясняется, конечно же, сознанием этой опасности», а не какими-то посторонними причинами. Сама логика фактов подводила Буллита к следующему выводу: «В настоящий момент у русских есть лишь слабые надежды, что они смогут добиться реализации их предложения о создании Восточного Локарно, но они уверены, что достигнут соглашения с Францией и Чехословакией о взаимной защите от агрессии. Если бы Советский Союз оказался в состоянии добиться такого соглашения с Францией и Чехословакией, его руководители могли бы считать безопасность своей страны в разумных пределах обеспеченной»⁸.

Пространное послание Буллита от 2 октября 1934 г., написанное за неделю до убийства Луи Барту, не было опубликовано. Случайно ли это? Разумеется нет. Послание явно выпадало из контекста европейской политики США. После вступления Советского Союза в Лигу наций и улучшения перспектив на заключение советско-французского договора о взаимопомощи (в первую очередь благодаря движению французской общественности)⁹ Буллит и госдепартамент США, оседлав своего любимого антисоветского конька, резко усилили негативную линию в отношении системы коллективной безопасности в Европе. Подогревая подозрительность к СССР и выдвигая вздорные доводы о «советском экспансионизме», американская дипломатия предприняла настойчивые усилия,

⁸ FDRL, PSF, Box 67, W. Bullitt to C. Hull, 1934, 2. Oct.

⁹ Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. М., 1976, с. 208.

чтобы помешать заключению советско-французского договора. Находясь в апреле 1935 г. в Париже, У. Буллит поддерживал постоянные контакты с Лавалем и ободрял его в надежде добиться отказа Франции от идеи советско-французского сотрудничества и переориентации ее целиком на сговор с Германией. В послании Рузвельту от 7 апреля 1935 г. Буллит с удовлетворением отмечал, что Лаваль не сделает Советскому Союзу главной «уступки» — договор не будет предусматривать автоматизма действия обязательств о взаимопомощи¹⁰. Но даже и в этом случае, утверждал Буллит, у США есть основания быть недовольными договором, поскольку-де он давал односторонние выгоды Советскому Союзу, исключая возможность нападения на него Германии и Японии¹¹.

Ностальгия Буллита по временам, когда Советский Союз находился в абсолютной изоляции и когда над ним висела непосредственная угроза войны против объединенного фронта империалистических держав, усиливалась по мере нарастания в капиталистических странах к середине 30-х годов классовой борьбы и движения Народного фронта. Маска показного дружелюбия была сброшена, враждебность госдепартамента и посольства США в Москве удвоилась. Целясь в идею коллективной безопасности, в идею сотрудничества СССР и буржуазно-демократических стран, Буллит намеренно противился достижению взаимоприемлемого для обеих стран соглашения по финансово-экономическим вопросам¹². Отношения между двумя странами еще более ухудшились, когда в августе 1935 г. американский посол выступил с клеветническими заявлениями по поводу решений VII конгресса Коминтерна, содержание которых целиком было подчинено задаче борьбы против войны и фашизма.

Новый посол США в Москве Джозеф Дэвис, сменив на этом посту Буллита в конце 1936 г. и вникнув в суть происходящего в европейских столицах и за кулисами дипломатической сцены, нашел, что процесс попустительства «западных демократий» фашистским агрессорам и натравливания Германии на Советский Союз быстро приближается к критической черте. Обеспокоенный таким

¹⁰ FDRL, PSF, Box 67, W. Bullitt to FDR, 1935, 7 Apr.; 8 Apr.

¹¹ For the President: Personal and Secret, p. 103—106.

¹² Документы внешней политики СССР. М., 1970, т. 16, док. 433; М., 1971, т. 17, док. 19, 117; М., 1972, т. 18, док. 260.

оборотом событий и опасаясь, что они могут выйти из-под контроля «умиротворителей», Дэвис стремился как-то предотвратить сползание в пропасть войны. Самостоятельный анализ европейской политики, сложившегося соотношения сил, позиций сторон убедил его, что идее коллективной безопасности против агрессивных держав при обязательном и равноправном участии Советского Союза не было альтернативы.

Дэвис вел посольский дневник, положенный затем в основу его книги, изданной в 1941 г.¹³ Но по понятным причинам большая часть этого дневника в книгу не вошла. Не была опубликована и частная переписка Дэвиса со многими видными политическими деятелями США, министрами, членами конгресса, лицами из окружения Рузвельта, самим президентом. Эти материалы проливают дополнительный свет на историю мюнхенского сговора и позволяют еще раз убедиться в том, как настойчиво и последовательно, не пасуя перед трудностями и неудачами, искало Советское правительство пути к созданию коллективного фронта защиты мира и предотвращения агрессии и каким разрушительным и опасным для дела мира был курс западных держав.

Первое, что буквально сразу же поразило Дэвиса, — это масштабы мирного народнохозяйственного строительства и готовность Советского правительства держать двери широко открытыми для дружественного сотрудничества СССР и США¹⁴. Москва не выдвигала никаких предварительных условий, если не считать одного — такое сотрудничество должно строиться на взаимном доверии и быть подчинено интересам сохранения всеобщего мира, а не обеспечению безопасности одних стран за счет других. Уже 16 февраля 1937 г. в беседе с Дэвисом нарком иностранных дел СССР откровенно высказал убеждение, что американская политика нейтралитета, заигрывание Англии и Франции с Германией с целью добиться «восстановления дружественных отношений» на практике только разжигают «параноидальное тщеславие Гитлера». В записи Дэвиса заключительная фраза наркома звуча-

¹³ *Davies J. E. Mission to Moscow.* N. Y., 1941.

¹⁴ Library of Congress (далее; LC), Joseph E. Davies Papers, Chronological File, Container 3, Memorandum, 1937, 1 Febr.; Container 4, Memorandum of a Conversation between the Ambassador and a Soviet Official, 1937, 24 March.

ла так: «...Гитлер на марше. Коллективная безопасность — вот та единственная преграда, которая остановит гитлеровский завоевательный „блиц“»¹⁵.

Советский Союз за короткий срок продвинулся далеко вперед по пути прогресса, динамичность его развития превосходит все известное ранее и, может быть, именно поэтому, как ни одна другая страна, он нуждается в прочном мире. К такому выводу пришел Дэвис в результате, как он выражался, «тщательного диагноза русской ситуации», после длительной ознакомительной поездки по стране¹⁶. С другой стороны, уже после первых контактов с ведущими европейскими политиками и дипломатами у него начинает складываться убеждение, что в пассивности и уступчивости Запада Гитлеру была своя система, свой замысел, стремление направить агрессию фашизма на Восток.

Французский посол Кулондр, коснувшись в откровенной беседе с Дэвисом вопроса о дипломатической игре Чемберлена, признал наличие у последнего стремления не допустить Советский Союз к участию в системе «взаимного обеспечения безопасности» в Европе. О возможности «сепаратного» соглашения, сговора Англии и Франции с Германией говорил ему, в частности, лорд Чилстон, английский посол в Москве, подтвердивший одновременно «сильнейшую приверженность и преданность России делу мира»¹⁷. Дэвис не удивился, получив выговор от государственного департамента за то, что по собственной инициативе в начале июля 1937 г. посетил наркома иностранных дел СССР и японского посла Сигемицу и выразил надежду на мирное урегулирование очередного спровоцированного Японией инцидента на Дальнем Востоке¹⁸.

Осенью 1937 г., после того как окончательно стали известны захватнические планы Германии в отношении Австрии и Чехословакии, особую остроту приобрел вопрос о позиции Франции. К тому времени французская дипломатия проделала уже большой путь по дороге капитуляции, хотя время от времени Париж еще и подтверждал

¹⁵ Ibid., Container 4, Diary, 1937, 16 Febr.

¹⁶ Ibid., Container 3, Davies to R. Walton Moore, 1937, 5 Febr.; Container 4, Davies to C. Hall, 1937, 15 March; Davies to Marvin McIntyre, 1937, 15 March.

¹⁷ Ibid., Container 4. Diary, 1937, 24 March (Coulondre); 1937, 24 March.

¹⁸ Ibid., Container 5, Davies to Stephen Early, 1937, 4 July.

свою верность союзническим обязательствам. Именно в это время в переписке и дневнике Дэвиса появляются прямые указания на предательский по отношению к малым странам Европы, и в особенности к Чехословакии, курс Франции и Англии. «Никто здесь не думает,— делает он запись 11 ноября 1937 г.,— что Франция будет воевать из-за Чехословакии. Буллит думает так, но я боюсь, что он сильно ошибается»¹⁹. Речь Чемберлена на заседании палаты общин, состоявшемся 21—22 февраля 1938 г., подтвердила его худшие опасения: фашистский блок одержал важнейшую дипломатическую победу, отступление Англии и Франции приобретало почти панический характер. «В создавшейся ситуации,— писал Дэвис заместителю государственного секретаря Сэмнеру Уэллсу 1 марта 1938 г.,— усилия Чемберлена по умиротворению Муссолини и Гитлера выглядят как триумф фашистского мира»²⁰. Сведения, полученные из самых различных, но чаще всего абсолютно надежных источников информации, подводили Дэвиса к однозначному выводу: судьба малых стран Европы предрешена, а над Советским Союзом нависла угроза остаться в одиночестве, в дипломатической изоляции. «...Несмотря на готовность России присоединиться к Франции и Англии в борьбе против Гитлера,— писал он, ссылаясь на эти источники, председателю сенатской комиссии по иностранным делам сенатору Питтмену,— ей будет в этом отказано Западом...»²¹

30 марта 1938 г. Дэвис имел еще одну беседу с лордом Чилстоном. Ей предшествовали отказ Запада откликнуться на призыв СССР оказать поддержку республиканской Испании, провал Брюссельской конференции, отказ Франции от советско-французского договора²², миссия Галифакса в Берлин и аншлюс Австрии. Каким же в свете этих событий и общих перспектив антисоветского курса Лондона и Парижа виделось послам будущее Европы? Запись Дэвиса гласит: «Состоялся продолжительный разговор с лордом Чилстоном, английским послом, по вопросу о том, что произойдет, если Чемберлену не удастся стабилизировать европейскую ситуацию...

¹⁹ Ibid., Container 6, Journal, 1937, 11 Nov.

²⁰ Ibid., Container 7, Davies to Sumner Welles, 1938, 1 March.

²¹ Ibid., Davies to Key Pittman, 1938, 26 March.

²² Белоусова З. С. Указ. соч., с. 287—289; Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979, с. 162.

В случае, если Англия своей враждебностью оттолкнет Советы и вынудит их занять позицию невмешательства, дабы сохранить мир для своего народа, это обернется для нее самым большим поражением. Будет бедствием, если английское дружелюбие к Гитлеру приведет к такому исходу. Чилстон полагает, что если Лига наций будет обессилена, то Европу ожидает либо мир на фашистский манер, либо мир на основе баланса сил; по его убеждению, только союз Лондона, Парижа и Москвы мог бы противостоять оси Рим—Берлин. Без России Франция и Англия, очень возможно, вынуждены будут подчиниться Гитлеру и Муссолини.

Он предложил, чтобы я вместе с ним обсудил эти проблемы в британском министерстве иностранных дел. Если бы я только мог!

Я чувствую, что он вне себя в связи с позицией своего министерства иностранных дел по этому вопросу. Англичане идут сейчас на огромный риск, своим «ухаживанием» за Гитлером отрезая себя от помощи России тогда, когда в ней возникнет необходимость. Англия потеряет Россию, если не изменит свою тактику»²³.

Дэвис отлично знал, что изложенная выше точка зрения не популярна в госдепартаменте США, так же как и в британском Форин оффисе. В тот момент в США велась инспирированная разными источниками отчаянная антисоветская пропаганда²⁴, и дипломатические чиновники в Вашингтоне (за немногим исключением) саботировали любое разумное предложение, направленное на организацию коллективной безопасности с участием Советского Союза. Дэвис не мог положиться и на своих непосредственных подчиненных — сотрудников американского посольства в Москве: подавляющее большинство из них не разделяло его взглядов. Таким образом, если сохранялась надежда на изменение позиции американской администрации, то для этого существовал только один путь — не страшась идти против течения, говорить Белому дому правду о Советском Союзе, о том, чем грозит миру и интересам самих Соединенных Штатов политика натравливания Германии и Японии на СССР, политика сговора за

²³ LC, Joseph E. Davies Papers, Chronological File, Container 7, Diary, 1938, 30 March.

²⁴ См.: ДВП СССР, т. 20, с. 658; т. 21. с. 53, 54, 192.

его спиной с силами фашизма. Дэвис выбирает этот путь²⁵.

В результате анализа широкого спектра вопросов — от стратегии умиротворения агрессоров до оценки военно-промышленного потенциала СССР — Дэвис приходит к определенным выводам, которые он изложил в послании Марвину Макинтайру, секретарю президента. Дэвис отослал его 4 апреля 1938 г., будучи абсолютно уверенным, что оно попадет на стол президенту²⁶. На черновом наброске документа есть пометка «просьба познакомиться с этим „босса“»²⁷. Приводим выдержки из этого своеобразного диагноза-прогноза: «Фашистские державы намереваются изолировать Советский Союз и подвергнуть его карантину, используя жупел коммунистической угрозы... Они заметно преуспели в этом в Европе и во всем мире и продолжают ту же линию. Конечно, это подрывает возможность образования блока Лондон — Париж — Москва в качестве силы, способной поддерживать европейское равновесие. Делая ставку на успех плана Чемберлена, европейские демократии подвергают себя огромному риску. Если действия Чемберлена не увенчаются успехом, Европа, за исключением Англии и Советского Союза, окажется во власти фашизма. Плачевным итогом для Англии обернется ее попытка добиться согласия Германии и Италии использовать Средиземноморье в качестве транспортной артерии в Индию.

Эта попытка изоляции России, по всей видимости, чревата более серьезными последствиями для западных

²⁵ Нельзя недооценивать отрицательное влияние на позицию Белого дома и средств массовой информации деятельности многих «экспертов» по русским делам, таких, как У. Буллит, Л. Гендерсон, Келли и др. 13 апреля 1938 г. посол СССР в США А. Трояновский писал наркому иностранных дел СССР: «Все больше и больше накапливается материалов о злонамеренной деятельности Буллита. Мне сегодня передавали, что он оказал большое влияние фантастическими рассказами на позицию нью-йоркской газеты «Ивнинг пост», считавшейся за последнее время единственной прогрессивной газетой в Нью-Йорке. Сейчас она заняла очень враждебную нам позицию. Сейчас он (Буллит.— В. М.) находится в Вашингтоне, я с ним не встречался. Рузвельт все еще доверяет Буллиту и часто находится под его влиянием» (ДВП СССР, т. 24, с. 192, 193).

²⁶ FDRL, President's Personal File, Folder 1381. Joseph E. Davies to Marvin H. McIntyre, 1938, 4 Apr.

²⁷ LC, Joseph E. Davies Papers, Chronological File, Container 7. Davies to Marvin H. MacIntyre, 1938, 4 Apr.

демократий, чем для Советского Союза. Официальные представители Советского правительства дают понять, что они относятся к такому развитию событий хладнокровно, хотя и выражают сожаление по поводу его негативных последствий для дела коллективной безопасности и мира во всем мире. Бесспорно, они твердо уверены в способности их страны защитить себя... Они относятся к Соединенным Штатам более дружественно, чем к любой другой стране. Они говорят об этом и практически доказали это. Как руководители Советского Союза, так и народ испытывают чувство уважения к президенту Рузвельту.

Когда в Европе говорят о том, что существующий в Советском Союзе режим в политическом отношении слаб, а в экономическом терпит фиаско, то там просто желаемое выдают за действительное. Нет никаких оснований верить всему этому... Таково единодушное мнение самых лучших дипломатических наблюдателей в этой стране... Между тем демократические страны Европы и всего мира, похоже, оказывают поддержку фашистским странам в их попытке изолировать Советский Союз несмотря на то, что он обладает огромным мирным потенциалом... и экономически находится на пути превращения в гигантский фактор международной жизни.

По мере того как развиваются события в этом обезумевшем мире, я все больше убеждаюсь, что когда-нибудь демократические страны с восторгом прибегнут к дружбе, помощи и преданности делу мира, которые Советское правительство в случае возникновения очередного международного кризиса могло бы предложить им»²⁸.

В конце октября 1938 г., уже находясь в Брюсселе, где он занял свой новый пост посла США в Бельгии, Дэвис в частном письме своему другу оценил Мюнхен как постыдную попытку Англии спастись самой даже ценой раздела Европы на сферы влияния с Гитлером и Муссолини. Дэвис не скрыл, что позиция Соединенных Штатов также не заслуживает похвалы. «Конечно,— писал он 29 октября 1938 г.,— с нашей стороны было бы неприлично критиковать поведение Англии и Франции за провал попыток сохранить статус-кво, ибо мы сами отказались принять на себя свою долю ответственности. Мы не имеем права на критику, поскольку вина лежит и на нас»²⁹.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid., Container 9, Davies to Lord Davies, 1938, 29 Oct.

Важно отметить, что с самого начала Дэвис отверг главный аргумент тех, кто утверждал, что западные державы не могут решиться на совместный отпор Гитлеру только потому, что СССР в военном отношении был не готов оказать им реальную помощь в случае, если бы пришлось вступить в войну из-за Чехословакии. Еще 10 июля 1937 г. он писал М. Макинтайру: «Враги этой страны недооценивают мощь Красной Армии и силу Советского правительства, и это плохое предзнаменование для мира. Судя по всему, военная партия в Японии именно сейчас проверяет правильность своего предположения о слабости Красной Армии на Востоке»³⁰. Дэвис имел в виду антисоветские провокации японской военщины на Дальнем Востоке и, трезво взвешивая силы сторон, приходил к убеждению, что Советский Союз сумеет постоять за себя. Новая запись 28 июля 1937 г. лаконична, но еще более выразительна: «Исходя из личных наблюдений, я говорю, что советская индустрия в случае войны удивит Запад»³¹.

Хорошо осведомленный о позиции западных держав в период нарастания чехословацкого кризиса, Дэвис в середине сентября 1938 г. информировал Вашингтон о том, что всякая реальная военная помощь Чехословакии со стороны Англии и Франции фактически исключена, какие бы условия Германия ни выдвигала. Показные жесты, отмечал Дэвис, не в счет, они не помешают Гитлеру «утихомирить» Чехословакию³². Напротив, до самого последнего момента Дэвис не сомневался в готовности СССР оказать всю возможную военную помощь Чехословакии.

Большой интерес в этой же связи представляют материалы из фонда Филипа Феймонвилла, военного атташе США в Москве в 1933—1939 гг., хранящиеся в архивном фонде Г. Гопкинса в Гайд-парке. Знающий и авторитетный военный специалист, Феймонвилл информировал военное министерство США о высоком уровне боеготовности Красной Армии и военно-промышленного

³⁰ FDRL, PPF, Folder 1381, Joseph F. Davies to Marvin McIntyre, 1937, 10 July.

³¹ LC, Joseph E. Davies Papers, Chronological File, Container 5, «Importance of Industry to Defence», 1937, 28 July.

³² Ibid., Container 9, Davies to Milliard Tydings, 1938, 15 Sept.

потенциала СССР. В начале сентября 1938 г. им был подготовлен секретный доклад, переданный в Вашингтон, с оценкой советской позиции в чехословацком вопросе. Феймонвилл отослал доклад 15 сентября в день, когда Чемберлен прибыл в Берхтесгаден для переговоров с Гитлером.

Приводим документ с небольшими сокращениями.

«I. Самые существенные моменты, касающиеся отношения советского военного руководства к кризису в Центральной Европе (на 17 часов 15 сентября 1938 г.), представляются следующими.

1. Советское правительство и командование Красной Армии твердо придерживаются взятых ими на себя обязательств по советско-чехословацкому пакту о взаимопомощи и открыто заявляют о своей готовности выполнить их, если Чехословакия подвергнется нападению Германии.

2. Хотя условия соглашения не предусматривают оказания помощи Советским Союзом Чехословакии в случае, если Франция откажется от своих обязательств по франко-чехословацкому пакту, советские военные руководители высказываются в пользу оказания помощи Чехословакии независимо от Франции...

3. Советские военные руководители открыто критикуют политику Англии и, похоже, убеждены, что миссия Ренсимена направлена на то, чтобы создать такое положение, которое бы облегчило отторжение Судетской области от Чехословакии.

4. Весьма вероятно, что в случае нападения на Чехословакию Красная Армия немедленно окажет ей помощь путем посылки авиационных частей, могущих действовать с баз на территории Чехословакии, число предназначенных для этого самолетов, конечно, невозможно точно установить, но предположительно 200 средних бомбардировщиков могут быть использованы для этой цели.

5. Сухопутные силы, направляемые из Советского Союза в Чехословакию, могли бы быть готовы к выполнению своей миссии по прошествии нескольких недель после начала военных действий. Считают, что за это время позиция Польши и Румынии станет более ясной, что и даст возможность решить вопрос о том, какое направление

следует избрать для прохода советских сухопутных сил в Чехословакию...»³³.

Хорошо известно, как реагировал официальный Вашингтон на мюнхенское предательство. 30 сентября 1938 г. государственный секретарь Хэлл заявил, что мюнхенская конференция вызвала «всеобщее чувство облегчения»³⁴. Дэвис оценил ее результаты противоположным образом, он видел в них шаг к войне. «Все очень плохо,— писал он пресс-секретарю Белого дома Стиву Эрли.— Мюнхен по всем данным мог быть предотвращен... если бы Англия, Франция и Россия создали Западный и Восточный оборонительный военный союз против оси Берлин — Рим»³⁵. Дэвис только догадывался о подлинных мотивах мюнхенского сговора, а также срыва Англией и Францией московских переговоров летом 1939 г. Чаще всего он склонен был винить Чемберлена в просчетах дипломатического характера³⁶. Суть дела, конечно, не в этих просчетах. «Западные демократии» хотели взаимоуничтожения СССР и Германии. Здесь лежали подлинные истоки трагедии. Новые документы неопровержимо это подтверждают.

³³ FDRL, Harry L. Hopkins Papers, Container 190, Folder: Eastern European Branch, vol. 2 (10 Febr.—20 Dec. 1938). G-2 Report, Subject: Foreign Affairs — General. Central European Crisis (Документ рассекречен в мае 1973 г.).

³⁴ Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979, с. 337.

³⁵ LC, Joseph E. Davies Papers. Chronological File, Container 9, Davies to Stephen T. Early. 1938, 7 Oct.

³⁶ Ibid., Container 10, Davies to Stephen T. Early, 1939, 11 Sept.

ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ПОЗИЦИЯ США

Л. В. ПОЗДЕЕВА

В этой статье не ставится задача проследить внешнеполитическую деятельность США на всех этапах развития европейского кризиса¹. Рассмотрим лишь вопрос об отношении американского правительства к таким событиям, как мюнхенское соглашение и захват фашистской Германией Чехословакии.

Характерно, что в буржуазной историографии США до сих пор преобладает стремление к оправданию политики «невмешательства», а фактически поощрения агрессоров, которую проводили США². Но некоторые буржуазные исследователи, обращаясь к предыстории второй мировой войны, пытаются более объективно осветить роль

¹ Об анализе классовой сущности, целей и характера политики США в Европе во второй половине 30-х годов см.: *Аругюнов Ю. В.* Роль американской дипломатии в организации Мюнхенской конференции 1938 года.— *Вопр. истории*, 1958, № 2; *Мельников Ю. М.* США и гитлеровская Германия, 1933—1939 гг. М., 1959; *Иноземцев Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960, гл. III; *Очерки новой и новейшей истории США* / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1960, т. 2, гл. 5; *Багурин М.* США и Мюнхен: (Из истории американской внешней политики, 1937—1938 гг.). М., 1961; *Попов В. И.* Соединенные Штаты Америки и англо-франко-советские переговоры 1939 года.— *Вопр. истории*, 1963, № 1; *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1965, с. 302—327; *Наджафов Д. Г.* Народ США — против войны и фашизма, 1933—1939. М., 1969; *Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф.* Новейшая история США, 1917—1972 гг. М., 1972, с. 117—123; *Цветков Г. Н.* Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. Киев, 1973.

² О критике официальной американской интерпретации внешнеполитического курса США в канун войны см.: *Марушкин Б. И.* Борьба по вопросам внешней политики Рузвельта в буржуазной историографии США (1933—1945 гг.).— *Новая и новейшая история*, 1965, № 2; *Попов В. И.* Буржуазная историография Англии и США об англо-франко-советских переговорах 1939 года.— В кн.: *Против фальсификации истории второй мировой войны*. М., 1964, с. 109—163; *Наджафов Д. Г.* Критика концепции «изоляционизма» в американской буржуазной историографии второй мировой войны.— Там же, с. 34—108; *Ржешевский О. А.* Война и история: (Буржуазная историография США о второй мировой войне). М., 1976, с. 109—118; *Яковлев Н. Н.* Год 1939-й: взгляд 40 лет спустя.— *Вопр. истории*, 1979, № 8.

США в международных делах, хотя и замалчивают по-прежнему антисоветскую направленность их политики. В 1933—1941 гг., как утверждает, например, профессор Бостонского университета А. Оффнер, американское правительство сделало «сравнительно мало» для того, чтобы приостановить агрессию Японии в Азии, а Германии в Европе³. В случае с Чехословакией и с подготовкой Мюнхенской конференции, приходит он к выводу, американская дипломатия проявила так же мало дальновидности, как и дипломатия других западных государств. В Вашингтоне не осознали, что на карту была поставлена вся система европейской безопасности; что речь шла о подчинении Восточной Европы экономическому и политическому господству Германии; что Советский Союз вынуждался к изменению своей внешней политики⁴.

Весьма своеобразно оценивается предвоенная политика США в трудах английского историка Д. Уатта. Он проводит параллель между американской политикой, с одной стороны, и англо-французской — с другой, и, оправдывая курс умиротворения, раскрывает в то же время подлинные цели администрации демократов. Д. Уатт показывает, что заместитель государственного секретаря С. Уэллес определенно поддерживал усилия Н. Чемберлена, направленные на достижение соглашения с европейскими странами «оси». Фактическое одобрение Вашингтона получили англо-итальянское соглашение 1938 г. и позиция Великобритании во время чехословацкого кризиса. Американская роль на первых стадиях этого кризиса, весной и летом 1938 г., мало чем отличалась от роли прямых участников переговоров с рейхом. Ко времени Мюнхенской конференции, заключает Д. Уатт, президент Ф. Рузвельт проводил ту же, что и англо-французские лидеры, политику умиротворения⁵.

Едва ли можно говорить о полной аналогии в политике тогдашних руководителей США и Великобритании. Имя Н. Чемберлена по праву стоит первым в списке «умиротворителей». Оно ассоциируется с политикой пре-

³ *Offner A. A. America and the Origins of World War II, 1933—1941. Boston, 1971, p. VII.*

⁴ *Offner A. A. American Appeasement. United States Foreign Policy and Germany, 1933—1938. Cambridge (Mass.), 1969, p. 278—279.*

⁵ *Watt D. Roosevelt and Neville Chamberlain: Two Appeasers.—International Journal, 1973, vol. 28, N 2, p. 185—186, 198.*

ступных уступок фашистским государствам и антисоветизма и с ее бесславным итогом, поставившим Англию на порог национальной катастрофы. Ф. Рузвельт вошел в историю как инициатор буржуазных реформ, которые укрепили положение монополистического капитала США⁶. Затем он выступил — опять-таки в интересах американского капитализма — одним из основателей антифашистской коалиции. Позиция Ф. Рузвельта в международных кризисах 1938—1939 гг., следовательно, не может исследоваться в отрыве от всего комплекса внутренних проблем «нового курса» и эволюции его внешнеполитической платформы в 1933—1945 гг.

Вместе с тем, обращаясь к периоду кануна второй мировой войны, нельзя не видеть противоречивости и непоследовательности политического курса США. С одной стороны, представляя на высшем государственном уровне «интернационалистское» крыло правящего класса США, Ф. Рузвельт сделал ряд заявлений, которые объективно служили интересам сплочения антифашистских сил («карантинная» речь и т. д.). В вопросе об отношениях с СССР он придерживался линии более реалистической, нежели линия большинства профессиональных американских дипломатов и советников (например, при определении курса американской политики в связи с подготовкой и осуществлением агрессии Германии против СССР).

Ф. Рузвельт бесспорно понимал, какую угрозу США представляют государства-агрессоры. Поэтому в узком кругу он осуждал уступки в их пользу, критиковал Чемберлена. 16 сентября 1938 г. например, когда британский премьер вылетел в Берхтесгаден на переговоры с Гитлером, президент говорил членам кабинета, что Чемберлен — за мир любой ценой, что Англия и Франция бросят Чехословакию на произвол судьбы⁷.

В окружении Белого дома, в государственном департаменте имелись противники соглашения с фашистскими странами. У. Додд (посол США в Германии в 1933—1937 гг.) настоятельно доказывал необходимость сопротивления требованиям Гитлера. Дж. Мессерсмит (помощ-

⁶ Мальков В. Л. «Новый курс» в США: Социальные движения и социальная политика. М., 1973; Мальков В. Л., Наджафов Д. Г. Америка на перепутье: Очерк социально-политической истории «нового курса» в США. М., 1967.

⁷ Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. N. Y., 1979, p. 163—164.

ник государственного секретаря с 1937 г.) находился в числе тех, кто, видимо, понял тщетность иллюзий о возможности надежного соглашения с ним. Германия, предостерег он в феврале 1938 г. Рузвельта и Хэлла, захватит Австрию, а спустя короткий срок и Чехословакию, не встретив серьезного сопротивления западных держав⁸. Уступки Гитлеру Мессерсмит расценивал как поощрение планов германской экспансии, в том числе в Новом Свете⁹. Убежденным противником нацизма являлся Г. Гопкинс. На заседании кабинета 27 сентября 1938 г. он высказался против увещевания Гитлера с помощью президентских посланий, считал этот метод бесполезным и опасным¹⁰. К более активным мерам в отношении «третьего рейха» президента побуждали министры финансов (Г. Моргентгау) и внутренних дел (Г. Икес). На платформе решительного осуждения фашизма и немецко-фашистской агрессии стоял Дж. Дэвис, один из наиболее последовательных сторонников сближения с СССР. И после того как по инициативе госдепартамента Дэвис в июне 1938 г. был отозван с поста посла в СССР, он продолжал энергично отстаивать необходимость улучшения американо-советских отношений.

Следует иметь в виду, однако, что взгляды этих государственных деятелей и дипломатов (не считая разве Додда и Дэвиса) замыкались стенами «малого кабинета» Рузвельта. «В важных вопросах каждый раз решающее слово оставалось за силами или обстоятельствами, одобрявшими политику умиротворения»¹¹.

Накануне и в дни Мюнхена американское правительство, формально не участвуя в переговорах, фактически содействовало расчленению Чехословакии. Оно не проявило подлинного интереса к установлению сотрудничества с СССР для противодействия немецко-фашистскому агрессору. Определенный параллелизм действий Рузвельта и Чемберлена, таким образом, имел место.

Президент США дважды, 26 и 27 сентября 1938 г., предпринимал дипломатические демарши, хотя к этому

⁸ Foreign Relations of the United States (далее: FRUS), 1938. Wash., 1952, vol. 1, p. 17—24 (Мессерсмит — Хэлли, 1938, 18 февр.).

⁹ Ibid., p. 704—707 (Мессерсмит — Хэлли, 1938, 29 сент.).

¹⁰ Мальков В. Л. Гарри Гопкинс: страницы политической биографии. — Новая и новейшая история, 1979, № 3, с. 109.

¹¹ Offner A. A. The Origins of the Second World War: American Foreign Policy and World Politics, 1917—1941. N. Y., 1975, p. 109.

моменту со всей очевидностью подтвердилась готовность англо-французских лидеров капитулировать перед фашистским главарем. В личном послании Гитлеру и президенту Э. Бенешу (26 сентября) Рузвельт призывал продолжить переговоры для достижения «мирного, справедливого и конструктивного решения спорных вопросов». Белый дом адресовал аналогичные послания правительствам Великобритании, Франции, Польши и Венгрии, воздержавшись, впрочем, от передачи послания в Москву¹². Вечером 27 сентября Ф. Рузвельт направил второе послание Гитлеру, предлагая созвать международную конференцию заинтересованных стран для мирного решения «спора о Судетской области»¹³.

28 сентября Советское правительство было нотой информировано американским правительством о втором послании Ф. Рузвельта и приглашено «немедленно обратиться с подобным же призывом к Германии и Чехословакии от собственного лица»¹⁴. Характерно, что при этом американское правительство не упоминало о своей идее международной конференции и не приглашало Советское правительство принять в ней участие. Советское правительство в своем ответе, переданном в тот же день (28 сентября) временному поверенному в делах США в СССР А. Керку, положительно комментировало предложение об оказании содействия предупреждению войны и о мирном разрешении возникшего конфликта. Оно подчеркнуло, что считает немедленный созыв международной конференции наиболее эффективным средством для осуществления данной цели. Правительство СССР заявляло, что оно «готово и в настоящий момент поддержать выдвигаемое правительством США предложение о созыве международной конференции и принять в последней активное участие»¹⁵.

Но эта советская позиция не получила поддержки. Лишь после того как в Вашингтоне было неожиданно получено сообщение о созыве конференции с участием представителей четырех государств (Англии, Франции, Германии и Италии), секретарь президента Эрли заявил прессе, что, упоминая во втором послании Гитлеру о

¹² Документы по истории мюнхенского сговора, 1937—1939. М., 1979, с. 298—299.

¹³ Цветков Г. Н. Указ. соч., с. 133.

¹⁴ Документы по истории мюнхенского сговора, с. 307.

¹⁵ Там же, с. 310—311.

конференции «наиболее непосредственно затронутых» стран, Рузвельт имел в виду Чехословакию, Германию, Польшу, Венгрию, Англию, Францию, СССР и Италию¹⁶. Это запоздалое уточнение было чисто символическим. На деле не широкая международная конференция, а ее вариант с ограниченным числом участников, без СССР и стран Восточной Европы больше всего устраивал в тот момент и дипломатическое руководство, и деловые круги США. Характерно, что американская биржа реагировала повышением курса акций на известие о созыве конференции в Мюнхене¹⁷. В Вашингтоне, свидетельствуют американские авторы, была одобрена готовность Чемберлена на проведение четырехсторонней встречи; Мюнхенская конференция проходила без участия Чехословакии и СССР¹⁸. В дипломатических архивах нет никаких данных о том, что помощники президента осуждали мюнхенское соглашение. Напротив, имеются доказательства обратного¹⁹. 30 сентября К. Хэлл официально объявил представителям прессы, что результаты этой конференции вызывают «всеобщее чувство облегчения»²⁰.

Известно, что и на последующих стадиях дипломатической подготовки войны официальные круги Вашингтона не изменили принципиальным образом свое отношение к ходу событий в Европе. Правительство США не признало, правда, захват нацистами Чехословакии в марте 1939 г., но отказалось осудить этот наглый акт агрессии. Президент 14 апреля 1939 г. вновь предложил свои услуги «добротного посредничества» Гитлеру и Муссолини. Он просил их заверений в том, что вооруженные силы Германии и Италии в течение по крайней мере 10 лет не совершат нападения на перечисленные в послании 31 государство Европы и Ближнего Востока. В первоначальном тексте послания Советский Союз в списке этих государств не числился²¹.

Весной и летом 1939 г. США продолжали избегать каких-либо акций и заявлений, которые могли бы оказать

¹⁶ Там же, с. 308.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Dallek R. *Op. cit.*, p. 166.

¹⁹ *Offner A. American Appeasement*, p. 268.

²⁰ *FRUS*, 1938, vol. 1, p. 703.

²¹ *Langer W. L., Gleason S. E. The Challenge to Isolation: The World Crisis of 1937—1940 and American Foreign Policy*. N. Y., 1952, p. 66—68, 84—85.

серьезное позитивное влияние на международную обстановку и предотвратить войну. Они не выступили в пользу создания коллективного антифашистского фронта государств и не поддержали переговоры СССР с Англией и Францией, на которых СССР стремился к достижению этой цели²². В период от Мюнхена и до нападения Германии на Польшу США продолжали по существу мюнхенский курс политики в Европе.

Чем можно объяснить, что американское правительство в ответственный момент отказалось от оказания воздействия на фашистские страны и на англо-французские правящие круги? Почему огромные материальные ресурсы и политико-дипломатические возможности Америки не были использованы в интересах пресечения агрессии и предотвращения войны?

Немаловажное значение, безусловно, имели внутривнутриполитические факторы. К концу 30-х годов правительство Рузвельта под давлением реакционных монополистических кругов постепенно отходило от «нового курса»²³. Но «внутренние» аспекты все еще поглощали основное внимание администрации демократов. Приоритет проблем внутренней политики, как считают некоторые авторы, сохранялся по крайней мере до 1939 г.²⁴

Колебания Рузвельта, его постоянные отступления и половинчатые акции на международной арене во многом определялись расстановкой партийно-политических сил и обструкционистской позицией американского конгресса. Зависимость Рузвельта от реакционных кругов возросла после состоявшихся осенью 1938 г. выборов в конгресс, в итоге которых блок республиканцев и правых демократов получил возможность саботировать любые начинания президента. Отмечая этот факт, временный поверенный в делах СССР в США телеграфировал 11 ноября 1938 г. в Народный комиссариат иностранных дел: «Устойчивого прогрессивного большинства у Рузвельта в сенате не было и до сих пор, но не было и устойчивой реакционной коалиции, которая сейчас вырисовывается»²⁵.

Конгресс США действительно ограничивал свободу

²² Ibid. Op. cit., p. 128.

²³ Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Указ. соч., с. 116.

²⁴ Offner A. A. The Origins of the Second World War, p. 104.

²⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971, с. 76.

действий президента во внешнеполитической сфере и сдерживал его попытки к более решительным шагам против стран-агрессоров. В этом смысле можно, пожалуй, говорить о Рузвельте как о «скованном интернационалисте»²⁶. Однако это не дает оснований оправдывать довоенную политику США ссылками на традиционный «изоляционизм» американского народа. Между тем именно «настроением страны» У. Лангер и С. Глисон «объясняют» домюнхенский и послемюнхенский курс США в Европе. С конца 1938 г. Рузвельт, по их словам, осознал опасность европейской ситуации, но избегал затрагивать эту тему в своих публичных выступлениях и не пытался использовать свое влияние для решительного поворота общественного мнения²⁷.

Напомним в этой связи, что ко времени Мюнхена общественное мнение Америки в значительной своей части, включая передовые отряды рабочего движения, совершило такой поворот независимо от Белого дома и даже вопреки ему. Правительство же США «действовало не в соответствии, а вразрез с антифашистскими настроениями американских масс»²⁸.

Политику невмешательства США ряд западных авторов связывают с неурегулированным состоянием американо-английских отношений, с обострившимися в середине 30-х годов противоречиями обеих стран в финансово-экономической сфере, с недоверием американского руководства к целям британской политики в Европе и на Дальнем Востоке²⁹.

Характер американо-английских отношений необходимо, конечно, принимать во внимание при исследовании политики США в канун войны. Но не эти отношения определяли позицию Вашингтона в ходе чехословацкого кризиса.

Представляется целесообразным подчеркнуть в этой связи следующие моменты.

1. Мотивы промюнхенской политики США: американо-

²⁶ *Junker D.* Der unteilbare Weltmarkt: Das ökonomische Interesse in der Aussenpolitik der USA (1933—1941). Stuttgart, 1975, S. 179.

²⁷ *Langer W. L., Gleason S. E.* Op. cit., p. 38—39.

²⁸ *Наджафов Д. Г.* Европейская политика США.— В кн.: Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979, с. 305.

²⁹ *Henson E. L.* Britain, America, and the Month of Munich.— *International Relations*, L., 1962, vol. 2, N 5, p. 291; *Offner A. A.* The Origins of the Second World War, p. XIII, 106—107.

ская политика отказа от противодействия немецко-фашистскому агрессору, так же как британская и французская политика, имела ярко выраженную классовую направленность; антикоммунизм был главным стимулом поисков урегулирования отношений с Германией за счет СССР и стран Восточной Европы. Влиятельные правящие группировки США, и прежде всего крайне правый фланг изоляционистских сил, откровенно делали ставку на войну Германии против Советского Союза.

Антисоветская направленность американской политики с достаточной уже полнотой раскрыта в марксистской историографии. Интересно отметить, что в последние годы и некоторые буржуазные авторы, рассматривая позицию США на протяжении европейского предвоенного кризиса, связывают его трагический финал с «холодной» атмосферой американско-советских отношений конца 30-х годов с тем негативным влиянием, которое на формирование политики США в Европе оказали определенные круги правящей верхушки США³⁰.

Антисоветизм «русских» экспертов госдепартамента и большей части его руководства явились причиной того, что США, так же как Англия и Франция, не отошли от стремления изолировать на международной арене Советское государство и не поддержали его предложение о совместном выступлении в защиту Чехословакии. Отмечая этот факт, бывший заместитель главного обвинителя США на Нюрнбергском процессе Тэлфорд Тэйлор напоминает, что английское правительство дважды отвергло советское предложение о совместном обсуждении военных аспектов ситуации; «в своих политических решениях Чемберлен и его коллеги просто-напросто игнорировали Советский Союз»³¹. В период между аннлюсом и Мюнхеном, пишет американский историк М. Тецфер, СССР проявлял готовность противодействовать Германии в Восточной Европе и предпринимал дипломатические и

³⁰ *Knipping F.* Die amerikanische Russlandpolitik in der Zeit des Hitler — Stalin Pakts. 1939—1941. Tübingen, 1974, S. 26.

³¹ *Taylor T.* Munich: The Price of Peace. N. Y., 1979, p. 842—843. Англо-французская советофобия, признает другой американский автор, предопределила необычайно заниженную оценку советских возможностей и дипломатическую изоляцию СССР на протяжении чехословацкого кризиса. См.: *Toepfer M.* Preconceptions: American Governmental Attitudes towards the Soviet Union during the 1938 Czechoslovakian Crisis. Ann Arbor (Mich.), 1976, p. 36.

воспные шаги, направленные к усилению своих обязательств, но западные страны отказались включить Советский Союз в число великих держав. «Британское правительство подвергло Советское правительство почти полному ostracismu. В Вашингтоне государственный департамент склонен был поддержать французскую и британскую политику исключения СССР». Такая позиция, делает вывод Топфер, была обусловлена в первую очередь предубеждениями, ложными представлениями США о Советском Союзе³². Таким образом, еще раз подтверждается, что именно настроения антисоветизма и антикоммунизма оказали решающее влияние на американскую политику в период Мюнхена. Объективные же, трезвые оценки «русского фактора» в процессе выработки этой политики не учитывались³³.

Весной и летом 1939 г. недостоверная информация, основанная на антипатии к СССР и предвзятых, заниженных оценках советской мощи и возможностей, продолжала распространяться в Вашингтоне, что сыграло немаловажную роль в определении позиции незаинтересованности США в успешном исходе советско-англо-французских переговоров. На практике эта позиция содействовала срыву переговоров³⁴. Наиболее активные американские сторонники «умиротворения» Германии категорически отвергали, как это видно из дневников помощника государственного секретаря А. Берла, идею сотрудничества с СССР. Ссылаясь на военную «слабость» Советской страны, советские планы «политического проникновения», Берл доказывал невозможность и нежелательность для США в достижении соглашения с СССР³⁵. На антисоветских домыслах строились документы госдепартамента, которые подкрепляли нежелание правительств Англии

³² *Тоepfer M.* Op. cit., p. 101.

³³ 22 сентября 1938 г. военный атташе в СССР Ф. Феймонвилл направил в Вашингтон оптимистический вывод о состоянии военного потенциала СССР. По непонятным причинам этот документ дошел до места своего назначения только через месяц. См.: *Тоepfer M.* Op. cit., p. 47.

³⁴ *Попов В. И.* Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). М., 1965, с. 456—458; *Яковлев Н. Н.* Последние дни мира. Август 1939 года.— В кн.: Против фальсификации истории второй мировой войны, с. 195—196.

³⁵ См. меморандум А. Берла от 2 апреля 1939 г.: *Navigating the Rapids, 1918—1971. From the Papers of Adolf A. Berle / Ed. B. B. Berle, T. V. Jacobs.* N. Y., 1973, p. 210.

и Франции заключать эффективный союз с СССР³⁶.

2. Устойчивость доктрины «невмешательства» во внешней политике США, ее сущность и особенности в послевоенный период. Важнейшей основой предвоенной американской политики являлось законодательство о нейтралитете 1935—1937 гг. Оно сохранялось в силе и весной и летом 1939 г. В Вашингтоне хотели либо вообще уклониться от прямой военной конфронтации с Германией, переложив борьбу с ней на другие страны, в частности направить фашистскую агрессию против СССР, либо максимально оттянуть к выгоде США момент вступления в вооруженное противоборство.

Акты о нейтралитете представляли своеобразную, американскую разновидность политики попустительства агрессии. Правда, с начала 1939 г. администрация демократов, обеспокоенная явным усилением «третьего рейха», предпринимала усилия с целью сдержать его экспансию в сторону западных держав. Президент испросил у конгресса и получил крупную сумму на вооружения, он решил также атаковать закон о нейтралитете в интересах миролюбивых народов и большей свободы действий для себя лично³⁷. К марту в конгресс США было внесено 33 различных предложения об изменениях в законодательстве о нейтралитете. Предпринимались меры к тому, чтобы обеспечить Англии и Франции в случае войны с Германией поставки вооружения из-за океана. Такое изменение законодательства, телеграфировал 10 мая 1939 г. Буллит государственному секретарю, «лишило бы Риббентропа всякой возможности убедить Гитлера пойти на риск немедленного развязывания войны»³⁸. Но из-за сопротивления изоляционистского блока в конгрессе, нежелания Белого дома вступать с ним в борьбу и сказать свое решительное слово никаких изменений произведено не было. Правительство США, таким образом, оказалось не в состоянии использовать весьма эффективное средство для оказания давления на рейх и противодействия ему³⁹. Это сыграло на руку фашистской Германии,

³⁶ См. меморандум Л. Гендерсона от 1 июля 1939 г.: FRUS. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933—1939. Wash., 1952, p. 773—775.

³⁷ «Военные ассигнования Рузвельта укрепили национальную мощь страны... но не международный мир» (Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт — человек и политик, с. 316—318).

³⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны, с. 390.

³⁹ Langer W. L., Gleason S. E. Op. cit., p. 50, 80—81.

которая поглотила Чехословакию и готовилась к новым захватам в Восточной Европе, не ожидая контрмер со стороны западных держав.

Некоторые историки склонны игнорировать то обстоятельство, что позиция конгресса США весной и летом 1939 г. имела поощрительный для фашистского агрессора смысл и объективно способствовала развязыванию войны. Р. Даллек и прочие отрицают связь между американским законодательством о нейтралитете и гитлеровскими планами войны против Польши. «Несмотря на всю уверенность Рузвельта, которую широко разделяли за рубежом, в том, что отмена эмбарго на оружие явится значительным шагом в пользу мира, статус закона о нейтралитете не оказывал почти никакого влияния на непосредственный ход европейских событий»⁴⁰.

Следует напомнить, что Рузвельт на пресс-конференции 7 марта 1939 г. расценил законодательство о нейтралитете как не содействовавшее делу мира, а в одном из последующих выступлений отметил, что «эмбарго на экспорт оружия действительно содействовало ускорению возникновения войны в Европе в результате поощрения, которое оно давало агрессивным странам»⁴¹.

Политика невмешательства Америки не означала ее отхода от европейских и международных дел, отказа от планов мировой гегемонии. Речь не шла о добровольных уступках державам «оси» в регионах, которые считались наиболее важными для системы экономического, политического и военного господства США. Американский автор Ф. Адамс, изучив операции Экспортно-импортного банка США в 1934—1939 гг., делает вывод: «Усиление правительственного участия в международных делах... означало, что Соединенные Штаты не проводили политику изоляционизма, если под этим подразумевать устранение с мировой арены»⁴².

Североамериканские монополии не только готовились к будущей борьбе с главными своими конкурентами (Германией, Японией), но и при поддержке государства оказывали им энергичное противодействие. К 1938 г. наци-

⁴⁰ *Dallek R.* Op. cit., p. 192.

⁴¹ Цит. по кн.: СССР в борьбе за мир накануне войны, с. 662.

⁴² *Adams F. C.* Economic Diplomacy: The Export — Import Bank and American Foreign Policy, 1934—1939. University of Missouri Press, 1976, p. VII—VIII.

стский рейх в погоне за сырьем для военной промышленности и за рынками сбыта заметно усилил свои экономические позиции в ущерб англосаксонским странам. В Латинской Америке американо-германское соперничество приобрело особую остроту, не доходя, впрочем, до торговой войны. Одна из причин состояла в том, что монополии США, вложив солидные суммы в немецкую экономику и будучи тесно объединены с Германией картельными связями, во избежание контрмер не шли на разрыв с ней. Руководитель европейского отдела госдепартамента Д. Моффат после визита к нему вице-президента «Дженерал моторс» Эдгара Смита записал в своем дневнике в феврале 1939 г.: «Он думает всегда и прежде всего о крупных инвестициях, которые „Дженерал моторс“ сделал в Германии и которые сейчас заблокированы...»⁴³.

После Мюнхена нацисты еще более открыто требуют «жизненного пространства» и рынков сбыта; антагонизм Германии и США в Латинской Америке усиливается⁴⁴.

Правительство США, опасаясь распространения немецкой экономической и политической экспансии, срочно укрепляло военную мощь США, стремилось средствами финансово-торговой политики оградить свои интересы, особенно в Западном полушарии. Были предоставлены дополнительно займы и кредиты латиноамериканским странам, включая кредит Экспортно-импортного банка в 10 млн. долл. корпорации «Интернэшнл телефон энд телеграф» для расширения сети ее филиалов в Южной Америке⁴⁵.

Соотношение «континентального» и «восточноевропейского» аспектов в политике правительства США можно определить по ряду источников. Сошлемся на выдержки из опубликованных дневников помощника государственного секретаря США А. Берла, относящиеся к сентябрю 1938 г. и к марту 1939 г.

На заключительной стадии чехословацкого кризиса в государственном департаменте шли непрерывные совещания. 21 сентября 1938 г. тогдашние правители Чехосло-

⁴³ *Junker D.* Op. cit., S. 104.

⁴⁴ *Schröder H.-J.* Deutschland und die Vereinigten Staaten, 1933—1939: Wirtschaft und Politik in der Entwicklung des deutsch-amerikanischen Gegensatzes. Wiesbaden, 1970, S. 257—258, 261.

⁴⁵ *Adams F. C.* Op. cit., p. 207—208.

ваки приняли англо-французский ультиматум о подчинении требованиям Гитлера — К. Хэлл, Д. Моффат, А. Берл и Данн, обсудив ситуацию, согласились с тем, что американское правительство не должно ничего предпринимать и «держаться в стороне». В тот же день Берл в беседе с посланником США в Доминиканской Республике Г. Норвебом обсуждал вопрос об укреплении американских позиций в странах Латинской Америки. Допускалась вероятность того, что в результате акции Гитлера против Чехословакии нацистская пропаганда в Западном полушарии усилится. «Мы должны быть готовы к защите», — резюмировал Берл⁴⁶.

Характерна в этой связи и позиция США весной 1939 г. в связи с вторжением вермахта в Прагу. 15 марта, после получения известия об аннексии Чехии и Моравии, руководство госдепартамента обсуждало вопрос о возможном разрыве дипломатических отношений США с Германией. Против этого шага выступили Моффат, Данн, Берл. Примечательно, что заместитель государственного секретаря С. Уэллес счел необходимым затронуть проблему отношений США со странами Южной Америки. Присутствовавшие на конференции согласились: «Если мы будем бездействовать, германский престиж может возрасти»⁴⁷. В конце концов после серии совещаний американское правительство приняло 22 марта решение не признавать захвата нацистами Чехословакии, но и не разрывать отношения с Германией. В дневнике Берла после изложения обстоятельств принятия этого решения записано: «По оценке ситуации на данный момент Германия находится в движении главным образом на Восток»⁴⁸.

Итак, отказ от действий, направленных на сдерживание немецко-фашистских захватчиков в Восточной Европе, поощрение германской агрессии против СССР, с одной стороны, и активные антигерманские меры в Западном полушарии — с другой, — таковы были главные составные элементы позиции Вашингтона.

В заключение следует подчеркнуть, что при оценке политики правительства и Ф. Рузвельта во время чехословацкого кризиса 1938—1939 гг. нельзя, разумеется, не

⁴⁶ Berle A. A. Navigating the Rapids, 1918—1971, p. 186.

⁴⁷ Ibid., p. 200.

⁴⁸ Ibid., p. 201—202.

учитывать известные заявления президента США, сделанные в июне 1941 г., содержание Вашингтонской Декларации Объединенных Наций 1 января 1942 г. и ряд других документов антигитлеровской коалиции. Но остается фактом и то, что в 1938—1939 гг. решающего поворота в американо-советских взаимоотношениях, в подходе США к проблемам участия в коллективном отпоре фашистской агрессии, к сожалению, не произошло.

МОСКОВСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1939 г. (ретроспективная оценка и новые документы)

О. А. РЖЕШЕВСКИЙ

Политические и военные переговоры между СССР, Англией и Францией, проходившие в Москве в апреле — августе 1939 г., занимают особое место в истории борьбы Советского Союза за создание системы коллективной безопасности, пресечение фашистской агрессии и предотвращение второй мировой войны. Это объясняется следующими причинами: во-первых, переговоры происходили в критической обстановке стремительного нарастания угрозы развязывания войны фашистской Германией, от их исхода зависела как судьба мира в Европе, так и расстановка сил в случае начала войны; во-вторых, переговоры велись на фундаментальной основе предложенного Советским Союзом конкретного взаимовыгодного плана создания военно-политического союза между СССР, Англией и Францией, который обеспечивал защиту мира, жизненных интересов всех государств и народов, противостоявших фашистской агрессии. Конструктивный подход западных держав к советским предложениям открывал бы перспективу предотвращения второй мировой войны; их отклонение делало войну неотвратимой.

История Московских переговоров, являясь составной частью диаметрально противоположных концепций происхождения второй мировой войны, продолжает привлекать большое внимание как исследователей-марксистов¹,

¹ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, Т. 5, кн. 1; История второй мировой войны, 1939—1945. М., 1974. Т. 2; История внешней политики СССР, 1917—1976. М., 1980.

так и буржуазных ученых². В марксистских трудах, объективно и обстоятельно раскрывающих историю Московских переговоров, показывается, что английское и французское правительства, руководствуясь своими классовыми позициями и стремясь втянуть СССР в войну с Германией, не соглашались и не согласились на заключение с СССР договора, основанного на взаимности обязательств всех его участников и в конечном итоге, когда до нападения Германии на Польшу оставались буквально считанные дни, завели переговоры в окончательный тупик. «Было ясно, указывают советские исследователи, что переговоры с Советским Союзом, равно как и гарантии Польше и другим странам,— это для Англии только „резерв-

- Т. 1. 1917—1945; СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933—1945. М., 1976; 60 лет борьбы СССР за мир и безопасность. М., 1979; Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979; *Панкрашова М., Сиполс В.* Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года. (Документальный обзор). М., 1970; *Андросов И. Ю.* Накануне второй мировой войны.— *Вопр. истории*, 1972, № 9—10; *Жилин П. А.* Проблемы военной истории. М., 1975; *Овсянный И. Д.* На пороге войны.— *Новая и новейшая история*, 1971, № 1—2; *Он же.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975; *Он же.* Последние дни мира: Как была развязана империалистами вторая мировая война. М., 1981; *Чикваидзе А. Д.* Английский кабинет накануне второй мировой войны. Тбилиси, 1976; *Фомин В. Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне, сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1978; *Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979; *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии: Ист. очерк. М., 1980; *Максимычев И. Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны: Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933—1939 годах. М., 1981; *Севостьянов П. П.* Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 — июль 1941. М., 1981; *Deutschland im zweiten Weltkrieg.* В., 1974. Bd. 1; *Wojna Obronna Polski*, 1939. W-wa, 1979; *Сирков Д.* Внешняя политика на България, 1938—1941. С., 1979; *Bourderon R.* La «Drôle de guerre»: Pourquoi? — *La Pensée*, 1980, N 211; и др.
- ² См.: *Мосли Л.* Утраченное время: Пер. с англ. М., 1972; *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война: Пер. с англ. М., 1976; *Beaufre A.* Le drame 1940. P., 1965; *Parkinson R.* The Origins of World War Two. N. Y., 1970; *Aster S.* The Making of the Second World War. L., 1973; *The Road to World War II: A Documentary History* / Ed. K. Eubank. N. Y., 1973; *Gibbs N.* Grand Strategy. L., 1976. Vol. 1; *Thorne C.* Allies of a Kind. L., 1978; *Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. 1; *Sommer 1939: Die Grossmächte und der europäische Krieg.* Stuttgart, 1979; *Taylor T.* Munich: the Price of Peace. Garden City (N. Y.), 1979; *Noël L.* La guerre de 39 a commencé 4 ans plus tôt. P., 1979; etc.

ные средства⁴ для давления на гитлеровцев с целью добиться с ними сделки. Именно с этой целью и вели в Москве англичане и французы разговоры о военной конвенции, надеясь этим сделать Гитлера более стоворчивым в переговорах с Англией»³. Раскрывая классовые истоки англо-французской политики, активно поддержанной правящими кругами США, советские историки отмечают: «Действуя коварно и вероломно, западные державы всеми средствами давали понять Гитлеру, что у Советского государства нет союзников и Германия может напасть на Польшу, а затем на СССР, не рискуя встретить противодействие со стороны Англии и Франции»⁴.

В трудах советских исследователей раскрывается последовательная борьба Коммунистической партии и Советского правительства, советской дипломатии за заключение договора о взаимопомощи с Англией и Францией, подчеркивается, что, продолжая проводить свою миролюбивую политику, «важнейшим принципом которой был тезис о неделимости мира, СССР развернул активную деятельность с целью объединения усилий всех миролюбивых государств в деле защиты мира и обуздания фашистской агрессии»⁵.

Весьма противоречивую картину представляет собой буржуазная историография, как правило трактующая Московские переговоры в антисоветском духе. Следует отметить отдельные элементы объективной оценки Московских переговоров. Советский Союз, пишет директор Института современной истории Страсбургского университета Ж. Барьети, «со всей серьезностью отнесся к этим решающим переговорам...». Однако, продолжает он, СССР «относился с глубоким недоверием к истинному стремлению Запада заключить с ним соглашение»⁶, хотя хорошо известно, что «истинного стремления» у стран Запада как раз и не было. Более категорична одна из оценок английского профессора Л. Кетнейкера: «Если бы Лондон 18 апреля⁷ безотлагательно и без оговорок заявил о своей готовности принять советское предложение о сою-

³ История внешней политики СССР, т. 1, с. 379.

⁴ История второй мировой войны, 1939—1945, т. 2, с. 150.

⁵ Европа в международных отношениях, с. 380.

⁶ Le Monde, 1976, 25 аbüt.

⁷ 17 апреля 1939 г. Советское правительство внесло конкретные предложения, направленные на заключение трехстороннего договора о взаимопомощи.

зе и продемонстрировал серьезное отношение к принципу коллективной безопасности в Европе, тогда бы, вероятно, мог возникнуть „фронт мира“. Эта важная сторона опыта заставила Черчилля уже 22 июня 1941 г., в первый день немецкого наступления на Востоке, протянуть СССР руку для заключения союза»⁸.

Источниковая база проблемы весьма обширна. В СССР опубликовано наиболее полное собрание документов и материалов, посвященных переговорам⁹. Немало сборников опубликовано в Великобритании, США, Франции и ФРГ¹⁰. Среди зарубежных архивных источников большое внимание исследователей привлекли рассекреченные несколько лет назад документы Государственного архива Великобритании (Public Record Office). И не случайно. Из Лондона осуществлялось фактическое руководство действиями как английской, так и французской стороны.

⁸ *Kettenaker L.* Die Diplomatie der Ohnmacht.— In: Sommer 1939: Die Grossmächte und der europäische Krieg, S. 268.

⁹ Фальсификаторы истории: (Историческая справка). М., 1948; Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1948. Т. 2. Архив Дирксена (1938—1939); Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.— *Международ. жизнь*, 1959, № 2—3; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971; Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937—1939. М., 1980. Т. 2. Январь — август 1939 г. См. также: *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964; *Попов В. И.* Буржуазная историография Англии и США об англо-франко-советских переговорах 1939 г.— В кн.: Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1964; *Кузнецов Н. Г.* Упущенные возможности (о переговорах военных миссий СССР, Англии, Франции в августе 1939 г.).— Новая и новейшая история, 1969, № 6; *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. М., 1971; *Земсков И.* Это никогда не должно повториться.— *Коммунист*, 1979, № 13; *Кобляков И. К.* Политический кризис в Европе 1939 года.— В кн.: Европа в международных отношениях; *Безыменский Л. А.* Новые материалы о переговорах Вильсона — Вольтата (лето 1939 г.).— Новая и новейшая история, 1979, № 1; *Тихвинский С. Л.* Борьба СССР за мир накануне второй мировой войны.— *Вопр. истории*, 1980, № 3.

¹⁰ Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (далее: DBFP) Ser. 3. L., 1954. Vol. 6—7; Documents on German Foreign Policy (далее: DGFP). Ser. D. Wash., 1950. Vol. 3; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее: FRUS), 1939. Wash., 1956, Vol. 1; Documents diplomatiques, 1938—1939. P., 1939; Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945 (далее: ADAP). Ser. D. Baden-Baden. 1956. Bd. 6. См. также: Lord Strang. Home and Abroad. L., 1956; The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey, 1937—1940. L., 1970; etc.

Там же ранее был разработан сценарий Московских переговоров. Советскими историками проведена большая и плодотворная работа по изучению английских архивных документов. В 70-е годы обстоятельный анализ советских и зарубежных документов, относящихся к Московским переговорам, был проведен в трудах И. Н. Земскова, С. Л. Тихвинского, П. А. Жилина, И. К. Коблякова, М. А. Панкрашовой и В. Я. Сиполса, И. Д. Остоя-Овсяного, А. Д. Чикваидзе.

Остановимся несколько подробнее на отдельных документах английского архива, как правило замалчиваемых буржуазной историографией и еще не получивших достаточного освещения в советской литературе.

Несомненный интерес для выяснения позиций английского правительства на Московских переговорах представляют протоколы заседаний комитета по иностранным делам английского кабинета от 9 и 20 июня 1939 г. Протоколы этих заседаний указывают, что, во-первых, английское правительство знало о решимости СССР заключить трехстороннее соглашение; во-вторых, отдавало себе отчет в том, что срыв переговоров приведет к войне; и, в-третьих, что затеянная им игра в переговоры создает «грозную опасность» заключения договора между Германией и СССР. «Архитекторы» политики подталкивания фашистской агрессии против СССР заявляли:

Чемберлен: «Русские всеми силами стремятся к заключению соглашения, но хотят добиться его наилучших условий»¹¹. *Галифакс*: «Информация из многих источников указывает на необходимость... заключить соглашение с Россией, так как в противном случае создавшаяся обстановка может способствовать тому, что Гитлер предпримет насильственные акции»¹². *Галифакс*: «Заклучив соглашение с Россией, мы оградили бы себя на некоторое время от более грозной опасности—вероятного соглашения между Германией и Россией и обеспечили бы безопасность Польши. Ясно, что Россия заинтересована в сохранении независимости Польши и не желает, чтобы Польша была уничтожена»¹³.

Эти очевидные истины лишь констатировались. На практике курс английского правительства был прямо противо-

¹¹ Public Record Office (далее: PRO), F. O. 371/23071, p. 240.

¹² Ibid., p. 240.

¹³ Ibid., p. 42.

положным и отражал стремление правящих кругов Англии и Франции использовать Московские переговоры как средство давления на Германию. Творцы мюнхенской политики рассчитывали достигнуть сделки с Германией и ценой предательства Польши вывести германские армии к границам СССР в надежде, что фашистская агрессия получит далее «свое естественное развитие». В кругу своих сообщников британский премьер этого не скрывал. Он рассуждал, что если Польша и другие страны, которым Англия и Франция выдали «гарантии», не получат их помощи (в действительности так и произошло), то «весьма вероятно, что эти страны будут захвачены и Германия окажется на русских границах»¹⁴.

Ход Московских переговоров обсуждался английским кабинетом (на заседаниях кабинета министров, в различных комитетах, подкомитетах и т. д.) неоднократно. Эти обсуждения свидетельствуют, что основные усилия направлялись для изыскания различного рода проволок, а затем и срыва переговоров, но с таким расчетом, чтобы взвалить вину за это на СССР¹⁵. При рассмотрении же возможных вариантов договора с СССР британские лидеры недвусмысленно заявляли о своем намерении в случае нападения Германии на СССР отказаться от выполнения договора, т. е. оставить Советское государство один на один с фашистской коалицией. Ориентируя на это членов кабинета, Галифакс заявил 21 июня: «Если русское правительство вздумает заставить нашу страну воевать за фантастические цели, здравый смысл проявится сам по себе»¹⁶. Нагнетая антисоветскую атмосферу вокруг переговоров, Чемберлен твердил, что «все, касающееся союза с Россией, он рассматривает с большим предчувствием беды», абсолютно не верит в «прочность России», сомневается в ее способности оказать помощь в случае войны»¹⁷. Он называл договор с СССР «камнем на шее», который «может висеть много лет и привести к тому, что даже сыновьям придется воевать за русские

¹⁴ Ibid., p. 50.

¹⁵ Подробнее об основных вопросах, обсуждавшихся в ходе политических переговоров (принципах и характере взаимопомощи, гарантиях Прибалтийским странам, косвенной агрессии и др.), см.: История дипломатии. М., 1965, т. 3, с. 759—798, а также ранее указанную литературу.

¹⁶ PRO, Cab. 23/100, p. 5.

¹⁷ Ibid., Cab. 23/99, p. 275—276.

интересы»¹⁸. Ему вторили послушные министры. Лорд Чэтфилд, министр по координации обороны, имевший непосредственное отношение к руководству действиями английской делегации на Московских переговорах, «выразил надежду, что коллеги поймут, с каким отвращением он вынужден рассматривать возможность союза с Советами»¹⁹.

В середине июля английская и французская стороны завели политические переговоры в тупик. Согласившись признать принцип взаимопомощи между тремя державами, английское правительство затем сорвало завершение переговоров о предоставлении гарантий трех держав Прибалтийским странам, выступило против того, чтобы гарантии распространялись на такого рода случаи косвенной агрессии, как это только что (в марте 1939 г.) имело место в Чехословакии, на территорию которой германские войска были введены с согласия тогдашнего ее президента Гаха. В условиях, когда у власти в Прибалтийских странах находились профашистские правительства, необходимость гарантий безопасности этим странам имела существенное значение для безопасности СССР и своевременного пресечения германской агрессии.

Тем временем угроза войны в Европе продолжала стремительно нарастать. В поддержку заключения договора с СССР выступали широкие слои населения в Англии и Франции, а также реалистически мыслявшие деятели правящих кругов этих стран. Характерно, что если осенью 1938 г., по данным зарубежных источников, «общественное мнение» Франции одобрило мюнхенское соглашение 53% голосов против 37% (остальные воздержались), то летом 1939 г. 76% опрошенных высказались за применение силы в случае агрессии Германии против Польши и 81% — за союз Франции с СССР²⁰. Руководитель английских коммунистов Г. Поллит писал в июле 1939 г.: «87% населения Англии хотят заключения пакта с Советским Союзом. Почему? Да потому, что они прежде всего хотят предотвратить войну и понимают, что эффективнее всего этого можно добиться, объединив свои силы с сила-

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid., Cab. 24/286, p. 309.

²⁰ *Ageron Ch.-R. L'opinion publique française pendant les crises internationales des septembre 1937 et juillet 1939.* — Cahiers de l'Institut d'Histoire de la presse et de l'opinion, 1978, N 3, p. 214, 217—218.

ми великой и могущественной страны, которая за последние тревожные годы неоднократно показывала, что у нее нет никаких воинственных замыслов и что она искренне готова прийти на помощь своим союзникам, заключившим с ней договор о коллективной безопасности, если они подвергнутся нападению бешеных фашистских псов»²¹.

25 июля англо-французская сторона приняла советское предложение о проведении переговоров с целью заключения военной конвенции. Несмотря на это, политические установки Чемберлена и его окружения в ходе военных переговоров, состоявшихся в Москве 12—21 августа 1939 г., оставались неизменными. Как известно, по решению Политбюро ЦК ВКП(б) советскую военную делегацию (военную миссию) было поручено возглавить народному комиссару обороны Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову. Советская делегация была уполномочена не только вести переговоры, но и подписать военную конвенцию с Англией и Францией против агрессии в Европе. Делегации же Англии и Франции были представлены второстепенными лицами (английскую миссию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член военного совета генерал Ж. Думенк) и не имели полномочий на подписание военного соглашения, причем английская делегация не имела письменных полномочий и на ведение переговоров²².

Как свидетельствуют английские документы, перед Р. Драксом была поставлена деликатная и неблагодарная задача — тянуть время, т. е. по существу сорвать военные переговоры. В инструкции для английской делегации, врученной Драксу в Лондоне, указывалось, что «британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при любых обстоятельствах»²³. Дракс однозначно понимал свою задачу, но относительно способов ее решения у него возникли большие сомнения. Обсуждению данного вопроса было посвящено заседание комитета имперской обороны 2 августа 1939 г., т. е. за

²¹ Поллит Г. Избр. статьи и речи: Пер. с англ. М., 1955, с. 345.

²² Подробнее см.: Андреева М., Дмитриева К. К военным переговорам СССР, Англии и Франции в 1939 году.— *Международ. жизнь*, 1959, № 2.

²³ Подробнее см.: Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 257.

три дня до отъезда английской и французской делегаций в СССР. В заседании участвовали министр иностранных дел Э. Галифакс, министр по координации обороны адмирал А. Чэтфилд, военный министр Л. Хор-Белиша, адмирал Дракс и др.

Приведем с небольшими сокращениями стенограмму этого заседания:

«Штабные переговоры с Россией.

Лорд Чэтфилд спросил, нет ли у членов делегации каких-либо вопросов по инструкциям, которые они получили.

Адмирал Дракс сказал, что у него есть несколько вопросов, по которым он бы хотел получить более детальное разъяснение.

Во-первых, считалось, что задачей миссии является скорее быстрое достижение решения, нежели затягивание переговоров на неопределенное время, и что конечной целью являлось достижение политического соглашения. С другой стороны, исходя из полученных им инструкций²⁴, она до какого-то времени должна вести переговоры медленно и осторожно, пока не будет достигнуто политическое соглашение. В этом могут быть некоторые затруднения, поскольку, вероятно, русские будут надеяться на определенные ощутимые результаты от военных переговоров прежде, чем они будут готовы дать свое окончательное согласие на заключение политического пакта.

Лорд Галифакс согласен с этим. Он разделяет мнение о том, что у миссии крайне сложная задача. Действительно, очень трудно вести политические переговоры в полном отрыве от военных переговоров... При беглом рассмотрении инструкции создается мнение, что позиция, занятая делегацией на переговорах при строгом соблюдении буквы инструкции, вызовет немало подозрений в умах русских...

Адмирал Дракс обратил внимание присутствующих на длинный перечень вопросов в приложении III к инструкциям, которые предлагалось, по возможности, поставить перед русским Генеральным штабом. Было бы невозможно поставить эти вопросы перед ним, если сами не будем

²⁴ Имеется в виду секретная инструкция английской военной делегации на переговорах в Москве. Подробнее см.: *Жилин П. А.* Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (расчеты и просчеты). М., 1966.

готовы дать сведения в ответ на аналогичные вопросы, которые могут быть поставлены русским Генеральным штабом. Например, в инструкциях ему предлагается внушить русским желательность поставки ими военных материалов Польше, Румынии и Турции. Русские вполне могут указать, что они уже поставляют военные материалы в Китай, и просить их распространить поставки и на три другие страны — это просить о слишком многом²⁵.

Хор-Белиша заметил, что на такой довод очень хорошо можно было бы ответить, что мы, англичане, не в состоянии поставлять военные материалы Польше в условиях войны... Можно было бы также отметить, что Россия недавно значительно расширила свои производственные возможности...

Лорд Галифакс сказал, что делегации следует основывать свои доводы на гипотезе, что во время войны как Румыния, так и Польша будут только и желать, чтобы получить помощь от русских. Любое предложение, чтобы мы договорились с поляками насчет такой помощи и координировали ее, следует, однако, отвергать с твердостью и предложить, чтобы Россия сама вступила в прямой контакт как с Польшей, так и Румынией. Мы не желаем оказаться вовлеченными в переговоры между русскими и поляками или между русскими и румынами.

*Генерал Хейвуд*²⁶ сказал, что, как он полагает, русский штаб может связать нашу делегацию вопросом о

²⁵ Ответы на «аналогичные вопросы» действительно представляли трудность для Дракса, как, впрочем, и сама их постановка, связанная, например, с заданием установить боеспособность Советских Вооруженных Сил. Вот некоторые вопросы, которые предписывалось выяснить западным союзникам:

— Смогут ли советские бомбардировщики действовать против Германии непосредственно с территории СССР или им придется базироваться в Польше и Румынии?

— Какой военно-морской политики предполагает придерживаться Советский Союз на Балтике и Белом море? Каким образом он сможет действовать против германского торгового флота или транспортировки немецких войск морским путем в этих зонах?

— Каковы спецификации авиационного бензина в СССР? и т. п.
Германский посол в Лондоне Дирксен, осведомленный о настроениях британских правительственных кругов, сообщал в Берлин, что английская «военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения» (История второй мировой войны, 1939—1945, т. 2, с. 143).

²⁶ Один из членов английской военной миссии, направленной на переговоры в Москву.

косвенной агрессии²⁷. Подход к этому вопросу может принять форму рассмотрения специфичного случая, который упоминается в параграфе 54 наших инструкций²⁸. Они могут попросить нашу делегацию высказать точку зрения относительно мер, какие приняла бы Великобритания в случае германской агрессии против Венгрии. Если этот случай будет поставлен на рассмотрение, то какую позицию следует занять нашей делегации?

*Моррисон*²⁹ предложил не возражать против обсуждения военных планов на чисто гипотетической основе. От политических аспектов обсуждения такого вопроса, разумеется, следует уклоняться, делегация всегда может сослаться на то, что такой вопрос находится за рамками военных переговоров.

Адмирал Дракс спросил, нельзя ли получить через нашего посла в Москве заверения до приезда туда нашей делегации, что мы будем иметь дело непосредственно с

²⁷ Вопрос о гарантиях против косвенной агрессии был поставлен французской стороной (Э. Даладьё) и отражал стремление Франции обеспечить безопасность своих восточных границ. Советское правительство с пониманием отнеслось к мнению премьер-министра Франции. Оно рассматривало гарантии против косвенной агрессии как важное условие трехстороннего договора, обеспечивавшее ему необходимую надежность. Такие гарантии имели большое значение и для Советского Союза. На основе взаимной договоренности Англии, Франции и СССР необходимо было исключить возможность использования территории Прибалтийских стран в качестве плацдарма для нападения Германии на Советский Союз. СССР разработал четкое и ясное понятие «косвенной агрессии». «Выражение „косвенная агрессия“, — указывалось в предложениях Советского правительства от 9 июля 1939 г., — относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон, следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета» (СССР в борьбе за мир..., с. 486—487). Однако в ходе дальнейших переговоров выяснилось, что Англия и Франция стремятся протащить такое определение косвенной агрессии, которое не только не гарантировало совместные действия трех держав, но и открывало захватчику ворота для агрессии против СССР. Позиция Англии и Франции по вопросу о косвенной агрессии указывала на их нежелание заключать с СССР трехстороннее соглашение и явилась одной из причин, которые привели к срыву переговоров.

²⁸ Параграфом 54 инструкции предусматривалось «выяснить мнение русских относительно венгерской армии».

²⁹ Канцлер герцогства Ланкастерского.

руководителями видов вооруженных сил. По мнению Дракса, будет исключительно неблагоприятно, если делегации придется вести переговоры с подчиненными офицерами, которые будут вынуждены постоянно обращаться за советами к своим начальникам...

Лорд Галифакс взял на себя задачу довести до посла его в-ва просьбу, чтобы последний сделал все возможное для положительного решения тех вопросов, которые были высказаны адмиралом Драксом...

Лорд Чэтфилд спросил, можно ли сделать заключение, что комитет начальников штабов подтверждает детали, изложенные в инструкции.

Представители Комитета начальников штабов подписью подтвердили свое согласие с деталями инструкции...³⁰

Разъяснения, полученные Драксом, подтверждают, что английская сторона была более чем далека от намерений достигнуть соглашения с СССР. О заключении военной конвенции речи вообще не велось. Драксу рекомендовали обсуждать военные планы «на чисто гипотетической основе». Усилия британской дипломатии прежде всего сосредоточивались на том, чтобы найти способы замаскировать подлинные цели, с которыми английская и французская делегации направлялись на переговоры, как-то «выкрутиться» при ответах на вопросы советской стороны по существу дела. В недвусмысленных выражениях Галифакс определил то, что могло быть использовано для срыва переговоров — «с твердостью отвергать» любое предложение об участии Англии и Франции в согласовании необходимых мер по защите от германской агрессии с Польшей и Румынией, что и было исполнено Драксом, хотя и в несколько изменившейся обстановке.

В Москве западные делегации ожидала иная атмосфера. Приведем ее оценку, сделанную английским послом в Москве У. Сидсом в письме на имя Галифакса, направленном 17 августа. Сидс безоговорочно отмечает гостеприимство и расположение, проявленное советской стороной по отношению к западным миссиям во всех без исключения случаях. Он далее сообщает, что «маршал Ворошилов, которого я ранее не встречал... оставил самое лучшее впечатление своей доброжелательностью и энергией. Он, видимо, действительно был рад встрече с миссией». «Первое официальное заседание,— подчеркива-

³⁰ PRO, F. O. 371/23072, p. 98—100.

ет Сидс,— состоялось в субботу утром 12 августа в Министерстве обороны, несмотря на то что это был „выходной день“»³¹.

Именно в этот день выяснилось, что у английской делегации нет официальных полномочий на ведение переговоров. Напомним диалог по этому поводу между главами советской и английской делегаций:

«Маршал К. Е. Ворошилов... Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут закончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи... Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров...

Адм. Дракс заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия... Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компанией»³².

Вечером 12 августа Дракс направил Чэтфилду следующую телеграмму: «На первом заседании сегодня русские делегаты предъявили документ, поименно предоставляющий пяти советским офицерам чрезвычайные полномочия с правом подписания (конвенции.— *О. Р.*). Ворошилов надеялся, что у нас имеются аналогичные полномочия. Французский генерал³³ заявил, что он имеет полномочия вести переговоры, но не подписывать (конвенцию.— *О. Р.*), и предъявил документ, подписанный Э. Даладьё, уполномочивающий его «вести переговоры с Главным командованием Советских Вооруженных Сил по всем вопросам, касающимся сотрудничества, необходимого между вооруженными силами двух стран». Англичане не имеют письменных полномочий. Я заявил, что это можно быстро исправить и что мы получим полномочия, аналогичные французским. Пожалуйста, вышлите их авиапочтой. Очень важно, чтобы были поименно названы три члена британской (делегации.— *О. Р.*).

³¹ Ibid., p. 35—39.

³² СССР в борьбе за мир..., с. 545—546.

³³ Имеется в виду глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк.

Ворошилов предложил, чтобы, пока мы ожидаем полномочий, переговоры продолжались. Русские настаивают и с этим согласились все, чтобы сохранялась абсолютная секретность переговоров в части, касающейся прессы, до тех пор пока не будет подготовлено согласованное заявление. Я прошу, чтобы это соблюдалось и в отношении данной телеграммы³⁴. Поэтому французский посол и генерал в данный момент не направляют доклада в Париж»³⁵.

С полномочиями в Лондоне возились довольно долго. Лишь 15 августа их подготовили к отправке. В документе, подписанном Галифаксом, указывалось, что адмирал Р. Дракс, генерал-майор Т. Хейвуд и маршал авиации Ч. Барнетт уполномочены «вести переговоры с Главным командованием Вооруженных Сил Союза Советских Социалистических Республик по всем вопросам, касающимся сотрудничества между Вооруженными Силами Союза и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии»³⁶. Как видно, полномочий на подписание военной конвенции английской военной делегации предоставлено не было.

Когда по приезде Дракса в английском посольстве в Москве ознакомились с полученными им инструкциями, то британским дипломатам также стала очевидной противоречивость инструкций и неясность целей, которые Лондон хотел достичь военными переговорами. Сидс направил вечером 12 августа в Лондон тревожную телеграмму:

«Письменные инструкции, полученные адмиралом Драксом, как видно, предусматривают, что военные переговоры должны вестись медленно, до тех пор пока не

³⁴ Секретность — очевидное условие подобных переговоров. Тем не менее английская сторона постоянно нарушала это условие, что еще более осложняло переговоры. Сидс писал в Форин оффис 3 августа (письмо было получено 24 августа): «Мое положение как лица, ведущего переговоры, вновь и вновь оказывается неестественно трудным из-за целого ряда неблагоприятностей и утечки информации... Я не жалею на случаи или обстоятельства, которые находятся за пределами контроля правительства... Но я оказываюсь в невероятном положении перед Молотовым, когда, например, лондонская газета публикует наши предложения о секретном приложении к договору почти в тот самый момент, когда я предлагаю это Советскому правительству...» (PRO, F. O. 371/23070, p. 167—168).

³⁵ Ibid., p. 179.

³⁶ Ibid., p. 183.

достигнуто соглашение по более важным политическим вопросам. Я сказал ему, что, с моей точки зрения, разделяемой французским послом, господин Молотов со своей стороны, видимо, будет избегать какого-либо соглашения с нами по этим политическим аспектам, до тех пор пока у него не будет оснований быть уверенным в том, что в военных переговорах хотя бы достигнут заметный прогресс.

При таких условиях я полагаю, что военные переговоры вряд ли приведут к каким-либо результатам за исключением того, что они вновь возбудят сомнения в нашей искренности и в желании заключить конкретное и определенное соглашение.

С другой стороны, французский генерал получил инструкции приложить усилия к заключению военного соглашения в возможно короткие сроки и совершенно ясно, что его инструкции не соответствуют тем, которые даны адмиралу Драксу.

Я буду благодарен, если как можно раньше получу информацию о том, действительно ли правительство желает прогресса в военных переговорах или только смутных заявлений общего характера, поставленных в зависимость от предварительного соглашения по проблеме «косвенной агрессии». Я глубоко сожалею, если именно таково решение правительства, поскольку все свидетельствует о том, что советские участники переговоров относятся к ним действительно по-деловому»³⁷.

Правительство Великобритании не желало прогресса в переговорах. В то время как советская делегация предложила обстоятельный и конкретный план координации военных усилий трех держав, направленный на пресечение германской агрессии, западные делегации вели отвлеченные дискуссии³⁸. Стремление западных держав к соглашению, которое поставило бы СССР под удар немецко-фашистских армий, стало очевидным при обсуждении кардинального вопроса о пропуске советских войск в случае начала германской агрессии через территорию Польши и Румынии, что было необходимо для организации эффективной защиты не только советских границ, но также всей Польши и Румынии. 14 августа К. Е. Ворошилов

³⁷ Ibid., p. 168.

³⁸ Подробнее см.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 2, с. 144—147.

предложил Драксу и Думенку разъяснить их точку зрения по этому принципиальному вопросу.

В ночь с 14 на 15 августа Сидс направляет в Лондон срочную телеграмму:

«Французский посол и я обсуждали с главами миссий ситуацию, создавшуюся в результате утренней встречи с советской делегацией.

Он и я пришли к выводу, что русские поставили сейчас вопрос, от которого зависит успех или провал переговоров... Мы считаем, что советская делегация будет твердо стоять на этой позиции и всякие попытки поколебать ее приведут к такому же провалу, как это неоднократно имело место в ходе наших политических переговоров.

...Наше предложение заключается в том, чтобы французский генеральный штаб вступил в контакт с польским генеральным штабом и получил на то согласие... Прошу подчеркнуть необходимость особой срочности и исключительной секретности»³⁹. Между тем на переговорах Дракс тянул время, излагая прописные истины вроде тех, что надо «отрезать неприятелю все пути сообщения», «найти и разбить флот противника» и т. п.

В публикациях ряда буржуазных авторов бытует версия, согласно которой едва ли не главным камнем преткновения на переговорах явилась «военная слабость» СССР, о которой «догадывались» в Лондоне. Эту версию неоднократно использовал в выступлениях на заседании английского кабинета в ходе переговоров и Чемберлен, а также его окружение. Какими в действительности данными располагало английское правительство по этому вопросу?

Здесь прежде всего следует указать, что английское и французское правительства располагали более чем достаточными сведениями о мощи тех сил, которые СССР готов был выставить против агрессора в Европе: 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков, 5—5,5 тыс. боевых самолетов. В предложениях, представленных советской делегацией на переговорах, содержались не только эти данные, но и четко разработанный план военного сотрудничества трех держав в случае, если Германия развяжет агрессию в Европе⁴⁰. Характерен в этом

³⁹ PRO, F. O. 371/23072, p. 190—191.

⁴⁰ СССР в борьбе за мир..., с. 574—577.

смысле и доклад подкомиссии Комитета начальников штабов, в состав которой входили заместители начальников штабов всех трех видов вооруженных сил Великобритании,— органа, по английским меркам весьма компетентного в таких делах. Содержание официального доклада заместителей начальников штабов, представленного кабинету министров, было следующим:

«На нашем заседании 16 августа 1939 г. мы рассмотрели важные аспекты мер, предлагаемых в связи с телеграммой миссии... и посла его в-ва в Москве (имеется в виду телеграмма, приводимая ранее.— *О. Р.*):

- мы исходим из того, что французское правительство уже приняло меры, о которых сообщалось в упомянутой телеграмме;
- с военной точки зрения мы одобряем предпринятые меры, мы считаем, что сейчас не время для полумер и все усилия должны быть направлены на то, чтобы склонить Польшу и Румынию к согласию разрешить использование их территории русскими силами;
- по нашему мнению, единственно логичным является предоставление русским всех средств для оказания помощи с тем, чтобы использовать максимум их сил на стороне антиагрессивных держав. Мы считаем исключительно важным пойти навстречу русским в данном вопросе, а в случае необходимости оказать сильнейшее давление на Польшу и Румынию с тем, чтобы добиться их согласия отнестись к этому положительно;
- ввиду того, что события развиваются быстро, вероятнее всего, что этот доклад устареет до тех пор, пока будет разослан, но мы считаем, что имеет смысл изложить некоторые общие соображения по обширному вопросу использования польской и румынской территории русскими войсками;
- мы полностью согласны с послом и адмиралом Драксом, что поставленная сейчас русскими проблема является фундаментальной и считаем, что, если даже русские продолжат переговоры без соглашения по данному пункту, в результатах, ожидаемых от последующих переговоров, будет очень мало ценного;
- совершенно ясно, что без быстрой и эффективной русской помощи поляки не имеют надежд на то, чтобы выдержать германское наступление на суше и в воздухе продолжительное время. Это же относится и к

румынам за тем исключением, что это время будет для них еще более ограниченным;

Поставки оружия и военных материалов недостаточны. Если русские будут сотрудничать в отражении германской агрессии против Польши и Румынии, они могут сделать это эффективно только на польской или румынской территории...;

- без немедленной и эффективной русской помощи не только в воздухе, но и на суше, чем дальше будет продолжаться война, тем меньше шансов останется у Польши и Румынии выбраться из нее независимыми государствами...;
- если начнется война, поляки и румыны окажутся припертыми к стенке и сразу же будут рады получить помощь откуда угодно. До тех пор пока поляки и румыны не поймут этой истины, помощь, которую они смогут получить, будет значительно менее эффективной, нежели в том случае, когда приготовления и планы будут разработаны заранее;
- мы считаем, что сейчас необходимо сообщить об этом как полякам, так и румынам. Полякам особенно следует указать, что они имеют обязательства по отношению к нам, как и мы к ним, и что им нет оснований ожидать от нас слепого выполнения наших гарантий, если они в то же время не будут сотрудничать в принятии мер, направленных на достижение общей цели;
- заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами...

Вывод

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, в случае необходимости должно быть оказано сильнейшее давление на Польшу и Румынию с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами своей территории в случае нападения Германии»⁴¹.

⁴¹ РРО, Ф. О. 371/23071, р. 228—231.

Таким образом, официальное мнение английских военных авторитетов носило категорический характер — приложить максимум усилий для положительного решения кардинального вопроса.

В эти же дни кабинет Чемберлена стал испытывать возрастающее давление французской стороны в пользу подписания военной конвенции с СССР. Причина тому была очевидной — германская агрессия в первую очередь угрожала Франции, а не Англии.

14 августа в Лондоне от английского посла в Париже была получена телеграмма, текст которой гласил:

«Французская военная миссия в Москве весьма удовлетворена ходом переговоров. Но она сообщает, что условием соглашения и той помощи, которую они готовы оказать, русские считают необходимость быть уверенными, что они в случае германской агрессии против Польши и Румынии получат разрешение этих стран на пропуск своих войск через их территорию. Что касается Польши, то русские запрашивают на это разрешение, которое относится лишь к строго ограниченной небольшой территории в районе Вильно...

Французское правительство считает предпочтительным вначале решить вопрос, касающийся Польши... С этой целью французская миссия предложила послать генерала Валлена из Москвы в Варшаву, но французское правительство, чтобы избежать огласки, направило обратно в Варшаву 15 августа своего военного атташе, который находился в Париже. Французское правительство надеется, что правительство его в-ва решительно поддержит представление, сделанное польскому правительству»⁴².

Двусмысленность этого маневра была очевидной. Французскому правительству, как и английскому, была известна антисоветская позиция польского и румынского правительств, исключавшая их согласие принять совместные с СССР эффективные меры для пресечения германской агрессии. И. Земсков, исследовавший этот вопрос, указывает, что нежелание как Парижа, так и Лондона заключать договор с СССР подтверждается дневником Думенка⁴³. Сравнительно недавно эта обоснованная точка зрения получила еще одно весомое подтверждение. В Париже издана книга Л. Ноэля, французского посла в

⁴² Ibid., p. 211.

⁴³ Коммунист, 1979, № 13, с. 60.

Варшаве в период Московских переговоров. Ее автор, не скрывая своих антисоветских убеждений, тем не менее проливает дополнительный свет на подлинные события тех дней.

Инструкции начальника генерального штаба национальной обороны Франции генерала М. Гамелена французской миссии, отбывавшей на переговоры в Москву, были, по выражению Ноэля, «расплывчатые» и носили весьма «общий характер»⁴⁴. Политические и военные деятели Франции были детально осведомлены о позиции Польши, более того, прикрываясь враждебной по отношению к СССР политикой буржуазной Польши, вели, как и английское правительство, коварную игру, направленную на срыв переговоров в Москве. Л. Ноэль приводит в книге характерный эпизод: 19 августа, когда в беседе с французским военным атташе начальник польского генерального штаба Стахевич вновь сообщил об отрицательном отношении польского правительства к пропуску советских войск через польскую территорию в случае германской агрессии, французский военный атташе заявил Стахевичу: «Не говорите мне о вашем отказе. Лучше, если в Москве наша делегация могла бы маневрировать, как будто вы еще не сформулировали свой отказ»⁴⁵. Ноэль приводит также оценку курса западных держав другим участником Московских переговоров капитаном (впоследствии генералом) А. Бофром: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на пропуск советских войск через свою территорию, а в том, чтобы найти лазейку, которая позволила бы продолжать переговоры...»⁴⁶.

В каких целях? На этот вопрос советская историография уже дала исчерпывающий ответ: Англия за спиной СССР вела тайные переговоры с гитлеровским рейхом. В ходе этих переговоров английское правительство сделало далеко идущие предложения об англо-германском сотрудничестве и заключении между двумя странами договора о ненападении, невмешательстве и разделе сфер влияния. При этом английские правящие круги обещали гитлеровцам прекратить переговоры с СССР и отказаться

⁴⁴ Noël L. La guerre de 39 a commence 4 ans plus tôt. P., 1979, p. 154.

⁴⁵ Ibid., p. 130.

⁴⁶ Noël L. Op. cit., p. 156.

от гарантий Польше, незадолго до этого предоставленных Англией, т. е. выдать Польшу Гитлеру, подобно тому как это было сделано с Чехословакией⁴⁷. Детали сговора, как свидетельствуют английские источники, в Лондоне надеялись уточнить при личной встрече Чемберлена с Герингом, поездка которого на британские острова была назначена на 23 августа. Самолет Геринга должен был приземлиться на уединенном аэродроме в Хартфордшире, где его в строжайшей тайне готовились встретить представители английского правительства. Отсюда рейхсмаршал собирался проследовать в Чекерс, загородную резиденцию Чемберлена⁴⁸.

Немалая доля ответственности за создавшуюся ситуацию лежит на правящих кругах Соединенных Штатов Америки. Ряд фактов, которыми располагают историки, указывает, что американская дипломатия, представляя дело так, будто США стоят в стороне от европейской политики, в действительности препятствовала заключению соглашения между СССР, Англией и Францией, поддерживала идею сговора с Германией против Советского Союза. «Германия,— заявил один из участников «игры в переговоры», посол США в Лондоне Дж. Кеннеди,— должна иметь в экономических вопросах свободу рук на Востоке, а также на Юго-Востоке»⁴⁹.

Финал известен. 22 августа 1939 г. Думенк заявил главе советской военной делегации, что он получил от своего правительства положительный ответ на «основной кардинальный вопрос» и полномочия «подписать военную конвенцию». Однако он признал, что о позициях английского, польского и румынского правительств ему ничего не известно⁵⁰. Таким образом, в действительности ответа западных держав на кардинальный вопрос не было. Они преднамеренно завели переговоры в тупик.

Советский Союз вел настойчивую и последовательную борьбу за создание системы коллективной безопасности для пресечения германской агрессии и предотвращение второй мировой войны. «В годы, когда над миром нависла угроза фашистской агрессии,— отмечал Л. И. Брежнев,—

⁴⁷ Подробнее об англо-германских переговорах см.: История второй мировой войны, 1939—1945, т. 2, с. 147—154.

⁴⁸ Мосли Л. Указ. соч., с. 306.

⁴⁹ DGFP, 1918—1945. Ser. D, Wash., 1949, vol. 1, p. 718.

⁵⁰ СССР в борьбе за мир..., с. 631, 632.

Советский Союз настойчиво боролся за создание системы коллективной безопасности, которая могла бы обуздать агрессоров и предотвратить вторую мировую войну»⁵¹.

Срыв Англией и Францией переговоров в Москве означал, что последняя возможность остановить коллективными усилиями готовившееся нашествие вермахта на Польшу была утрачена.

Уроки Московских переговоров имеют непреходящее значение. Расчеты правительственных кругов западных держав использовать переговоры для того, чтобы направить в 1939 г. фашистскую агрессию против СССР, закончились катастрофой для инициаторов этих антисоветских планов. Сорвав переговоры с Советским Союзом, Англия и Франция подорвали прежде всего основу своей собственной безопасности. Вторая мировая война разразилась внутри самой капиталистической системы. Как образно заметил Э. Эррио, фашистская Германия «сорвалась с цепи и икусала собственного хозяина». Исторический опыт Московских переговоров и последствий их срыва западными державами подчеркивает необходимость объединения усилий стран с различными социальными системами в интересах укрепления мира.

⁵¹ *Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 123.*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ХОРТИСТСКОЙ ВЕНГРИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

АГНЕСЬ ГОДО

(Венгерская Народная Республика)

В исторических работах довольно обстоятельно раскрыта ответственность ведущих капиталистических держав за быстрое возрождение военной мощи германского империализма после первой мировой войны, за попустительство агрессивным устремлениям нацизма, за подрыв усилий СССР и других миролюбивых сил по созданию европейской системы коллективной безопасности. Однако в этих исследованиях лишь фрагментарно говорится о характере политики находившихся в тени «гигантов» средних и ма-

лых держав, о том, как они своими реакционными внешнеполитическими акциями, направленными на достижение собственных империалистических целей, способствовали упрочению германского и итальянского фашизма, углублению военной опасности в Европе.

Антисоветская сущность предвоенной внешней политики Венгрии, ее усилия, направленные на ревизию Трианонского мирного договора, определяли и одновременно ограничивали международные связи хортистского режима. Хортисты были убеждены в том, что система мирных договоров, затрагивающих интересы побежденных в первой мировой войне стран может быть аннулирована лишь военной силой. Еще в 1928 г. полковник К. Майер-Чейкович подготовил меморандум, в котором подчеркивалось, что Венгрия должна подготовиться и активно участвовать в будущей войне. Первостепенной по важности задачей являлся «выбор таких союзников, которые предположительно выиграют войну»¹. Хорти в своих замечаниях к меморандуму подчеркнул: «В серьезный момент судьба малых государств будет зависеть не от выступления их армий, а от того, на чьей стороне они воюют»².

Хортистское политическое и военное руководство, учитывая слабость Венгрии в экономической и военной области, неизменно склонялось к сотрудничеству с государствами, осуществлявшими реваншистскую, агрессивную политику, стремившимися к установлению своего господства над миром. Во второй половине 30-х годов под влиянием захватнических устремлений итальянского и германского фашизма, а также мюнхенской политики западных держав среди венгерской реакции возродилась давняя идея о приобретении новых территорий. В связи с этим началась разработка программы увеличения армии и вооружения, расширения военного производства (так называемая дьёрская программа, которую в марте 1938 г. объявило правительство Дараньи и г. Дьёр). Генеральный штаб отыскал в архивах агрессивные наступательные планы против Чехословакии и Румынии 1920—1921 гг. и распорядился изучить возможность их обновления применительно к существующему моменту.

С осени 1938 г. при правительстве Бела Имреди черты агрессивной антисоветской внешней политики хортистско-

¹ Horthy Miklós titkos iratai. Bp., 1962, 69. old.

² Ibid., 73. old.

го руководства стали проявляться все явственней. Правительству было ясно, что вслед за мюнхенским соглашением последует раздел Чехословакии. В то же время у него были сомнения относительно величины доли, которую Гитлер выделит Венгрии. Подобные сомнения были и у польской буржуазии, которая также заявила о своих притязаниях на территорию Чехословакии. Венгерские и польские реакционные круги считали, что еще до решения Гитлера необходимо совместно выступить против Чехословакии. Этой цели служили венгеро-польские секретные дипломатические и военные переговоры.

В Венгрии начали создаваться так называемые добровольческие формирования, ядром которых была «гвардия карателей»³. 1 октября 1938 г. польское правительство направило правительству Чехословакии ультиматум с требованием о передаче Польше г. Тешина и его окрестностей. Находясь в тяжелом положении, правительство Чехословакии приняло ультиматум, и на следующий день польские части заняли указанную чехословацкую территорию. Через несколько дней венгерские части начали вооруженные провокации на венгеро-чехословацкой границе в районе Закарпатской Украины.

2 ноября 1938 г. состоялся так называемый первый венский арбитраж, по которому Венгрия получила южные районы Словакии и Закарпатской Украины. Затем хортистское руководство вознамерилось овладеть всей Закарпатской Украиной. Венгерские правящие классы явно стремились воссоздать «Великую Венгрию» в границах, существовавших во времена короля Иштвана Святого.

На 19—20 ноября 1938 г. было подготовлено вторжение на территорию Закарпатской Украины. Операцию, поощряемую итальянскими фашистами, предусматрива-

³ Отряды «гвардии карателей» были сформированы венгерской реакцией в ноябре 1918 г. для ведения подпольно-диверсионной деятельности против революционных сил. После падения Венгерской Советской Республики и установления террористической диктатуры адмирала Хорти они использовались для осуществления провокационных вылазок против соседних стран. К наиболее крупным из них относились акции против Австрии в 1920—1921 гг., Румынии и Чехословакии в 1920 г., Чехословакии в 1938 г. и Румынии в 1940 г. Во время второй мировой войны, пройдя специальную подготовку в жандармском полку в г. Орговань, «гвардейцы» с 1943 г. включились в борьбу против венгерского движения Сопротивления и партизан на временно оккупированных территориях СССР и Югославии.

лось начать силами «гвардии карателей». Вслед за ней должен был выступить дебrecенский армейский корпус. 20 ноября в прессе появилось сообщение о вводе венгерских частей в Закарпатскую Украину якобы по просьбе Русинского национального совета. Однако в действительности войска еще оставались на месте и только должны были начать вторжение 20 ноября, о чем в министерстве иностранных дел не знали. Поэтому, когда в прессе появилось упоминаемое сообщение, разразился международный скандал. Операцию пришлось отменить. К тому же для Гитлера инициатива Венгрии была несвоевременной. В тот момент он разыгрывал роль апостола мира, обсуждая с Англией и Францией «гарантии» новых границ Чехословакии. Но уже 16 января 1939 г. в беседе с венгерским министром иностранных дел Иштваном Чаки он с издевкой заметил, что, когда в начале октября «Польша начала действовать, Венгрия, если не принимать во внимание незначительных акций, продолжала спать»⁴.

К этому времени правительство Хорти уже заявило о намерении Венгрии присоединиться к антикоминтерновскому пакту, что естественно вело к усилению связей хортистской Венгрии с гитлеровской Германией, росту антикоммунистических и антисоветских тенденций ее политики.

Донесение советника германского посольства в Будапеште Хейнбурга Риббентропу от 12 января 1939 г. о том, что «венгерское правительство недавно предприняло шаги к вступлению в антикоминтерновский пакт и дало понять, что в мае текущего года выйдет из Лиги наций», было воспринято на Вильгельмштрассе с удовлетворением⁵.

Руководители венгерских посольств в странах Запада одновременно информировали Хорти о том, что официальные круги расценивают вступление Венгрии в антикоминтерновский пакт как инициативу Германии. Согласно донесению венгерского посла в Париже Шандора Куен-Хедервари, «французское общественное мнение вопреки ожиданиям не проявило беспокойства, и поскольку наше присоединение рассматривается как антисоветская демонстрация на стороне немецко-итальянской оси, то, по мое-

⁴ A Wilhelm-strasse és Magyarország: Német diplomáciai iratok Magyarországáról, 1933—1944. Bp., 1968, 343. old.

⁵ Ibid., 336. old.

му мнению, здесь оно не будет иметь серьезных последствий»⁶.

Представитель крайне правых английских кругов лорд Ротермир писал Хорти: «Я уверен в том, что этот мудрый шаг раз и навсегда соединит Венгрию с ее могучими соседями — Германией и Италией... Современная политика, осуществляемая без колебаний, прибавит Венгрии еще больше территорий по сравнению с теми, которые она приобрела за последние несколько месяцев...»⁷.

Советское правительство, напротив, с тревогой указывало на те грозные для Венгрии последствия, к которым неизбежно приведет укрепление ее связи с фашистскими державами.

Исследовавший историю советско-венгерских отношений в 1939—1941 гг. Янош Петер в своей книге писал, что в то сложное время советско-венгерских отношений «голос Москвы» оставался «самым чистым», что даже кичившаяся своей приверженностью к антикоммунизму и фашизму венгерское правительство продолжало получать от Советского правительства «наиболее откровенную оценку обстановки и самые лучшие по намерению советы»⁸.

Поскольку в это время посол Венгрии в Москве Михай Арноти-Юнгерт находился в Будапеште, нарком иностранных дел СССР 9 января 1939 г. вручил соответствующую ноту временному поверенному в делах Яношу Михалковичу. При вручении ноты нарком подчеркнул, что присоединение Венгрии к такому враждебному Советскому Союзу пакту было бы совсем непонятным, поскольку у Советской страны нет никаких спорных вопросов в отношениях с Венгрией и Советское правительство нигде и никогда не выступало против интересов Венгрии⁹.

Ответная венгерская нота от 13 января имела своей целью успокоить Советское правительство. 17 января в письме Михалковича министру иностранных дел Чаки отмечалось, что «своим присоединением к антикоминтер-

⁶ Országos Levéltár, Küm. res. pos., 1939, 41—42.

⁷ Horthy Miklós titkos iratai, 216. old.

⁸ Peter J. A magyar-szovjet diplomaciai kapcsolatok történetéből, 1939—1941. Bp., 1979, 20. old.

⁹ Magyarország es a második világháboru: Dokumentumok. Bp., 1961, 199—200. old.

новскому пакту Венгрия, по оценке советской стороны, окончательно связывает себя с фашистскими державами, которые после этого будут рассматривать маленькую Венгрию не как суверенное государство, а как объект, который может быть свободно использован в интересах осуществления политических целей последних...»¹⁰.

Михалкович подчеркивал, что «беспокойство Советского правительства понятно, если учесть, что Венгрия первая малая страна, которая сделает такой шаг. Этот пример может повлечь за собой дальнейший процесс присоединения к антикоминтерновскому пакту малых государств, который полностью парализовал бы усилия Советского правительства по организации защиты против фашизма и немецкой экспансии»¹¹. Выводов, однако, не было сделано, хотя внешняя политика Советского Союза, направленная на создание системы европейской коллективной безопасности, в своей основе служила коренным интересам малых государств.

7 февраля 1939 г. венгерское правительство официально присоединилось к антикоминтерновскому пакту. Советское правительство было вынуждено предпринять ответные шаги, причем шаги необычные в истории дипломатических отношений. Советский Союз не разорвал дипломатических отношений с Венгрией, а ограничил их прекращением деятельности посольств, оставив возможность в дальнейшем для полноправного восстановления этих отношений. Нарком иностранных дел сообщил вернувшемуся к тому времени в Москву венгерскому послу, что Советское правительство приняло решение о закрытии будапештского посольства и надеется, что это не означает прекращения дипломатических отношений, и предлагает, чтобы обе стороны через представителя третьего государства были представлены в Москве и Будапеште¹².

Посол Арноти-Юнгерт в донесении от 3 февраля 1939 г. изложил официальное заявление, опубликованное ТАСС вечером 2 февраля, в котором говорилось следующее: «Как ТАСС узнал в авторитетных кругах, означенное решение Советского правительства находится в связи

¹⁰ Országos Levéltár, 63-2-45.

¹¹ Ibid.

¹² Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához. 1936–1945. Bp., 1972, III. kötet (Magyarország külpolitikája, 1938–1939), 421. old.

с тем, что в результате мюнхенского соглашения Венгрия стала за последнее время подвергаться сильному нажиму со стороны некоторых государств. Политика венгерского правительства свидетельствует о том, что оно легко поддается этому нажиму, в значительной мере утратив свою самостоятельность»¹³.

На благие намерения Советского Союза и вопрос о том, какую страну выберет правительство Венгрии для поддержания советско-венгерских дипломатических отношений, хортисты до мая даже не отвечали.

16 февраля 1939 г. место Имреди в кресле премьер-министра занял Пал Телеки. Надежды венгерских контрреволюционных кругов, связанных с новым назначением, как пишет известный венгерский историк Дьюла Юхас, сводились к тому, чтобы «наряду с сохранением существующих отношений с Германией не делать дальнейших уступок, охранять и реализовывать интересы финансового капитала и крупного землевладения»¹⁴. Новый премьер-министр полагал, что сможет извлечь пользу из связей с Германией, не разрывая отношений с западными державами, и осуществить венгерскую реваншистскую программу, балансируя между группировками империалистических держав. Курс этот был нереальным и являлся одной из причин самоубийства Телеки в апреле 1941 г. Однако мартовские события 1939 г., казалось, подтверждали расчеты Телеки. 15 марта войска гитлеровской Германии вторглись на территорию Чехии и Моравии. За день до этого словацкие фашисты провозгласили образование Словацкого государства. Одновременно венгерскому правительству дали понять, что Германию судьба Закарпатской Украины не интересует. Хорти понял намек, и 15 марта венгерские части начали оккупацию Закарпатской Украины. Западные державы восприняли новую агрессию Гитлера как второстепенное событие.

Венгерский посол в Лондоне Дьердь Барца 21 марта докладывал министру иностранных дел Чаки, что «относительно положения и роли Венгрии здесь еще царит полная неосведомленность и, к счастью, нет необходимости в откровенных признаниях»¹⁵.

¹³ Правда, 1939, 3 февр.

¹⁴ Juhász G. A Teleki-kormány külpolitikája, 1939—1941. Bp., 1964, 21. old.

¹⁵ Diplomáciai iratok Magyarország..., 645. old.

В своем донесении от 22 марта венгерский посол во Франции Шандор Куен-Хедервари писал о том, что «французские политические круги и местное общественное мнение после присоединения Чехии и Моравии к немецкой империи и оккупации Праги, как парализованные, в течение 36 часов вовсе не реагировали на события. Первые сведения о нашем вступлении на территорию Карпатской Руси сочли естественными и восприняли спокойно, как логические последствия распада Чехословакии. Наряду с тем исключительным беспокойством, которое вызвала германская аннексия Чехии и Моравии, интерес к нашему вступлению на территорию Карпатской Руси отошел на второй план. Этот вопрос лишь в том случае взбудоражил бы местное спокойствие, если в самое короткое время не стало бы очевидным, что Германия не воспрепятствует нашей акции...»¹⁶.

Посол Венгрии в Вашингтоне Янош Пеленьи в донесении от 21 марта сообщал, что «здесь многие считают Венгрию ближайшей жертвой Гитлера, что безусловно означает и симпатию...»¹⁷. В другом донесении он передал точку зрения «американских друзей Венгрии», согласно которой «активизация Венгрии на стороне Гитлера ошибочна, что лучше было бы терпеть год-два немецкую оккупацию, чем делить неминуемую гибель противостоящей всему миру Германии»¹⁸.

Телеки видел опасность взятого курса, но надеялся, что ему удастся избежать вовлечения Венгрии в крупные международные конфликты. Следующим актом венгерской политики стал захват Трансильвании.

По второму венскому арбитражу 30 августа 1940 г. Германия и Италия отторгли Северную Трансильванию в пользу Венгрии. У Гитлера появилось мощное средство воздействия на правящие круги Румынии и Венгрии, чтобы включить их в предстоящую войну фашистской Германии против СССР.

Германской дипломатии были наруку угрозы в отношении Румынии и со стороны Венгрии, и со стороны Болгарии, так как это способствовало сближению Румынии с Германией, которой в свою очередь нужны были ее сырьевые ресурсы, прежде всего нефть. Фашистские гла-

¹⁶ Ibid., 654—656. old.

¹⁷ Országos Levéltár, 33/1—300; 7/7—18.

¹⁸ Diplomáciai iratok Magyarországnak..., 640. old.

вари отводили важную роль Румынии в готовившейся войне против СССР.

Венгерские реакционные круги не хотели понять, что самостоятельные внешнеполитические шаги Венгрии никогда и нигде не смогут выйти за границы, установленные фашистской Германией.

К лету 1939 г. резко обострились немецко-польские отношения. Реально оценивавшие ситуацию политики открыто поговаривали о неизбежности военного конфликта. В этом вопросе и у венгерского правительства не было иллюзий, хотя министр иностранных дел Чаки 13 июля 1939 г. писал венгерскому послу в Варшаве Андрашу Хори: «Я готов к тому, что с 15 августа до конца сентября может возникнуть серьезный внешнеполитический кризис, но не думаю, чтобы это привело к войне, если только таковую не начнет Польша...»¹⁹.

В сложившейся ситуации перед правительством Телеки возникали сложные вопросы. В совместных действиях против Чехословакии венгерская и польская реакции как бы нашли друг друга и, выдвигая идею о совместной венгеро-польской границе, представляли однородный союз. Летом 1939 г. накануне нападения Германии на Польшу хортисты остались в одиночестве. В сложившейся обстановке необходимо было решить к кому присоединиться. Телеки не доверял Гитлеру так же, как последний не доверял Телеки. Однако выступить на стороне Польши Венгрия не могла, ибо малейшая оппозиция по отношению к Германии не укладывалась в рамки венгерской внешнеполитической концепции. В то же время Телеки не хотел поддерживать Гитлера, ибо в этом случае Венгрия оказалась бы противопоставлена Польше и непосредственным ее союзникам Англии и Франции. Поэтому оставался сформулированный самим Телеки «вооруженный нейтралитет». 24 июля об этом решении венгерского правительства он сообщил Муссолини и Гитлеру. В нем говорилось, что Венгрия «по моральным соображениям не готова начать военные действия против Польши»²⁰. Однако под давлением Германии Чаки, находившийся в то время в Берхтесгадене, без консультаций с венгерским правительством взял 8 августа заявление Телеки обратно.

¹⁹ Magyarország és a második világháború, 241. old.

²⁰ Ibid., 243. old.

В зарубежной буржуазной исторической литературе много пишется о том, что хортистская Венгрия была втянута во вторую мировую войну под давлением Гитлера. Регент Хорти в своей прокламации 15 октября 1944 г. тоже ухватился за этот спасительный тезис. «Венгрия была втянута в войну против союзных держав,— заявил он,— в результате нашего географического положения и усиливающегося немецкого давления, но в этой войне у нас не было великодержавных целей, мы ни у кого не намеревались отнять ни одной пяди земли»²¹.

Даже весьма схематичный анализ венгерской внешней политики 1939 г. достаточно ясно проливает свет на ту роль, которую взяло на себя политическое и военное руководство хортистской Венгрии в политической жизни Европы накануне войны. Венгерские правители, как и руководство ряда других капиталистических стран, всей своей деятельностью — политически, экономически, морально и в военном отношении — подчиняли свою страну Германии. В результате антисоветской, антинародной националистической, агрессивной политики контрреволюционного режима, физического, духовного и морального террора в отношении трудящихся масс в Венгрии к 1939 г., к сожалению, и позже не могла сформироваться такая общественная сила, которая была бы способна смести реакцию, ведущую страну к катастрофе, взять политический курс, отвечающий национальным интересам.

Находившаяся в глубоком подполье коммунистическая партия вела самоотверженную борьбу, направленную на пробуждение нации, на объединение антифашистских сил, на разоблачение антинациональной, антинародной политики венгерской реакции. Однако с ясной, недвусмысленной политикой коммунистов (именно из-за нелегального положения партии) могли ознакомиться лишь ограниченные слои населения. Широкие народные массы Венгрии оставались пассивными. Значительную роль в этом сыграли контрреволюционный террор, разлагающее влияние реваншистской и националистической идеологии на все слои населения. Спекулируя на недовольстве масс по поводу несправедливости версальского диктата, правящие круги путем дезинформации всячески скрывали империалистическую сущность самой венгерской политики. Серьез-

²¹ Nagybaczoni Nagy Vilmos. Végzetes esztendok, 1938—1945. Bp., 1945, 235—237. old.

ной причиной пассивности масс было и то обстоятельство, что с 1938 г. в связи с быстрым ростом военного производства в Венгрии практически была ликвидирована безработица. Десятки тысяч людей получили заработок и боялись его потерять. Кроме того, в 1939 г. еще весьма сильна была вера населения в то, что правительству Теллеки удастся удержать Венгрию от вовлечения в войну.

Уроки этих событий имеют непреходящее значение. Во-первых, они указывают на то, что позиция малых и средних стран при условии ее реалистичности и ориентации на интересы народных масс и прогрессивные силы может играть существенную роль в решении кардинальных проблем международных отношений; во-вторых, мобилизация трудящихся масс в борьбе против агрессивной политики империализма является одним из важнейших условий предотвращения новой мировой войны.

БРИТАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БЕРТ РАМЕЛЬСОН
(Великобритания)

Глубокое изучение причин второй мировой войны чрезвычайно важно не только с научной, но и с политической точки зрения. Объективное раскрытие факторов и сил, ввергнувших человечество в 1939 г. в пучину мировой войны, должно помочь не допустить развязывания в наши дни нового глобального конфликта. Это тем более важно, что при наличии оружия массового уничтожения третья мировая война может привести к столь опустошительным потерям и жертвам (как человеческим, так и материальным), в сравнении с которыми ужасающий ущерб, причиненный человечеству второй мировой войной, показался бы незначительным. Если мировая война 1939—1945 гг. унесла примерно 50 млн. человеческих жизней, то ныне некоторым странам, таким, как Великобритания, в случае мирового конфликта грозило бы полное уничтожение. Научный анализ генезиса второй мировой войны — это не праздные рассуждения скучающих интеллектуалов, а важное дело, неразрывно связанное с современными задачами борьбы за мир и безопасность народов.

Правильное объяснение причин второй мировой войны имеет большое значение еще и потому, что сейчас вошли в жизнь поколения, которые не пережили предвоенных и военных лет. Эти люди не могут оценивать события казуна второй мировой войны на основе собственного жизненного опыта — они знают об этих событиях лишь из мемуаров политических деятелей и сочинений историков. К сожалению, далеко не все книги помогают читателям понять истинную картину того, что происходило в мире 40 лет назад. На Западе, и в частности в Великобритании, ведется усиленная кампания с целью искажения и фальсификации подлинных причин развязывания второй мировой войны. Империалистические силы, действовавшие на исторической арене в предвоенные и военные годы, существуют и теперь. Они стремятся предстать перед лицом истории в более выгодном свете, хотят скрыть от народных масс некоторые неизменные характерные черты политики империализма, вытекающие из самой его сущности. Меняются персонажи на политической сцене: на смену Н. Чемберлену, Э. Галифаксу и С. Хору давно уже пришли другие политические деятели. Однако остается монополистический капитал, продолжающий добиваться осуществления своих империалистических целей и в нынешнем изменившемся мире.

Объективный анализ происхождения войны требует в первую очередь выявления основных факторов, породивших ее, и рассмотрения специфики их действия в конкретной исторической ситуации. В этой связи следует прежде всего отметить имманентно присущую империализму тенденцию к войне — периодическому переделу мира с целью обеспечить максимальные прибыли монополиям той или иной страны. Эта тенденция в полной мере проявилась в политике агрессивных государств фашистской «оси», которых объединяло стремление повергнуть империалистических конкурентов и добиться мирового господства. Складывавшийся в 30-е годы блок агрессивных государств был оформлен подписанием в ноябре 1936 г. Германией, Италией и Японией соглашения, известного под названием «антикоминтерновский пакт».

Вместе с тем исторические условия развязывания второй мировой войны существенно отличались от той обстановки, в которой началась первая мировая война. Основное отличие заключалось в том, что система империализма уже не была всеобъемлющей. С победой Вели-

кой Октябрьской социалистической революции появилось первое в мире социалистическое государство, успешно решавшее задачи построения нового передового общества. В то же время империализм как социально-экономическая система вступил в этап общего кризиса. Народы могли наглядно убедиться в преимуществах нового социалистического общества, сравнивая его неуклонное поступательное развитие с глубоким экономическим кризисом, поразившим капиталистический мир на рубеже 20—30-х годов и принесшим ощутимые социальные бедствия трудящимся.

В условиях нарастания социально-экономических противоречий и революционного движения в империалистических государствах господствующие классы этих стран готовы были в определенных обстоятельствах пойти на замену буржуазной демократии тоталитарным фашистским режимом в интересах сохранения капиталистического строя. Правящие круги капиталистических стран привлекали важнейшие отличительные черты фашизма — использование крайних форм насилия для подавления рабочего класса и всех трудящихся, воинствующий антикоммунизм, шовинизм и расизм, широкое использование государственно-монополистических методов, максимальный контроль над общественной и личной жизнью граждан, способность мобилизовать значительную часть населения и использовать ее в интересах господствующих классов.

Внешнюю политику фашизма определяло его стремление к империалистическим захватам. Еще в 1924 г. Гитлер писал в своей книге «Майн кампф», ставшей затем «библией третьего рейха»: «Мы переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания». Разбойничьи аппетиты гитлеровцев поистине не имели пределов. «Не провинции, а геополитические категории, — нагло заявлял Гитлер, — не национальные меньшинства, а континенты; не поражение, а уничтожение противника; не союзники, а сателлиты; не перемещение границ, а перетасовка государств всего земного шара; не мирный договор, а смертный приговор — такими должны быть цели великой войны»¹.

¹ Цит. по кн.: *Fried H. B. The Guilt of German Army. N. Y., 1943, p. 10.*

Правящие круги империалистических держав стремились направить агрессивность фашизма против СССР и использовать фашизм как средство для разрешения военным путем противоречия между социализмом и капитализмом в пользу последнего. Этим объясняется помощь со стороны буржуазно-демократических государств в деле усиления военной машины фашизма. Этим объясняется и двуличная дипломатическая игра Запада, по существу поощрявшего фашистскую политику агрессии. «Мы превратили Муссолини в значительную силу», — признавал в своих мемуарах британский политический деятель Антони Иден². То же самое можно было бы сказать не только о Муссолини, но и о Гитлере, и о других фашистских диктаторах.

Бесспорно, что, помимо основного противоречия между империализмом и социализмом, существовали и углублялись противоречия между различными группировками империалистических держав. В связи с этим некоторые трезво мыслявшие представители правящих кругов Великобритании понимали опасность вскармливания и поощрения фашистских агрессоров. Так, У. Черчилль в своих выступлениях заявлял, что цели Германии остались неизменными — военные захваты и мировое господство, что эти цели ставят под угрозу интересы как Соединенных Штатов, так и Британской империи. Россия, по мнению Черчилля, не представляла действительной угрозы³. Однако подавляющее большинство британского господствующего класса видело главную и основную опасность в социалистическом государстве и революционных силах. Именно этим объясняется близорукая и антинациональная политика «умиротворения» агрессоров, ведущую роль в проведении которой играли британские империалисты.

Правящие круги западных держав намеренно срывали все попытки организовать отпор нарушителям мира. Предложение Советского Союза о коллективных мерах по предотвращению войны не встретило поддержки у западных держав, проводивших преступную политику «умиротворения» агрессоров. При этом следует подчеркнуть, что определяющим во внешней политике Велико-

² *Eden A. Memoirs: Facing the Dictators.* Boston, 1962, p. 350.

³ *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers.* 1940. Wash., 1959, vol. 1, p. 83—84.

британии и других буржуазных государств был именно антисоветский аспект. По существу речь идет о сознательном саботаже реакционными кругами Запада политики коллективной безопасности, о проведении ими губительного курса на поощрение агрессоров, о преднамеренных уступках фашистским державам на почве антисоветизма и антикоммунизма. Господствующие круги западных держав, и в частности Великобритании, сознательно рисковали своими империалистическими интересами в стремлении использовать фашистский блок для нанесения удара по СССР, а если удастся, то и для уничтожения социалистического государства.

Только учитывая эти соображения можно понять позорную политику «невмешательства», проводившуюся правящими кругами Великобритании во время национально-революционной войны в Испании. На деле это была политика поощрения фашистских мятежников Франко и удушения испанских республиканцев. Для фашистской Италии и нацистской Германии испанские события послужили как бы репетицией к развязыванию большой войны. Ныне хорошо известна широкая помощь фашистских правителей франкистским мятежникам. Всего за три года войны в Испанию было отправлено 250 тыс. итальянских и около 50 тыс. немецких солдат и офицеров. Эта явная интервенция фашистских держав в Испании цинично прикрывалась британской политикой «невмешательства». Называя ее фарсом, английский буржуазный историк Уильям Макелви отмечает, что «эта политика проводилась исключительно в интересах врагов и нарушителей мира»⁴.

Апогеем политики умиротворения агрессоров стал позорный мюнхенский сговор — соглашение Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини, подписанное 29 сентября 1938 г. Правящие круги Великобритании и Франции добивались от правительства Чехословакии удовлетворения требований Гитлера о расчленении страны и отказа от договора с СССР о взаимопомощи. По мюнхенскому соглашению Чехословакия потеряла 20% своей территории, был сделан важный шаг к ее полному захвату гитлеровцами.

Мюнхен стал символом политики нарушения союзнических обязательств и сговора с агрессором. Мюнхенский

⁴ *McElwee W. Britain's Locust Years, 1918—1940. L., 1962, p. 255.*

сговор означал отказ от сотрудничества с Советским Союзом и новую попытку его изоляции, попытку направить агрессию фашистской Германии на восток. Мюнхенская сделка нанесла непоправимый ущерб политике создания единого фронта миролюбивых государств для отпора агрессору и тем самым открывала путь к развязыванию второй мировой войны. Мюнхен стал также символом недалекновидности и громадного политического просчета западных руководителей. Британский премьер-министр Чемберлен, возвратившись из Мюнхена, заявил приветствовавшей его на аэродроме толпе: «Отныне мир обеспечен на целое поколение». В действительности же до начала второй мировой войны оставалось менее года.

Что касается Советского Союза, то он в предвоенные годы последовательно и настойчиво боролся за пресечение фашистской агрессии, за создание системы коллективной безопасности и объединение всех миролюбивых сил. Советская дипломатия добивалась заключения регионального пакта о взаимной защите от агрессии с участием широкого круга европейских государств. К лету 1934 г. был подготовлен советско-французский проект регионального соглашения, названного Восточным пактом. Заключение такого соглашения не соответствовало, однако, основной внешнеполитической концепции британских правящих кругов, мечтавших направить германскую агрессию на восток. Поэтому Великобритания сразу же выдвинула целый ряд оговорок, стремясь так или иначе похоронить советско-французский проект. Германский посол в Лондоне Л. Хёш писал о результатах беседы с британским министром иностранных дел Дж. Саймоном 13 июня 1934 г.: «Совершенно очевидно, что включение России в систему европейской безопасности его не слишком устраивает»⁵.

В условиях нарастания международной напряженности Советский Союз решительно выступал за эффективный отпор нарушителям мира, против политики попустительства агрессорам. «Советские предложения по вопросам международного соглашения продиктованы стремлением к обеспечению мира,— заявил нарком иностранных дел СССР на XVII сессии Ассамблеи Лиги наций в сентябре 1936 г.,—...не только на границах ее собственной страны, но и других стран, к созданию условий

⁵ Documents of German Foreign Policy. Ser. C, vol. II, p. 901—902.

безопасности всем народам, искренне желающим восстановить во всех странах чувство уверенности в себе и уверенности в эвентуальную помощь других...»⁶ К сожалению, предложения СССР о создании системы региональных пактов и обеспечении тем самым европейской безопасности вновь не встретили поддержки.

СССР считал, что общие интересы всех неагрессивных государств требовали объединения их усилий против фашистских агрессоров. Однако правящие круги Великобритании и других буржуазных государств занимали узкоклассовые и по существу антинациональные позиции, проводя политику умиротворения и поощрения агрессоров. Даже в накаленной международной обстановке весны и лета 1939 г. западные державы не проявили стремления к достижению эффективного соглашения с Советским Союзом. «Англичане и французы требуют от нас односторонней и даровой помощи, не берясь оказывать нам эквивалентную помощь», — отмечал нарком иностранных дел СССР в мае 1939 г.⁷ Правящие круги Великобритании, согласившись летом на переговоры по военным вопросам с СССР и Францией, в то же время изыскивали возможности заключения широкого англо-германского политического соглашения. Реакционная буржуазия не отказалась от ставки на решение межимпериалистических противоречий за счет страны социализма, от надежд на объединение сил империализма против СССР.

В сложной международной обстановке Советское правительство пошло на заключение договора о ненападении с Германией, подписанного в Москве 23 августа 1939 г. Это решение было принято после того, как выявилось нежелание Великобритании и Франции заключить эффективное соглашение с СССР о совместной борьбе против гитлеровской агрессии и были исчерпаны все другие возможности обеспечения безопасности Страны Советов. Советско-германский договор о ненападении расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны СССР. При этом Советский Союз не мог быть безразличным и к судьбе братских народов — украинского и белорусского, частично на-

⁶ League of Nations: Records of the Seventeenth ordinary session of the Assembly. Plenary meetings. Geneva, 1936, p. 64.

⁷ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь, 1938 г.— август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971, с. 383.

ходившихся в составе тогдашней Польши. Советская сторона сделала все, чтобы защитить эти народы и укрепить свои западные рубежи.

Буржуазные историки и публицисты пытаются утверждать, будто советско-германский договор о ненападении стал чуть ли не главной причиной возникновения второй мировой войны. В действительности дело обстояло совершенно иначе. Министр внутренних дел США Г. Икес, размышляя о заключении советско-германского договора, записал 26 августа 1939 г. в своем дневнике: «Положение ужасно, но я нахожу, что трудно винить Россию. Как мне представляется, единственный, кого надо винить,— это Чемберлен. У меня нет никаких сомнений, что Англия могла заключить удовлетворительное соглашение с Россией много месяцев или даже лет тому назад»⁸.

Оценивая ныне советско-германский договор, невозможно не видеть, что его заключение укрепляло позиции социалистического государства, базы мирового прогресса, а также то, что возрастала мощь страны, которая стала решающей силой в сокрушении держав фашистской оси и освобождении европейских народов. Подписанием договора с Германией о ненападении СССР сделал шаг не только к накоплению сил для предстоящей борьбы против фашистских агрессоров, но и к тому, чтобы выйти победителем из этой смертельной схватки.

Расстановка сил на международной арене складывалась не так, как того добивалась империалистическая реакция. Ей не удалось объединить все силы империализма для «крестового похода против большевизма». Война началась между двумя империалистическими группировками. Вопреки устремлениям британских мюнхенцев правильно понятые национальные интересы Великобритании привели затем реалистически мыслящих деятелей к признанию необходимости объединения усилий с СССР и создания антигитлеровской коалиции.

Анализ причин возникновения второй мировой войны позволяет сделать вывод, что ответственность за ее развязывание лежит не только на фашистских главарях, но и на британских империалистах, на правительстве Чемберлена, проводившем пагубный курс на умиротворение

⁸ The Secret Diary of Harold L. Ickes. N. Y., 1954, vol. II. The Inside Struggle, 1936—1939, p. 703.

агрессоров. Рассмотрение событий сорокалетней давности со всей ясностью выявляет опасность антикоммунизма и антисоветизма. Последовательная борьба против замыслов империалистической реакции и в наши дни остается важной задачей всех прогрессивных сил.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИКИ И СТРАТЕГИИ БРИТАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В 1931—1936 гг.

С. Г. ДЕСЯТСКОВ

Инициаторы и сторонники политики умиротворения фашистских агрессоров активно используют в апологетических целях тезис о «военной слабости», «неподготовленности» Великобритании накануне второй мировой войны. В новейшей английской буржуазной историографии отчетливо прослеживается тенденция к намеренному занижению сил и военных возможностей страны в 30-е годы.

В 1965 г. профессор Лондонского университета Д. К. Уатт объявил о необходимости серьезного пересмотра «ортодоксальных» взглядов Л. Нэмира, Ч. Уэбстера, М. Гилберта и других историков, критически оценивавших многие аспекты чемберленовской политики умиротворения фашистских агрессоров. Уатт потребовал дополнительно исследовать некоторые вопросы, в том числе фактор «военной слабости» Англии в 1935—1936 гг., парализовавшей усилия ее руководства¹.

Сокращение в 1968 г. сроков давности (с 50 до 30 лет) для секретных документов Главного государственного архива Великобритании способствовало появлению целой серии книг, авторы которых — Робертсон², Н. Гиббс³, С. Роскилл⁴ и др. — ввели в научный оборот многочисленные архивные фонды и попытались на их базе

¹ *Watt D. C. Appeasement. The Rise of a Revisionist School? — The Political Quarterly, 1965, vol. 36, N 2, p. 209, 211—213.*

² *The Origins of the Second World War / Ed. E. M. Robertson. L., 1971.*

³ *Gibbs N. H. Grand Strategy. L., 1976. Vol. 1.*

⁴ *Roskill S. Hankey. Man of Secrets. L., 1974. Vol. 3.*

возродить старую версию о фатальной неизбежности мюнхенского курса⁵. Показательно, что именно Д. К. Уатт на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско (1975 г.) отстаивал английскую версию политики умиротворения⁶, а в 1979 г. он с тех же позиций выступил по Би-Би-Си в связи с 40-летием начала второй мировой войны.

Представители этого направления в английской историографии, как правило, игнорируют реальности положения Англии в капиталистическом мире 30-х годов, ее лидирующую роль в ряде регионов, влияние в европейских делах. Между тем Великобритания выступала в те годы на международной арене как мировая держава с самой большой в мире колониальной империей, владения которой были раскиданы по всему свету, а сырьевые богатства практически неограниченны. Эта страна возглавляла стерлинговый блок — финансовую группировку, в которую наряду с доминионами (за исключением Канады) входили скандинавские государства, Португалия и лежащие далеко за океаном Аргентина, Бразилия и т. д.

В период между двумя мировыми войнами вновь подтвердилась ленинская характеристика британского империализма как империализма колониального. Вывоз капитала (всего за этот период Англия экспортировала его на сумму в 1,5 млрд. ф. ст.) по-прежнему имел для британского империализма доминирующее значение. К началу второй мировой войны Англия обогнала США по объему заграничных инвестиций (22 млрд. долл. против 11 млрд)⁷. Лондонское Сити по размерам своих оборотов соперничало с Уолл-стритом, а золотые запасы Английского банка превышали золотые запасы всех капиталистических стран Европы.

Финансовая мощь, огромная колониальная империя и связи с доминионами обеспечивали политические позиции Великобритании. Именно она была признанным лидером 54 государств, которые в начале 30-х годов входили в Лигу наций.

⁵ Подробнее см.: *Десятков С. Г.* Уайтхолл и мюнхенская политика. — Новая и новейшая история, 1979, № 3—5.

⁶ *Watt D. C.* The Breakdown of European Security System, 1930—1939. San Francisco, 1975.

⁷ *Винцер Ю. И.* Английские капиталовложения за границей. М., 1960, с. 72.

Опубликованные в последние годы труды буржуазных историков воссоздают иную картину, о чем свидетельствует их тезис о «военной слабости» Англии, который они обосновывают ссылками на документацию британских военных ведомств, и в первую очередь на доклады COS — Комитета начальников штабов армии, ВВС и флота. Действительно, на всем протяжении 30-х годов комитет представлял правительству пессимистические оценки стратегического положения Великобритании. Еще в 1931 г., когда Япония вторглась в Маньчжурию, британские начальники штабов в ответ на правительственный запрос дали крайне неутешительный ответ: «В целом наша территория на Дальнем Востоке, включая побережье Индии и доминионов, а также развитую там торговлю и судоходство, открыта для атаки». Начальники штабов отстаивали необходимость не конфронтации, а сотрудничества с Японией, мотивируя это так: «Если вы не сможете их разгромить, присоединитесь к ним»⁸. М. Говард, Н. Гиббс и С. Роскилл принимают на веру это бездоказательное утверждение.

Но столь ли безнадежной на деле была стратегическая ситуация Англии в 1931—1932 гг.? В Европе Англия не стояла тогда перед серьезной угрозой, фашизм в Германии еще не пришел к власти и не вооружился, а Италия была скорее союзником, чем противником Великобритании. В Европе Англия могла рассчитывать на спокойный тыл, а на Дальнем Востоке — на поддержку США и Франции. К этой ситуации вполне применим вывод У. Черчилля, который позже писал Н. Чемберлену: «Рассматриваю как пустую угрозу заявления о том, что Япония может послать флот и армию для захвата Сингапура. Он так же далек от Японии, как Саутгемптон — от Нью-Йорка. Посылать на это большую часть своих строго ограниченных сил было бы авантюрой...»⁹.

Тем не менее такой крупный английский исследователь проблем международных отношений на Дальнем Востоке, как К. Торн, доказывает, будто причиной нерешительности английского правительства в отношении агрессии Японии были слабые укрепления Сингапура¹⁰.

⁸ *Howard M. The continental commitment. L., 1972, p. 97.*

⁹ *Public Record Office (далее: PRO), Prem 1/345. W. Churchill to Chamberlain, 1939, March 25.*

¹⁰ *Thorne C. Allies of a kind. L., 1978, p. 29.*

Между тем упускается из виду, что в 1931 г. Япония в отличие от 1941 г. еще не имела баз в Индокитае, а ее военно-морские силы были ограничены Вашингтонским соглашением, устанавливавшим соотношение флотов Англии, США и Японии как 5:5:3. Отметим, что тот же самый автор в своей более ранней работе писал о «широко распространенной вере в возможность не только легко остановить Японию в 1931—1932 гг., но и малой ценой предотвратить все последующее скатывание к войне»¹¹.

В самом деле, применение одних только экономических санкций могло бы, вероятно, в 1931 г. сдержать японского агрессора. Ни для кого не была секретом огромная зависимость японской экономики от ввоза сырья. В 30-е годы «80% импортируемой Японией нефти шли из США и 10% — из голландской Восточной Индии. Сырой каучук шел из Юго-Восточной Азии, а импорт олова более чем в три раза превосходил местное производство; Япония импортировала около половины потребляемого цинка, а также большую часть алюминия»¹².

Экономические санкции, учитывая зависимость Японии от поставок из США, Британской империи и других стран, означали бы для нее настоящий крах. Но даже намеки на возможность санкций воспринимались в Лондоне с отвращением, особенно министром финансов Н. Чемберленом и его постоянным заместителем У. Фишером¹³.

Суть дела заключалась не в «слабых укреплениях» Сингапура, а в классовых антисоветских мотивах британской внешней политики и стратегии. Захватив Маньчжурию, милитаристская Япония вышла к границам Советского Союза; возникла реальная возможность ее нападения на советский Дальний Восток, и это «северное направление» японской агрессии вполне устраивало Лондон и Вашингтон. Японскую армию они намеревались использовать и против революционных сил Китая. Япония рассматривалась, пишет английский историк Н. Томпсон, как «гарант стабильности и порядка» на Дальнем Востоке, «как сила против большевизма в Китае и революционного национализма в Индии»¹⁴.

¹¹ *Thorne C. The Limits of foreign policy: The West, the League and the Far Eastern Crises of 1931—1935.* L.; N. Y., 1972, p. 404.

¹² *Ibid.*, p. 396.

¹³ *Ibid.*, p. 398.

¹⁴ *Thompson N. The Anti-Appeasers.* Oxford, 1971, p. 54.

Именно эти расчеты на антисоветские тенденции японского империализма и лежали в основе политики умиротворения дальневосточного агрессора. Английские же защитники этой политики, основываясь на пессимистических оценках британских начальников штабов 30-х годов, намеренно преуменьшают силы и потенциальных союзников Англии и ее собственные возможности. Напротив, всячески преувеличивается потенциал фашистской Германии, Японии и даже Италии. Р. Куартараро, например, доказывает, что британский Средиземноморский флот во всех отношениях не отвечал требованиям борьбы с итальянским флотом¹⁵.

Действительно, командующий британским Средиземноморским флотом адмирал Фишер в 1933—1934 г. рапортовал Адмиралтейству: флот и его базы недостаточно обеспечены зенитными орудиями, «боеприпасов для интенсивного огня зениток хватит только на десять минут». По мнению Куартараро, слабость противовоздушной и противолодочной обороны вынудила в октябре 1935 г. сначала британское военное, а затем и политическое руководство «к пересмотру общей стратегической ситуации в Средиземноморье». Распространенным стало убеждение в том, «что Британия не может успешно вести войну даже против одной Италии»¹⁶.

Однако Куартараро совершенно не учитывает стратегической уязвимости фашистской Италии в 1935 г. Достаточно сослаться на то, что, по данным британского Адмиралтейства, в тот период «76% всего итальянского импорта шли по морю, в том числе 62% — через Гибралтарский пролив, 3 — через Суэцкий канал, остальные 11% — из стран Средиземноморья и Черного моря»¹⁷. Ясно, что, сосредоточив флот в Гибралтаре и Александрии, Англия могла без труда перерезать итальянские коммуникации.

К этим аргументам военного характера необходимо присоединить аргументы политические. Ведь санкции против Италии готовы были поддержать и другие страны Лиги наций, включая такую великую страну, как Совет-

¹⁵ *Quartararo R.* Imperial defence in the Mediterranean of the eve of the Ethiopian crisis (July — October 1935). — *Historical Journal*, Cambridge, 1977, vol. 20, N 1, p. 190.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Gibbs N. H.* *Op. cit.*, p. 193.

ский Союз. Союзниками Англии выступали также средиземноморские страны такие, как Франция, Югославия, Греция и Турция, с которыми в начале 1936 г. состоялись штабные переговоры. 22 января 1936 г. о поддержке санкций против Италии объявили Чехословакия и Румыния (от последней Италия получала 76% потребляемой ею нефти)¹⁸.

В условиях, когда почти все страны Средиземноморья готовы были применить санкции против Италии, а на суше ей противостояли Франция на западе и Югославия на востоке, фашистской Италии грозила полная изоляция. Единственным возможным ее союзником в Европе была гитлеровская Германия, но и с последней ее отношения из-за Австрии оставались неурегулированными. Характерно, например, что, продав Италии за 15 млн. лир 10 устаревших подводных лодок (в феврале 1936 г. они прибыли в Триест), Германия одновременно предложила предоставить Англии боеприпасы для зенитных орудий, в которых остро нуждался британский флот¹⁹.

В этой политической ситуации Великобритании достаточно было проявить твердость и закрыть Суэцкий канал для итальянских судов, чтобы агрессия в Эфиопии неизбежно провалилась. Офицеры британского Средиземноморского флота были в отличие от своего руководства в Лондоне уверены в успехе. Командующий эскадрой в Александрии адмирал Д. Каннингхэм пишет в своих мемуарах: «Такие суровые меры, как закрытие Суэцкого канала, могли действительно привести к войне с Италией, но Средиземноморский флот имел высокие боевые качества и эффективность и не сомневался в исходе борьбы с итальянским флотом»²⁰. Для этого вывода имелись веские основания. Британский флот (большая часть которого была переведена в период кризиса в Средиземноморье) имел в 1935 г., как это видно из таблицы, подавляющее превосходство над итальянским.

Не стояла тогда перед Англией, как пытается уверить нас Н. Гиббс, и «традиционная стратегическая проблема войны на нескольких фронтах». В 1935 г. фашистская Германия, которая только развертывала свои военные приготовления, просто не могла, а Япония, замышлявшая

¹⁸ Ibid., p. 211.

¹⁹ PRO, Cab. 16/139, DPR, s, 1935, 30 Nov.

²⁰ *Cunningham D. A sailor's odyssey.* L., 1951, p. 122—125.

*Военно-морские силы Англии, Италии и Франции
в 1935-1936 гг.* ²¹

Флот	Англия (март 1935 г.)	Италия (июль 1935 г.)	Франция (апрель 1936 г.)
Линкоры	15	2 (в процессе модернизации)	9
Авианосцы	6	—	—
Крейсеры	55	15	40
Эсминцы	144	49	49
Подводные лодки	45	66	74

большую войну с Китаем, еще не собиралась нападать на Британскую империю.

Но хотя быстрый крах авантюры Муссолини представлялся неминуемым в случае решительных действий Англии, в «верхах» британских военных ведомств сама перспектива вооруженного конфликта с Италией воспринималась панически. Начальники штабов спешили предупредить правительство, что «в войне, особенно без посторонней помощи, мы можем быть значительно истощены и наши ресурсы значительно ослаблены», что «британский флот ослабеет до такого размера, что не будет способен выполнить свои широкие мировые обязательства... а посылка авиации из метрополии и вероятные потери могут привести к материальному ослаблению воздушной обороны Великобритании и расстроить ведущиеся приготовления для паритета с Германией к апрелю 1937 г.» ²². Но опасения вызывали не столько военные, сколько политические последствия войны с Италией, которая могла привести, как считали в английских правящих кругах, к падению фашистского режима. Начальники английских штабов предостерегали «даже против победоносной войны с Италией» ²³, которая рассматривалась скорее как возможный союзник, чем как противник. Держа Суэцкий канал открытым для итальянских судов в течение всей итало-эфиопской войны, правящие круги Англии, образно говоря, спасали итальянский фашизм. Военные же приготовления Англии в Средиземно-

²¹ *Gibbs N. H.* Op. cit., p. 251, 335.

²² *Ibid.*, p. 190—191.

²³ *Howard M.* Op. cit., p. 103.

морье в 1935 г. были предприняты, во-первых, для оказания определенного давления на Италию, а во-вторых, для успокоения английского общественного мнения, которое решительно требовало санкций против агрессора. За кулисами военных приготовлений министры иностранных дел Англии С. Хор и Франции П. Лаваль готовили планы расчленения Эфиопии и примирения с Муссолини. В Комитете начальников штабов весь конфликт рассматривался как досадный эпизод, «проскочив» который можно было вернуться к «сердечным» отношениям с итальянским фашизмом. Как только итальянские войска вступили в Аддис-Абебу, начальники штабов потребовали у британского правительства полной отмены экономических санкций против Италии, заявив, что «Англия должна пожать руку, протянутую синьором Муссолини»²⁴.

Классовые расчеты предопределили позицию Великобритании и в марте 1936 г., когда части вермахта вступили в Рейнскую зону. Хотя начальники штабов прекрасно понимали стратегическое значение Рейнской области, они не только не предложили организовать совместно с Францией сопротивление агрессору, нарушившему Версальский и Локарнский договоры, но поддерживали политику уступок Гитлеру. С этой целью вновь был использован аргумент о «морской слабости» Англии. Основные силы британского флота, как доказывалось, находились в Средиземноморье, а в метрополии «не было достаточно судов, чтобы защитить нашу торговлю, или даже охранять наши прибрежные города от бомбардировки»²⁵. Эксперты подкрепляли эти выводы своими докладами. Один из них был рассмотрен в Комитете начальников штабов и передан правительству 19 марта 1936 г. В докладе указывалось, что флот метрополии после мобилизации (без перевода судов из Средиземноморья) будет насчитывать 4 линкора, 1 линейный крейсер, 1 авианосец, 10 крейсеров, 28 эсминцев. Следовал мрачный прогноз, что «в этих обстоятельствах флот все еще будет неадекватен для войны против Германии в плане защиты торговли и безопасности Соединенного Королевства; он также не будет способен обеспечить переброску полевых сил»²⁶. В докладе, однако (как и в работах некоторых английских военных историков),

²⁴ *Roskill S. Op. cit.*, p. 240.

²⁵ *Ibid.*, p. 224.

²⁶ PRO, COS442, 1936, 19 March.

отсутствовала сравнительная характеристика флотов метрополии и Германии. Что касается немецкого флота, то, как указывается в официальных английских трудах, он на апрель 1936 г. насчитывал 3 устаревших линкора, 6 крейсеров, 12 эсминцев, 20 подводных лодок и не имел ни одного авианосца²⁷. (По современным данным, Германия к 1 января 1937 г. имела только два устаревших линкора «Шлезия» и «Шлезвиг-Гольштейн», 3 карманных линкора, которые были фактически тяжелыми крейсерами, 6 крейсеров, 26 эсминцев и 21 подводную лодку²⁸.) В условиях мобилизации британский флот намного превзошел бы немецкий по основным видам надводных судов. Соотношение сил Великобритании и Германии определялось бы в этом случае так: линкоры — 5:3; крейсера — 5:3; эсминцы — 7:3.

Что касается подводных сил германского флота, то их было недостаточно для блокады метрополии, располагавшей к тому же весьма сильной противолодочной обороной.

Все это свидетельствует о том, что пессимистические выводы и прогнозы начальников штабов не соответствовали действительному положению дел, тем более что полностью сбрасывались со счетов силы союзников Англии, прежде всего мощный французский флот, а английский флот в Средиземноморье рассматривался как «отрезанный ломоть».

В результате Комитет начальников штабов принял следующую рекомендацию: война с Германией при существующем положении очень рискованна, ибо «мы подвержены опасности в воздухе, полностью открыты для атаки на море»²⁹. «Вопрос о войне с Германией, — уверяли начальники штабов, — в то время как мы стоим сейчас перед возможными враждебными действиями в Средиземноморье, чрезвычайно опасен... общая картина выглядит исключительно угнетающей». В конечном итоге «угнетенные» своими же расчетами, британские стратеги советовали правительству добиваться мира с Германией «любым путем» и даже пойти на передачу ей «одного или более мандатов Лиги наций»³⁰.

²⁷ *Gibbs N. H. Op. cit.*, p. 251.

²⁸ Блокада и контрблокада / Под ред. В. П. Боголепова. М., 1967, с. 101, 737.

²⁹ PRO, COS₄₁₂, 1936, 19 March.

³⁰ *Roskill S. Op. cit.*, p. 225.

«Умиротворители» в кабинете С. Болдуина воспользовались аргументами своих военных советников. В результате Англия не только не приняла мер против ремилитаризации Рейнской области, но и оказала в этом сдерживающее влияние на свою союзницу — Францию. Однако можно ли полагать, как это делают М. Говард и С. Роскилл, что именно причины стратегического характера заставили правительство С. Болдуина уступить Гитлеру. Очевидно, нет. В правящих сферах Англии в марте 1936 г., конечно, не верили всерьез в возможность бомбардировки британских берегов германскими военноморскими силами.

«Мы знаем, что Гитлер играл на удачу. Мы знаем, что Шахт сказал ему, что это (вступление вермахта в Рейнскую зону. — С. Д.) приведет к финансовой катастрофе; Нейрат сказал ему, что это вызовет опасную дипломатическую ситуацию; генштаб заявил, что если Франция и Великобритания выступят вместе, то не останется каких-либо шансов для сопротивления. Поэтому, если бы мы предъявили ультиматум Германии, она должна была бы по всем этим причинам уступить. Но, кроме того, она могла бы и не уступать, и мы получили бы войну. Естественно, мы должны победить и войти в Берлин. Но что в этом хорошего? Итогом был бы коммунизм в Германии и Франции... Мы должны поэтому постыдно уступить, и Гитлер „поведет в счете“»³¹. Эта запись (от 12 марта 1936 г.) в дневнике известного историка международных отношений Гарольда Никольсона, прекрасно информированного политического деятеля, который не принадлежал к числу сторонников умиротворения, обнажает подлинные классовые мотивы английской политики. Журнал «Нейшн» 13 марта 1938 г. писал: «Было бы ошибкой думать, что Чемберлен боится Гитлера... в основе внешней политики реакционеров в последние 5 лет лежат ненависть к Советской России и страх перед растущей силой организованного рабочего движения в Англии и особенно во Франции»³².

Предпринимаемые на Западе попытки «объяснить» мюнхенскую политику «немощью» английских вооруженных сил несостоятельны. Они не могут скрыть классовые цели, антисоветизм правящих кругов британского империализма накануне второй мировой войны.

³¹ *Nicolson H. Diaries and Letters. L., 1966, vol. 1, p. 243.*

³² *Ротштейн Э. Внешняя политика Англии и ее критики (1830—1950): Пер. с англ. М., 1933.*

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

БОРЬБА ПРОТИВ ФАШИЗМА И МИЛИТАРИЗМА — БИТВА ЗА СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

С. А. ТЮШКЕВИЧ

Вторая мировая война занимает в истории человечества особое место. Ее исход определил судьбы народов всего мира. «Крах фашизма, означавший поражение наиболее реакционного отряда империалистической буржуазии, — говорил Л. И. Брежнев, — привел к ослаблению мировой системы капитализма в целом. Трудящиеся многих освобожденных стран властно заявили о своем стремлении к радикальному изменению социального порядка. Весна 1945 года стала для многих европейских народов весной новой исторической эпохи. Трудящиеся ряда стран взяли власть в свои руки и перешли к строительству социализма. Так возникло содружество социалистических государств. Это был гигантский перелом в истории Европы, в истории всего мира»¹. Таковы бесспорные исторические факты.

Оценить значение этих фактов необходимо, так как буржуазные историки при описании второй мировой войны всячески избегают ее анализа с точки зрения классовой борьбы, а многие сознательно фальсифицируют ее социальное содержание, ее место и роль в историческом развитии.

1 сентября 1939 г. прогремели зловещие залпы, означавшие начало второй мировой войны. Наступил кризис в истории народов. Что же послужило причиной этого

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1973, т. 3, с. 18.

взрыва? Каков был социальный, классовый смысл начавшейся войны?

Отвечая на эти вопросы, необходимо прежде всего подчеркнуть, что каждая эпоха накладывает свой отпечаток на все исторические события, в том числе и на войны. В. И. Ленин отмечал, что нельзя понять войны, не поняв эпохи².

Великая Октябрьская социалистическая революция в России положила начало новой эпохе всемирной истории — эпохе перехода стран и народов от капитализма к социализму. Свергнув строй эксплуатации и угнетения, она вырвала нашу страну из пучины кровавой империалистической войны, открыла невиданные ранее возможности коренного социального переустройства жизни, создания социалистического общества. Великая Октябрьская социалистическая революция до основания потрясла мир капитализма, вступивший в период своего общего кризиса. Возник реальный социализм, началось становление и развитие новой общественно-экономической формации.

В ряду огромных задач всемирно-исторического значения — уничтожение эксплуатации человека человеком и ликвидация национального гнета и национального неравенства — встала практическая задача устранения войн из жизни человеческого общества. В авангарде осуществления этих задач выступила первая страна социализма — Советский Союз.

Ключевые проблемы общественного прогресса — ликвидация эксплуатации человека человеком и преодоление стихии экономического развития — были решены в Советском Союзе в короткие исторические сроки. На основе ликвидации частной собственности, замены ее собственностью общественной возникли и развились новые, дружественные классы — рабочий класс и колхозное крестьянство, появилась народная интеллигенция. Место анархии заняло научное, плановое управление народным хозяйством. Ранее отсталая страна превратилась в страну высокоразвитой индустрии и коллективизированного сельского хозяйства. В Советском Союзе был успешно решен национальный вопрос и осуществлена культурная революция. Все в большей мере проявляли себя новые движущие силы общественного развития —

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 287.

морально-политическое единство народа, дружба народов и советский патриотизм.

Строя социализм, советский народ учитывал агрессивность империалистической буржуазии и ее стремление применить насильственные методы против социалистической страны. «Всякая революция,— говорил Ленин,— лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»³ Это предупреждение о грозящей опасности, исходящей из лагеря империализма, о необходимости защиты социализма имело огромное значение для нашей страны в последующие годы. Оно имеет большое значение и для народов других стран, строящих социализм.

Развитие советского строя привело к укреплению экономической мощи Советского государства, росту его морально-политических возможностей. Одновременно укреплялась обороноспособность социалистической Родины. Как и предсказывал В. И. Ленин, преодоление технико-экономической отсталости страны, ликвидация эксплуататорских классов, утверждение безраздельного господства социалистической собственности, сложившееся на этой основе невиданное морально-политическое единство общества, неустанная организаторская и воспитательная деятельность Коммунистической партии придали Советскому государству и его военной организации подлинно непреодолимую силу. Тем самым фундамент будущей победы над ударным отрядом империализма закладывался и укреплялся еще до войны.

Советский народ, строя социализм и надежно оберегая свои границы, одновременно оказывал интернациональную помощь другим народам в их борьбе против агрессоров, в борьбе за социальный прогресс. Советский Союз вел неустанную борьбу за разоружение, создание системы коллективной безопасности, за предотвращение угрозы возникновения войны.

Коммунисты всегда выступали против войн между народами. Коммунистическая партия и Советское правительство доказывали, что агрессивные войны несут с собой большие людские потери, неисчислимые разрушения и материальные потери, уничтожение культурных ценностей, отбрасывают человечество в его развитии назад. Они неустанно разоблачали поджигателей войн, призывали народы к бдительности и обузданию агрессоров.

³ Там же, т. 37, с. 122.

Для народов мира становилось все более ясным, что Советский Союз является оплотом борьбы за мир и развитие человечества без войн, за демократию и социальный прогресс.

Но особенность новой исторической эпохи состояла и в том, что одновременно с укреплением Советского государства, развитием социалистических общественных отношений, ростом экономики и укреплением оборонной мощи в капиталистическом мире происходило усиление антикоммунистических тенденций вообще и антисоветских в особенности. В Италии и Германии появилась самая чудовищная сила империалистической реакции — фашизм. В Англии, во Франции и в США активизировалась деятельность скрытых и явных профашистских обществ и организаций. Правящие круги этих стран предпринимали многочисленные акции, откровенно направленные против Советского государства: отказывались от признания Советской Республики, бойкотировали торговый обмен, устраивали провокации против советских представителей за рубежом, всячески противодействовали миролюбивой инициативе СССР на международных форумах (комиссиях, конференциях, в Лиге наций и т. д.).

Не желая признавать объективную закономерность появления и неотвратимость успешного развития Советского государства, лидеры капиталистического мира в течение многих лет вели поиск путей и средств разрешения в свою пользу основного противоречия эпохи — противоречия между системой капитализма и новым общественным строем — социализмом. Одновременно правящие круги западных держав были заинтересованы в разрешении и межимпериалистических противоречий. Но сделать это они хотели прежде всего за счет Советского Союза с помощью наиболее реакционного отряда мирового империализма — германского фашизма.

Империалистическая реакция остановила свой выбор на германском фашизме не случайно. Уже на первых порах существования фашизма буржуазные государственные и политические деятели увидели в нем средство грубого террористического подавления коммунистического и рабочего движения и демократических свобод внутри страны. Они увидели в нем орудие антикоммунизма, орудие, наиболее подготовленное к борьбе против Советского Союза, его государственной, общественной и политической системы.

Сейчас хорошо известны человеконенавистнические антисоветские установки фашизма, его доктрины уничтожения большевизма и кровавой расправы с народами других стран. Известно также, что именно поэтому империалисты оказывали материальную поддержку фашистской Германии, помогли ей возродить и создать значительный военно-экономический потенциал; именно поэтому они отказались от создания системы коллективной безопасности и тем самым открыли Гитлеру и его союзникам путь к захвату и порабощению народов.

При этом правящие круги империалистических государств рассчитывали остаться в стороне с тем, чтобы на какой-то более поздней стадии воспользоваться плодами «локального столкновения» и в подходящий момент продиктовать свои условия.

Такова логика империалистической политики, проводимой буржуазными государствами в условиях существования страны социализма, мощь и авторитет которой непрерывно росли. Но случилось так, что западным державам пришлось изведать тяготы войны задолго до того, как Германия обрушилась на Советский Союз: основная сила, созданная для борьбы против коммунизма, нанесла свой первый удар по тем, кто ее создавал.

В свете этих исторических фактов совершенно беспочвенны измышления идеологов империализма и многих буржуазных историков о случайности возникновения второй мировой войны и особенно грубые попытки свалить вину за ее развязывание на Советский Союз — последовательного борца за предотвращение войны.

Все эти и другие подобные им версии являются не чем иным, как досужим вымыслом с целью отвлечь внимание мировой общественности от главного виновника всех войн, в том числе и второй мировой войны, — от империализма.

В марксистской литературе давно и убедительно показано, что войны являются неотъемлемым атрибутом империализма, результатом экономической и политической неравномерности его развития, его антагонистических противоречий.

Это полностью относится и ко второй мировой войне, в возникновении которой виновен весь империализм в целом. Она возникла как война империалистическая с обеих воюющих сторон.

В реально сложившейся обстановке на международной арене гитлеровская Германия на первом этапе борьбы за мировое господство направила удар против своих капиталистических конкурентов.

Введя в действие огромные силы, гитлеровская Германия, обрушилась на Польшу и в короткий срок разгромила ее армию, оккупировала польские земли, начал массовый террор и планомерное истребление польского народа.

После того как гитлеровцы вторглись в Данию и Норвегию, оккупировали Бельгию и Голландию, половину Франции и начали бомбардировки Лондона, Ковентри и других английских городов, стали предельно ясны замыслы фашизма.

Народы Запада во всей полноте увидели, что несет в себе фашизм. Они стали понимать, что фашизм ведет к ликвидации даже самых элементарных буржуазных свобод, попирает человеческие права, грозит физическим истреблением поработенных народов. Народы не могли мириться с такой программой фашистов, они стали организовываться на борьбу против захватчиков. В передовых рядах борцов против фашизма, за восстановление демократических свобод были коммунисты. И хотя первое время эта борьба имела ограниченные масштабы, по своему содержанию она уже тогда была битвой за социальный прогресс.

Во-первых, это была борьба против самой реакционной политической и военной силы в мире. Фашистский режим в Германии и Италии, милитаристский в Японии являлись самыми человеконенавистническими режимами, олицетворением крайности буржуазного национализма и шовинизма. Фашизм, отмечал выдающийся деятель международного коммунистического движения Г. Димитров, — «это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и пыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран.

Германский фашизм выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестово-

го похода против Советского Союза — великого отечества трудящихся всего мира»⁴.

Во-вторых, борьба народных масс против фашизма и милитаризма, боевая деятельность их авангарда — коммунистических и рабочих партий — стала определяющим фактором изменения социально-политического характера войны против государств фашистско-милитаристского блока. Она опрокинула планы англо-французских пособников агрессии и стала характерной чертой второй мировой войны.

Главным и решающим фактором второй мировой войны стала борьба Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников, совершивших неспровоцированное нападение на Страну Советов.

Агрессия фашистской Германии против Советского Союза являлась новой попыткой империализма ликвидировать первое в мире социалистическое государство, продолжением антисоветской политики международной империалистической реакции, которая родилась сразу же после победы в России Великой Октябрьской социалистической революции. Война стала прямым столкновением двух общественных систем: утратившего историческую перспективу капитализма и крепнущего социализма.

Не случайно поэтому с началом второй мировой войны в гитлеровской ставке полным ходом велась разработка плана агрессии против СССР. Начальник генерального штаба сухопутной армии гитлеровского вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер 31 июля 1940 г. сделал в дневнике следующую запись: «Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года»⁵. Фактически в это время уже началась непосредственная подготовка к походу на Восток. Именно для достижения этой цели гитлеровские политические и военные деятели временно отказались от осуществления своих планов на других стратегических направлениях. Была отложена на неопределенное время операция «Морской лев» (вторжение в Англию). Сосредоточение сил у советских границ сделало невозможным отправку подкреплений корпусу Роммеля в Северной Африке и ввод войск на Пиренейский по-

⁴ *Димитров Г.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1958, с. 7.

⁵ *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969, т. 2, с. 80.

луостров — в Испанию и Португалию; было отложено на более поздние сроки строительство флота, в том числе и подводных лодок, предназначавшихся для борьбы с флотом Англии.

После совещания военных руководителей у Гитлера 30 марта 1941 г. Гальдер записывает в своем дневнике: «Борьба двух идеологий... Огромная опасность коммунизма для будущего... речь идет о борьбе на уничтожение»⁶. Получалось так, что, воюя на почве «буржуазных отношений», и Гитлер, и Чемберлен видели главную цель в развязывании войны против Советского Союза.

Для крестового похода против Советского Союза гитлеровская Германия использовала свои основные ударные силы, а также силы своих союзников. Гитлеровские правящие круги исходили из предпосылки, что после первых же ударов мощной германской военной машины Советский Союз как государство развалится, а Советская Армия потерпит поражение. Эта самонадеянность проистекала не только и не столько из того, что гитлеровская разведка оказалась не в состоянии трезво оценить мощь Советских Вооруженных Сил и их возможности в войне, сколько из непонимания природы и особенностей социалистического государства, его внутренних потенциальных возможностей.

Подготавливая нападение на Советский Союз, фашистская клика рассчитывала провести его молниеносными темпами, отвечавшими идее «блицкрига». Ради достижения этой цели нападение на Советский Союз было предпринято в невиданных масштабах, одновременно на нескольких стратегических направлениях, с массовым применением танков, авиации и других средств ведения войны. Перед вооруженными силами Германии были поставлены задачи: разгромить Советы, сравнять с землей Ленинград как место провозглашения Советской власти, ликвидировать Москву как столицу Советского государства и т. п. В соответствии с этими целями были применены самые бесчеловечные методы ведения войны: истребление мирного населения — женщин, стариков и детей — только за то, что они являлись советскими людьми, истязания военнопленных, насилия, повсеместные грабежи, уничтожение памятников культуры⁷.

⁶ Там же, с. 430.

⁷ См.: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: В 7-ми т. М., 1959. Т. 4.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз со всей остротой поставило вопрос о жизни и смерти социалистического Отечества — оплота социализма и социального прогресса. И советский народ, следуя указанию В. И. Ленина о том, что «раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны»⁸, решительно встал на пути захватчиков. Коммунистическая партия и Советское правительство, военное командование сделали все, чтобы объединить вооруженную борьбу, экономическую, дипломатическую и идеологическую формы борьбы с врагом. Вся страна превратилась в огромный боевой лагерь, охваченный единым стремлением — разбить врага, уничтожить фашизм. Лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» стал непреложным законом жизни советского народа.

Начавшаяся война стала Великой Отечественной войной советского народа за свободу и независимость социалистической Родины, за социализм. Поднявшись на великую битву за социальный прогресс, за социализм, советский народ ясно представлял свои задачи, свою роль. К их выполнению он был идеологически и морально-политически подготовлен в предвоенные годы.

Опасность фашизма, его реакционную сущность Советское правительство понимало еще до войны: огромная теоретическая и пропагандистская работа, проведенная партией, обеспечила подготовку армии и всего народа к войне с фашизмом. В решениях ЦК КПСС и выступлениях партийных и государственных деятелей Советского Союза были разоблачены истинные планы и замыслы разбойничьего фашизма.

КПСС поставила перед советским народом и вооруженными силами предельно ясные задачи, вытекавшие из необходимости защитить революционные завоевания и результаты мирного творческого труда, из социальной природы советского строя, которому чужды какие бы то ни было захватнические устремления, а также из интернациональной роли Советского Союза в мировом движении против агрессии. Эти задачи были понятны каждому советскому человеку, каждому патриоту-интернационалисту.

Под руководством партии и правительства началась перестройка страны и всей жизни советского народа на

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 117.

военный лад, развернулась широкая мобилизация всех сил и средств на отпор врагу. Вооруженные силы, воодушевляемые идеями советского патриотизма и социалистического интернационализма, вступили в невиданную по своей ожесточенности борьбу с вторгшимися на советскую землю фашистскими захватчиками.

Решительной и мужественной борьбе советского народа и его вооруженных сил против гитлеровских захватчиков сопутствовали два весьма важных и вполне закономерных обстоятельства.

Первое обстоятельство — это поддержка героической борьбы советского народа всеми прогрессивными силами мира.

Справедливые, понятные для всех освободительные цели Великой Отечественной войны, ясная внешняя политика Советского правительства с первых же дней войны привлекли к Советскому Союзу симпатии народов всех стран. Это способствовало сплочению вокруг него всех прогрессивных сил мира, рождению мощной антигитлеровской коалиции, что привело к провалу всех предвоенных усилий международной империалистической реакции изолировать социалистическое государство, создать против него единый антисоветский фронт.

В странах, оккупированных гитлеровцами, важнейшей формой помощи Советскому Союзу стали активная борьба народов против оккупантов, повсеместное усиление сопротивления режиму «нового порядка». Важным фактором успеха этой борьбы являлось то, что гитлеровцы, бросив огромные силы против Страны Советов, отозвали значительную часть войск из оккупированных ими стран Европы.

В странах, которые не были оккупированы фашистской Германией, компартии призывали народные массы добиваться от своих правительств эффективного сотрудничества с Советским Союзом в борьбе против гитлеровской агрессии.

Компартии стран фашистского блока, вынужденные действовать в условиях подполья, разоблачали авантюризм правящих и военных кругов, призывали к солидарности с жертвами агрессии.

Широкая моральная поддержка со стороны зарубежных коммунистических и рабочих партий, рабочего класса и прогрессивной интеллигенции справедливой борьбы Советского Союза против гитлеровских захватчиков при-

умножала силы советского народа, еще больше укрепляла его веру в победу, усиливала чувство солидарности с народами, попавшими в фашистскую кабалу, и укрепляла решимость драться с врагом не только ради изгнания его с советской земли, но и для освобождения народов других стран.

Второе обстоятельство, сопутствовавшее борьбе советского народа,— это изменения, происшедшие в позиции английского правительства и правительства США по отношению к СССР после нападения на него Германии. Они оказались вынужденными пойти на оказание Советскому Союзу помощи в борьбе с гитлеровской Германией. Учитывая реакцию народов своих стран на агрессивные захватнические действия гитлеровской Германии в предвоенный период, а также на начало войны и расширение фашистской агрессии, понимая, что в случае осуществления агрессивных военных планов Германии возникнет прямая угроза для Англии и США, правящие круги этих стран вступили в антигитлеровскую коалицию.

В связи с тем что в послевоенные годы в буржуазной печати фальсифицируется история образования антигитлеровской коалиции, следует подчеркнуть, что она стала реальностью не потому, что правящие круги западных держав воспылали желанием спасти Советский Союз: их враждебные социализму позиции остались неизменны. Но они вынуждены были пойти на создание коалиции в условиях конкретно сложившейся внешнеполитической обстановки. Слишком очевидными стали подлинные масштабы угрозы гитлеровской агрессии всему человечеству, в том числе и западным державам. Народы Англии, США и ряда других государств заставили свои правительства сделать реальные шаги по пути военного сотрудничества с Советским Союзом. Так вторая мировая война превратилась со стороны всех противостоящих гитлеровской Германии сил в войну справедливую, антифашистскую, освободительную. Ведущей силой в образовавшейся антигитлеровской коалиции стал Советский Союз.

Роль Советского Союза не ограничилась только тем, что его вступление в войну коренным образом изменило соотношение сил в коалиции. Приняв на себя удар почти всех вооруженных сил гитлеровской Германии и ее сателлитов, СССР сковывал и уничтожал их на протяжении всей войны в оборонительных сражениях и наступатель-

ных операциях под Смоленском, Москвой, Сталинградом и Ленинградом.

Дальнейшие победы Советской Армии над гитлеровскими захватчиками под Курском и на Украине, в Прибалтике, Заполярье и на Балканах снова и снова оказывали огромное влияние на весь ход войны, решительно облегчали боевые действия наших союзников.

Победы Советской Армии и возросшая активность движения Сопротивления в Италии ускорили выход этого партнера Гитлера из войны. Огромный размах операций на советско-германском фронте и разгром ряда группировок немецких войск решительным образом облегчили союзникам открытие второго фронта (июнь 1944 г.). Под непосредственным влиянием побед Советской Армии от гитлеровской Германии откололись Финляндия, Румыния, Болгария. Трудно переоценить значение крупнейших операций, успешно проведенных Советской Армией на завершающем этапе войны,— Берлинской и Пражской.

Стремительные, крупномасштабные операции советских войск имели не только военное, но и огромное политическое значение. Они, во-первых, приводили к освобождению больших территорий и многочисленного населения от гитлеровской оккупации, создавали условия для восстановления поруганных свобод, законности и демократии; во-вторых, неизменно способствовали активизации народно-освободительного движения; в-третьих, эти победы одерживались не только на территории Советского Союза, но и на территориях освобождаемых стран, в том числе на территории самой Германии.

Так, остановив фашистскую агрессию, а затем одержав в Великой Отечественной войне победу, советский народ защитил социализм, отстоял социальный прогресс. Роль Советского Союза как знаменосца демократии и социализма многократно возросла, его влияние на общественную жизнь усилилось.

Победа над фашистской Германией и милитаристской Японией при решающей роли Советского Союза имела огромное всемирно-историческое значение. Своей победой советский народ не только отстоял завоевания социализма, но показал бесперспективность авантюристических планов империализма: война против стран социализма неизменно ведет к катастрофе самих агрессоров.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией не только спасла мировую цивилизацию, но и создала более благоприятные условия для ее развития. После второй мировой войны в мире произошли коренные изменения в соотношении классовых сил. Победой над фашизмом и милитаризмом были заложены прочные основы для успехов сил демократии и социализма в послевоенные годы.

Борьба против фашизма и милитаризма в годы войны явилась важным условием развития народно-демократических и социалистических революций в ряде стран прежде всего потому, что уничтожила «новый порядок» в Европе, ликвидировала реакционные политические режимы и, главное, разбила антидемократические силы, разгромила ударные силы мирового империализма. Осуществление Советской Армией освободительной миссии в решающей степени способствовало успеху народно-демократических и социалистических революций в ряде стран Европы и Азии.

В послевоенные годы народы многих стран ликвидировали у себя основы капиталистического строя и приступили к построению социалистического общества. На путь социалистической революции и создания основ социализма встали народы Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. Возникли условия для создания Германской Демократической Республики — первого в истории рабоче-крестьянского социалистического государства на немецкой земле. В конце 40-х — начале 50-х годов сложилась и окрепла мировая социалистическая система. В Западном полушарии — на острове Куба — в 1959 г. произошла антиимпериалистическая и антифеодалная революция, вскоре после которой трудящиеся Кубы приступили к строительству социализма.

Возникновение социалистической системы явилось новой предпосылкой ускорения исторического прогресса. Внутри содружества социалистических стран развиваются новые отношения, на основе общности экономических и политических интересов, на принципах справедливости. Победа над гитлеровской Германией и империалистической Японией обусловила неудержимый рост национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Южной Америки и крушение колониальной системы империализма. В 1945 г,

во Вьетнаме произошло вооруженное восстание, в результате которого в сентябре была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Советский народ и его Вооруженные Силы оказали решительную поддержку и неоценимую помощь Китаю в его становлении и развитии как социалистической страны. Однако буржуазная пропаганда, извращая исторические факты, стремится свести на нет значение советской помощи, в том числе и военной, в освободительной борьбе китайского народа.

В августе 1945 г. национально-освободительная борьба индонезийского народа положила конец 350-летнему господству голландских колонизаторов. Было провозглашено создание Индонезийской Республики. Нарастала борьба за независимость на Филиппинах, в Бирме, Малайе, Камбодже, Лаосе и других странах.

Война вскрыла историческую обреченность колониальных империй — Англии, Франции, Голландии — и всего капитализма, ускорила формирование самосознания колониальных народов, разбуженных Октябрьской революцией, показала им пример борьбы с империализмом.

В ходе национально-освободительной борьбы на земном шаре появилось более 100 новых суверенных государств. Народы Азии и Африки сбросили иго колониального рабства. Во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки национально-освободительное движение вступило в новую фазу и внесло значительные перемены в политическую и социальную структуру мира.

Победа над фашистской коалицией отразила дальнейшее возрастание роли народных масс, коммунистических и рабочих партий в общественной жизни, в борьбе против империализма. Уже в ходе войны для многих народов опасность фашизма и реакции перестала быть «чужим» делом. Она стала осознаваться как опасность всемирная, затрагивающая не только настоящее, но и будущее. В борьбе с фашизмом росло движение Сопротивления, обострялась классовая борьба. В свою очередь это способствовало повышению классового, политического сознания трудящихся, росту массовости международного рабочего и коммунистического движения, его организованности и сплоченности, более зрелому в теоретическом и политическом отношении руководству им со стороны марксистско-ленинских партий.

В ходе войны особенно ярко проявилась революционная роль коммунистических и рабочих партий. Они были идейной и организующей силой, душой и мозгом движения Сопротивления, объединения антифашистских сил, классовой борьбы внутри капиталистических стран. Несмотря на огромные трудности и потери, которые несли компартии в годы войны, они окрепли и закалились, выросли количественно, увеличилось их число.

С победой над фашизмом связано и развитие новых условий решения проблемы войны и мира. На основе изменившегося соотношения сил возросла реальная возможность предотвращения войны. Империализм бессилён повернуть вспять развитие современного мира. Хотя реакционная сущность империализма и не изменилась, но он ограничен теперь в своих возможностях развязывания мировых войн, а в определенных условиях и войн локальных.

Мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы, определяющие магистральный путь развития человечества, оказывают существенное влияние на международную политику. Они выступают против войны, за разрядку и широкое международное сотрудничество, ведут решительную борьбу за укрепление мира и международной безопасности.

Однако решение этих задач является делом исключительно трудным. Опыт подготовки и развязывания второй мировой войны учит, что империализм способен прибегать к изощренным приемам и методам в осуществлении своей агрессивной политики. Об этом свидетельствует и современная обстановка. Империализм посягает на свободу народов. Поэтому необходимо проявлять величайшую бдительность. Нельзя недооценивать военной опасности, создаваемой империализмом, агрессивными силами, где бы они ни проявляли себя. Неоспоримый урок минувшей войны состоит в том, что борьба против военной опасности должна вестись коллективными усилиями народов, всеми миролюбивыми государствами.

Интересы мира в современных условиях требуют всемерного укрепления завоеваний социализма, его защиты. Поэтому коммунистические и рабочие партии с особой силой подчеркивают, что защита социализма — интернациональный долг коммунистов. Развитие и укрепление всей системы социализма — условие успешного развития каждой отдельной страны. Военная мощь социалистиче-

ских государств служит надежной гарантией строительства социализма в отдельных странах, обеспечивает укрепление стран социалистического содружества в экономическом и политическом отношениях.

Опыт минувшей войны учит нас с особой бдительностью следить за агрессивными происками империализма. Накопленные империалистами колоссальные, невиданные еще в истории запасы средств истребления людей представляют величайшую угрозу для человечества. Отсюда ясно, почему наша страна вынуждена выделять необходимые средства на оборону, проявлять заботу об укреплении боевой мощи Советских Вооруженных Сил. Любители военных авантур должны постоянно ощущать крепость нашей обороны и решимость защищать завоевания социализма от любых посягательств агрессоров.

Особое значение имеет тот факт, что в настоящее время вместе с Советскими Вооруженными Силами на страже мира и социализма стоят армии стран Варшавского Договора. В противоположность империалистическим военно-политическим блокам цель Организации Варшавского Договора — защита социалистических завоеваний, дела мира.

Победа над фашистской Германией и империалистической Японией стала историческим рубежом в судьбах всего человечества. Произошло ускорение исторического процесса и гигантски увеличился его масштаб. Резко возросла роль народных масс как творцов истории.

Решая коренные национальные и социальные проблемы исторического прогресса, народные массы опираются на огромный исторический опыт борьбы с силами реакции, фашизмом и милитаризмом в годы войны. Этот опыт выступает фактором огромного значения, учит бдительности, предостерегает от недооценки сил классового врага. История второй мировой войны — это и тяжелейшее испытание народов и государств, героическая драма, и величественный памятник участникам и героям борьбы с фашистским блоком, и школа борьбы за социальный прогресс и мир на земле. Всемирно-историческая победа над фашизмом и милитаризмом связывает воедино историю и современность. Она устремлена в будущее человечества, вселяет оптимизм в умы и сердца людей, борющихся за мир и счастье на планете.

АКТУАЛЬНЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ

НГУЕН КХАНЬ ТОАН

(Социалистическая Республика Вьетнам)

Вопрос о причинах возникновения второй мировой войны глубоко актуален. Во-первых, в настоящее время, как и в 30-е годы, на мировой арене между силами мира и войны идет ожесточенная борьба, от исхода которой зависит дальнейшая судьба всего человечества. Во-вторых, реакционные круги Запада ведут ныне клеветническую пропагандистскую кампанию против социализма, пытаются обвинить СССР и другие страны социалистического содружества в подготовке к новой мировой войне. Шумя об «угрозе» миру, якобы исходящей от социализма, они уподобляются вору, который, стремясь отвлечь от себя внимание, кричит: «Держи вора!». Действия реакционных сил невольно напоминают об обстановке, когда над миром пролегла мрачная тень «оси» Берлин — Рим — Токио. В-третьих, сейчас на Западе усиленно распространяется миф о том, что якобы социализм, а не империализм является источником вооруженных конфликтов и напряженности. Этот миф пытаются «обосновать» тем, что возникли напряженные отношения между Китаем и Советским Союзом, между Китаем и Вьетнамом, между Вьетнамом и уже свергнутой бандой убийц кампучийского народа Пол Пота — Иенг Сари. Причем потерпевший крах диктаторский режим пномпеньских преступников представлен в империалистической пропаганде как «социалистическое государство», которое, видите ли, «борется за свое освобождение, против советских и вьетнамских экспансионистов и гегемонистов».

Таким образом, острая идеологическая борьба по вопросу о причинах второй мировой войны тесно связана с попытками пропагандистской машины Запада обелить империализм как главный источник войн современности.

В связи с рассмотрением причины возникновения второй мировой войны хотелось бы несколько подробнее остановиться на таких взаимосвязанных между собой вопросах, как углубление общего кризиса капитализма, роль политики и стратегии антикоммунизма в развязывании войны, актуальность исторического опыта борьбы сил социализма за мир, против поджигателей войны.

С тех пор как победа Великой Октябрьской социалистической революции положила конец единству капиталистической системы, империализм оказался бессилён восстановить свое господство над земным шаром и воспрепятствовать революционизирующему воздействию Великого Октября на ход исторического развития человечества. Напротив, капиталистические противоречия все более обострялись, все более углублялся общий кризис капитализма, ускорялся процесс его разложения и разрушения.

Первая мировая война возникла в результате борьбы различных группировок монополистического капитала за передел мира. Это была война империалистическая. Она началась в эпоху империализма, когда вступил в силу закон неравномерного развития капитализма, и завершилась тем, что еще более усугубила неравновесие сил в капиталистическом мире.

Вместе с тем в силу закона неравномерного развития капитализма в цепи империализма образовались наиболее слабые звенья. К такому звену относилась Россия, где созрели объективные и субъективные условия для победы социалистической революции. Победа Великого Октября пробила брешь в системе капитализма и открыла новые перспективы для развития революционного процесса в мировом масштабе.

Рост могущества Страны Советов неотделим от ее неустанной борьбы за сохранение и упрочение мира, без которого невозможно было бы построить новое общество, предпринять и завершить в исторически короткий срок гигантскую созидательную работу по строительству материально-технической базы социализма.

Несмотря на враждебное капиталистическое окружение, в период между двумя мировыми войнами быстро возрастал международный авторитет первого в мире пролетарского государства. К нему неизменно обращены горячая симпатия и поддержка рабочего класса, угнетенных народов и прогрессивной интеллигенции всего мира, которые видят в нем олицетворение идеалов свободы, равенства, социализма, прочного и стабильного мира между народами.

Империалистическая война — это война несправедливая, война грабительская. Она всегда завершается обогащением победителей, ослаблением и унижением побе-

жденных. Такая война рождает новые противоречия между империалистическими государствами, приводит к новым, более ожесточенным вооруженным столкновениям между ними. Именно такое положение создалось в капиталистическом мире после первой мировой войны. Как победители, так и особенно побежденные с небывалой активностью принялись за подготовку к новой военной конфронтации, но уже не столько между собой, сколько с Советским Союзом, оплотом мирового революционного движения.

Для того чтобы закрепить и расширить свое влияние в мире, державы — победительницы в первой мировой войне спешно наращивали экономическую и военную мощь. Предметом их особой заботы было укрепление колониального могущества. Эта линия проводилась в жизнь путем усиления эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс капиталистических стран, беспределного порабощения и ограбления колониальных народов. Монополистический капитал таких стран, как Англия, Франция, Голландия, получал сказочные, фантастические колониальные сверхприбыли. Быстро шел процесс концентрации и централизации капитала. Во Франции, например, финансовая олигархия, которая насчитывала не больше 200 семей, располагала всеми богатствами своей страны и заморских владений.

Мировым ростовщиком и финансовым диктатором стал американский империализм, нажившийся на первой мировой войне. Под видом «гуманной помощи» капитализм США посредством «плана Дауэса» и «плана Юнга» помог германскому империализму оправиться от поражения и к концу 20-х годов восстановить военно-экономический потенциал, всячески поощряя в Германии реваншистские настроения.

Однoboкое, направленное преимущественно на подготовку к новым вооруженным столкновениям развитие капиталистической экономики в период относительной стабилизации капитализма способствовало возникновению экономического кризиса 1929—1933 гг. Это был самый глубокий и жестокий экономический кризис, который когда-либо знала история капитализма. Он оказал сильное влияние на международную обстановку 30-х годов.

Этот кризис — одно из самых ярких свидетельств загнивания империалистической системы, которая не может существовать без постоянной напряженности в

отношениях между государствами, создает перманентную угрозу всеобщему миру и угрожает уничтожением мировой цивилизации.

При капиталистическом способе производства каждый экономический кризис имеет свои политические акценты, поскольку является материальным выражением противоречий между производственными отношениями и производительными силами общества. Но никогда прежде экономические кризисы не вызывали столь сильных политических последствий, как кризис 1929—1933 гг. Этот кризис развивался на фоне всеобщего кризиса капитализма. Поэтому он не мог не служить почвой, на которой обострялся весь комплекс империалистических противоречий. Борьба между империалистическими державами не могла уже ограничиться довоенными рамками, т. е. борьбой за передел мира. Теперь целью этой борьбы стала мировая гегемония. Такое изменение соответствовало новому этапу в эволюции монополистического капитала — переходу к государственно-монополистическому капитализму.

Попытки империалистов взвалить на плечи рабочего класса и колониальных народов бремя кризиса 1929—1933 гг. вызвали бурную волну недовольства и возмущения широких трудящихся масс. Революционные силы перешли в контрнаступление. В главных капиталистических странах — США, Англии, Франции, Германии, — больше всего затронутых экономическим кризисом, народные массы наряду с борьбой против дороговизны, безработицы боролись также с угрозой фашизма и военной опасностью. В классовых боях крепло единство рабочего класса, развивалось антифашистское движение Народного фронта. Росло влияние коммунистических партий на политическую жизнь.

В общем революционном подъеме важную роль играло и национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран. Оправдывалось предсказание великого Ленина об исторической роли революционного Востока. Выражая чаяния и думы вьетнамского народа, Хо Ши Мин говорил: «Только социализм, только коммунизм может действительно высвободить из-под империалистического гнета все поработанные народы и всех угнетенных тружеников на земле»¹.

¹ *Нô Chí Minh*. Tuyên tap. Hanoi, 1966, тi 794.

Осознать эту истину многострадальному народу Вьетнама помог передовой отряд вьетнамского рабочего класса — Коммунистическая партия Вьетнама, основанная, воспитанная и руководимая великим патриотом, испытанным марксистом-ленинцем, выдающимся деятелем мирового коммунистического движения — Хо Ши Мином.

Во Вьетнаме с созданием коммунистической партии в 1930 г. молодой рабочий класс стал единственной руководящей силой национально-освободительной революции. В разгар революционной бури 1930—1931 гг. в ряде районов Северного Вьетнама впервые была установлена рабоче-крестьянская советская власть.

Итак, в предвоенные годы социализм как символ всего лучшего, к чему стремилось передовое человечество — к свободе, независимости, социальному прогрессу и миру, — стал путеводной звездой для всей прогрессивной части человечества. Поэтому понятно, за что реакция капиталистических стран ненавидит коммунизм. Именно коммунизм являлся и является главным препятствием на пути осуществления империалистических планов мировой гегемонии.

Накануне второй мировой войны ненависть к коммунизму объединила все силы империалистической реакции, несмотря на присущие империализму внутренние противоречия.

Фашистская Германия представляла собой реальную угрозу для всеобщего мира и безопасности. Но когда она начала свое контрреволюционное наступление с уничтожения коммунистов внутри Германии, империалистические круги Запада вознамерились использовать фашизм в более широких антикоммунистических и антисоветских целях. Фашизм империалисты Запада считали меньшим злом, чем социализм.

По мере того как фашизм становился все циничнее и агрессивнее, империалистические «защитники мира» все больше сползали на путь уступок и компромиссов, стремясь такой ценой направить гитлеровскую агрессию против СССР. От уступки к уступке, от компромисса к компромиссу они в конце концов скатились до капитулянтской позиции, до прямой измены интересам своих наций. Только благодаря их потворству смогла образоваться фашистская агрессивная «ось» Берлин — Рим — Токио. Без их поддержки Гитлеру и Муссолини не удалось бы задушить республиканскую Испанию и

установить фашистский режим Франко. Западные державы не предприняли также надлежащих мер для обуздания фашистских агрессоров, когда те напали на Китай, Эфиопию, Австрию. Они предали в Мюнхене Чехословакию и тем самым облегчили фашистскому блоку путь к развязыванию второй мировой войны.

В то время прекрасные примеры доброй воли и выдержки показал лишь Советский Союз, для которого сохранение мира и обеспечение безопасности народов было дороже всего. В самый критический момент, когда Гитлер уже протянул руки к Польше, Советское правительство предложило английскому и французскому правительствам совместные действия для обуздания фашистских провокаторов войны. Эти предложения были отвергнуты, потому что правителям Англии и Франции важно было не защитить мир, а направить гитлеровский кинжал в спину Советского Союза. Тогда СССР был вынужден наряду с другими мероприятиями в целях самозащиты подписать предложенный Германией договор о ненападении.

Такие буржуазные политики, как Чемберлен и Даладье, которые в то время были ответственны за судьбу не только народов своих стран, но и народов значительной части Европейского континента, питали иллюзии, будто они побеждают в той шахматной партии, которую они разыгрывали с Гитлером. На деле же классовые эгоистические интересы и антикоммунистические взгляды крупного капитала настолько ослепили их, что они сами превратились в инструмент чудовищных гитлеровских махинаций.

Безусловно, целью фашистов, этой самой реакционной, агрессивной, националистическо-шовинистской фракции буржуазии, являлось уничтожение коммунизма. В этом англо-французские и американские империалисты были уверены. Но они не допускали и мысли, что фашистские захватчики намеревались добиться своей заветной цели только после того, как они обезвредят и подчинят себе своих империалистических соперников, используют их мощные материальные и людские ресурсы для подготовки нападения на Советский Союз. Англо-французские и американские империалисты, направляя железный кулак Гитлера в сторону Советского Союза, предполагали, что на Востоке будет долгая,

беспощадная и истребительная бойня, из которой ни та, ни другая сторона не выйдет целой и невредимой. Таким образом они надеялись и избавиться от своего империалистического конкурента, и уничтожить социализм.

Главным из этих двух противников для них был, конечно, социализм. Именно поэтому западные империалисты отклонили все предложения СССР о создании системы коллективной безопасности и предпочли пойти на уступки Гитлеру. «Лучше стать на колени перед фашистскими бандитами, нежели сотрудничать с коммунистами», — таков был девиз западноевропейских и американских империалистических дельцов.

Как западные державы, так и фашистский блок жестоко просчитались. Империалистическая система в целом вышла из войны ослабленной, а социализм неизмеримо окреп. В авангарде борьбы против империализма и его чудовищного детища — фашизма выступили коммунисты. Они являлись и являются передовым отрядом мировых революционных сил, воплощают в своих делах историческую миссию пролетариата, их вдохновлял и вдохновляет великий пример Советского Союза.

Коммунисты тех стран, где правящие классы капитулировали перед фашистской Германией, стали в годы войны ядром движения Сопротивления. Вместе с Советским Союзом они участвовали в разгроме захватчиков и закладывали основу могучего содружества социалистических государств. Вьетнамские коммунисты во главе с Хо Ши Мином, несмотря на империалистический террор, в глубоком подполье готовили вьетнамский народ ко всеобщему вооруженному восстанию в августе 1945 г., в результате которого была свергнута власть японских оккупантов и французских колонизаторов, ликвидирован феодальный строй и было создано первое рабоче-крестьянское государство в Юго-Восточной Азии.

С тех пор вьетнамский народ твердо держит в своих руках знамя борьбы за сохранение мира в этом регионе, дает решительный отпор империалистическим захватчикам и интервентам. В своей борьбе он опирается на горячую симпатию и эффективную поддержку стран социалистического содружества, всего прогрессивного человечества.

Таковы некоторые весьма поучительные выводы из событий недавнего прошлого.

Тем не менее империалисты и реакционеры в поисках выхода из всеобщего кризиса капитализма лихорадочно готовятся к развязыванию новой мировой катастрофы. Они злобно клеветуют на Советский Союз и мировое коммунистическое движение.

Несмотря на угрозы и провокации, героический вьетнамский народ, для которого нет ничего дороже независимости, свободы, социализма и мира, при поддержке других стран социалистического содружества, всех миролюбивых народов преподал иностранным захватчикам достойные уроки. Так будет и впредь. Враги мира сегодня, как никогда ранее, окружены гневом и презрением всех людей доброй воли. Мы уверены в том, что, сплоченные под знаменем мира, социализма и пролетарского интернационализма, прогрессивные силы всех стран во главе с многомиллионным отрядом коммунистов не допустят новой мировой войны.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ПОЛЬСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

РУДОЛЬФ ДЗИПАНОВ, ЭУГЕНИУШ КОЗЛОВСКИЙ
(Польская Народная Республика)

Более 40 лет тому назад коварный и жестокий враг напал на Польшу. На рассвете 1 сентября 1939 г. мощные вооруженные силы фашистской Германии без объявления войны нанесли удар одновременно с суши, воздуха и моря.

Этот день явился началом шестилетнего военного пожара, который охватил весь мир: его многообразные последствия известны всем.

Для Польши трагический сентябрь явился началом героической борьбы народа с гитлеровскими захватчиками за независимость своей Родины, за само существование нации. Одновременно начало второй мировой войны стало тем событием в нашей новейшей истории, которое дало нам глубочайший опыт и помогло сделать весьма важные выводы, являющиеся сегодня фундаментом госу-

дарственной политики Польши и нерушимым канонем ее политической мысли.

Анализируя причины второй мировой войны спустя 40 лет после ее возникновения, мы вновь констатируем, что главными движущими силами агрессии и войны были фашистские Германия и Италия в Европе и милитаристская Япония на Дальнем Востоке. Несомненно и то, что немалую вину за возникновение второй мировой войны несут империалистические круги Великобритании, США и Франции, которые, стремясь изолировать СССР и направить экспансию фашистских государств на восток, не только не препятствовали, но даже потворствовали возрождению германского милитаризма и агрессивным действиям государств «оси» в 1935—1939 гг. Ярким выражением этого курса явилось позорное мюнхенское соглашение.

Вторая мировая война, хотя она и началась как вооруженный конфликт между капиталистическими государствами, с самого начала отличалась по своему характеру от войны 1914—1918 гг. Далек идущие фашистские планы мирового господства, с одной стороны, а с другой — оборонительный характер войны, которую вела Польша, а затем и другие подвергшиеся агрессии страны Европы, обусловили то, что с самого начала война, которую вели народы, защищая свой суверенитет и независимость, становилась с их стороны войной справедливой, антифашистской, особенно после вступления в нее Советского Союза и образования антигитлеровской коалиции.

Вследствие превосходства агрессора в количестве войск и их техническом оснащении, особенно в танках и авиации, польские группировки, сражающиеся вдоль границ протяженностью около 1,6 тыс. км, вынуждены были с боями отступать под ударами преобладавших сил врага в глубь страны. Линия слабо укрепленного польского фронта была прорвана уже в первые дни войны и до конца боевых действий ее не удалось восстановить на предусмотренных оборонительных рубежах. Несмотря на это, агрессор не смог уничтожить польские вооруженные силы первым же молниеносным ударом. Солдаты самоотверженно выполняли свой патриотический долг, показывая примеры мужества и преданности Родине. Небольшой отряд на полуострове Вестерплатте в течение семи дней отражал ураганные атаки превосходящих в 20 раз сил про-

тивника; стойко, до конца защищались отрезанные от основных сил отряды обороны побережья в Гдыне и на Оксыве. Горстка гданьских почтовых служащих не испугалась вооруженных до зубов отрядов вермахта и СС. Вплоть до 2 октября удерживали свои позиции непобедимые защитники Хеля. Героические страницы во славу нашего оружия вписали защитники рубежей под Млавой. Образцы мужества и воинского искусства показали артиллеристы и уланы под Ченстоховой, успешно сражаясь против танковой дивизии врага. В течение двух дней отрезанный от основных сил батальон капитана Рагиниса сдерживал под Визной наступление частей корпуса Гудериана.

Особое место в сентябрьских событиях 1939 г. занимает битва на р. Бзуре, которая была самой крупной операцией начального периода второй мировой войны. Гитлеровское командование было вынуждено изменить оперативные планы, в частности отказаться от быстрого форсирования главными силами вермахта средней Вислы и захвата Варшавы.

Героическая оборона столицы и патриотизм ее жителей явились свидетельством воли всего народа к сопротивлению и борьбе. Варшава и Модлин сковали у своих стен значительные силы врага. В то же время упорное сопротивление оказавшихся отрезанными от основных сил разбитых польских группировок, в том числе последние бои под Коцком, затянули военные действия и развеяли мечты гитлеровцев о «парадном марше» через Польшу.

Ход военных действий доказал, что война с Польшей не была простым делом для гитлеровской Германии, несмотря на столь значительное техническое превосходство вермахта. Ни варварские налеты «люфтваффе» на беззащитные польские города и села, ни жестокий террор не заставили народ сложить оружие.

Наиболее ярко воля к сопротивлению проявилась в повсеместной организации самообороны — в создании боевых отрядов, групп, а также гражданских комитетов помощи. Примером могут служить отряды гдыньских ко-синьеров, батальоны силезских повстанцев, отряды национальной обороны, рабочие и харцерские отряды. Символическим стало имя коммуниста Мариана Бучека, много лет проведенного в тюрьмах буржуазной Польши, который с оружием в руках возглавил атаку группы солдат и гражданских лиц и пал под Олтажевом.

Особенностью военных действий, которые вели фашистские захватчики, был их преднамеренно преступный характер. Гитлеровская Германия с первого дня войны полностью попрапа элементарные нормы международного права. В соответствии с директивой Гитлера вермахт и войска СС получили приказ: «Убивать без сочувствия и жалости мужчин, женщин и детей польского происхождения и говорящих на польском языке». «Люфтваффе» в результате террористических налетов уничтожили свыше 160 незащищенных городов, сотни сел и населенных пунктов, бомбили поезда с эвакуирующимся гражданским населением, обстреливали колонны безоружных беженцев на дорогах. Гитлеровские сухопутные войска сжигали села и населенные пункты, расстреливали гражданское население, зверски расправлялись с военнопленными¹. Следующие за ними «оперативные группы» на основе заранее составленных списков расстреливали бывших бойцов из батальонов силезских и великопольских повстанцев, политических и общественных деятелей.

Польша была первой жертвой тотальной войны гитлеровской Германии. В то же время она была первым государством в Европе, которое не капитулировало без борьбы. Вооруженное сопротивление Польши имело важное значение для хода второй мировой войны. Союзные с Польшей государства выиграли прежде всего время, необходимое для укрепления своего военного потенциала и дальнейших приготовлений к вооруженной борьбе против Германии.

Оборонительная война 1939 г. одновременно показала, что правительство и военное руководство Второй Республики недостаточно подготовили страну к успешной обороне. События полностью выявили экономическую и политическую отсталость страны. Стала очевидной ошибочность стратегических концепций, основанных на великодержавных иллюзиях и необоснованной вере в западных союзников. Героизм и самоотверженность польских солдат не могли компенсировать слабость вооруженных сил, их отсталость (как в материальном отношении, так и с точки зрения развития военной теории), равно как и бездарность верховного военного ко-

¹ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 3-х т. М., 1966, т. 2, с. 114—150.

маандования, проявившуюся в ходе военных действий. Под ударами агрессора очень скоро вышли из строя высшие и средние звенья государственного аппарата; перестала функционировать система командования вооруженными силами.

Несмотря на трагическое развитие событий, народ самоотверженно вступил в борьбу с агрессором. Этому не могли воспрепятствовать ни поражения на фронте, ни быстрый распад государственного организма. Позиция общественности, ее активное сопротивление агрессору явились самым убедительным свидетельством отрицательного отношения народа к политическому курсу польских правящих кругов, его всеобщего осуждения.

Своей решительной борьбой польский народ оказал большое влияние на народы Западной Европы, которые яснее представили себе грозящую им опасность, стали более активно выступать против мюнхенской, капитулянтской линии правящих классов своих стран.

Сентябрьское поражение и оккупация страны гитлеровскими захватчиками не сломили морального духа народа и его решимости продолжать сопротивление. Польский солдат не сложил оружия; он включился в борьбу на всех фронтах войны с фашизмом на суше, море и в воздухе. В освободительной войне его поддерживали патриотические силы общества, которые противопоставили оккупантам все доступные формы движения Сопротивления, включая боевые действия и партизанскую борьбу.

Жестокой гитлеровской политике истребления населения и террора польский народ с первого до последнего дня войны противопоставил бескомпромиссную борьбу за свободу. Он вел ее как в своей стране, так и за ее пределами, почти на всех фронтах войны с фашизмом, умножая славные традиции битв «за нашу и вашу свободу». Хотя по величине территории и численности населения Польша относится к средним государствам, мы оказались в первой группе стран после великих держав — Советского Союза, США и Великобритании, вынесших на себе основную тяжесть войны с фашизмом.

Трагический по своим результатам и последствиям сентябрь 1939 г. послужил в то же время толчком для переоценки общественностью взглядов и позиций по вопросам, имеющим важнейшее значение для дальнейшего национального и государственного существования страны. На фоне однозначно негативной оценки и повсеместной

критики буржуазно-помещичьего строя, скомпрометированного к тому же беспримерным в истории поражением правящих кругов, в широких слоях народа начало нарастать и крепнуть убеждение в необходимости коренных социально-политических и государственных перемен в Польше. Уже тогда начали формироваться новые общественные силы, выдвигавшие требование передачи власти демократическим группировкам, которые смогли бы обеспечить возрожденному польскому государству прочную независимость и расцвет в условиях мира и безопасности. Среди этих сил еще в первый период войны оформилось левое течение, которое возглавила Польская рабочая партия. Именно она наметила и вместе с Союзом польских патриотов в СССР воплотила в жизнь победную стратегию борьбы за национальное и социальное освобождение путем создания широкого демократического фронта, опирающегося на единственно реальный союз и дружбу с Советским Союзом.

Ход сентябрьских событий вновь подтвердил старую истину, что лучше всего друзья познаются в беде. Польский народ вынужден был в одиночку вести навязанную ему войну, предоставленный сам себе и лишенный сколько-нибудь действенной помощи со стороны западных союзников. Хотя в сентябре польский солдат мужественно сражался и в отдельных сражениях наносил врагу ощутимые удары, его уделом были нескончаемые оборонительные бои и трагические отступления, горечь поражения и плена. Однако вооруженное участие поляков в оборонительной войне 1939 г. не было напрасным. Прошло 68 долгих месяцев, прежде чем восторжествовала историческая справедливость, когда Войско Польское вместе с Советской Армией участвовало в штурме Берлина.

Опыт и уроки трагического сентября 1939 г., а также ход и итоги войны 1939—1945 гг. явились одним из главных предпосылок того, что ныне система обороны Народной Польши опирается на принципиально иные основы по сравнению с периодом межвоенных десятилетий. Политико-стратегические предпосылки обороноспособности социалистической страны вытекают из единства интересов народа и государства, необходимости обеспечения максимально благоприятных условий для мирного развития. Разработанная под руководством партии социалистическая оборонная доктрина обеспечивает надлежащее

выполнение вооруженными силами своих функций и задач по защите независимости и социализма.

Опыт сентября и всей мировой войны, а также опасность, вызванная агрессивной политикой реакционных сил и империалистических военно-промышленных комплексов в послевоенные годы, привели к необходимости обеспечения нашего суверенного национального существования не только с помощью мер по укреплению обороны, но и путем активной внешней политики на международной арене. Примером служат активные действия социалистических стран, в том числе и ПНР, по разрядке международной напряженности и упрочению мира на земле, ликвидации конфликтов и очагов войны, а также по разоружению, созданию безъядерных зон и т. п.

Главным принципом внешней политики Народной Польши являются выдвижение и активная поддержка инициатив и участие в мероприятиях в рамках стран социалистического содружества. Основой этой деятельности, гарантирующей мир и независимость нашей Родины — в противоположность конъюнктурным, не принесшим никакой пользы межвоенным союзам — является прочный союз с СССР, союз с самой крупной державой мира. Особая ценность и значение этого союза проистекают из единства классовых интересов и интернационального долга, из глубочайшей заботы о безопасности и независимом национальном существовании, об обеспечении мирного развития всех стран социалистического содружества. Этим же целям служат Варшавский Договор, союзы с другими социалистическими странами. Наглядным результатом такого сотрудничества являются, в частности, удовлетворительные результаты работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки. При широкой поддержке и при полном одобрении со стороны ООН была принята Декларация о воспитании общества в духе мира, которая была разработана и представлена Польшей.

Отмечая с большим удовлетворением положительные результаты усилий социалистических стран в области внешней политики, в том числе и вклад польской дипломатии, мы не можем закрывать глаза на существование фактов, свидетельствующих о том, что некоторые круги на Западе забывают об уроках второй мировой войны. Там продолжают существовать и активно действовать империалистические силы, поддерживаемые могущественными

промышленно-финансовыми комплексами, противящиеся разрядке. На такой почве на Западе возрождаются и активизируются, особенно между Рейном и Эльбой, различные неофашистские группировки и апологеты милитаризма. Об этом свидетельствует постоянно возрастающее в ФРГ число книг о второй мировой войне, издаваемых массовыми тиражами, в которых без всякого стеснения превозносятся победы вермахта и гитлеровские злодеяния. Повсеместно фальсифицируются или замалчиваются многие факты, касающиеся причин, хода и итогов второй мировой войны. В свете прошлого опыта должны вызывать беспокойство и усиливать бдительность многочисленные примеры демонстраций и провокаций, организуемых различными землячествами и неофашистскими организациями, которые свидетельствуют о возрождении в ФРГ духа милитаризма и реваншизма.

Общественность всего мира, в том числе и Польши с удовлетворением встретила принятие бундестагом решения о неприменении закона о сроке давности преступления к гитлеровским военным преступникам. Однако в то же время никого не может удовлетворить половинчатый характер этого решения, и особенно существующая до сих пор пародия на преследования и наказания в ФРГ за военные преступления, а также за преступления против мира и человечества.

Один из самых главных уроков, который наш народ вынес со времен войны,— это необходимость дальнейшего укрепления морально-политического единства народа.

С первого дня гитлеровской агрессии наш народ показал беспримерную солидарность в борьбе с врагом. Долгие годы оккупации подтвердили необходимость объединения всех патриотических сил поляков в широком едином народном фронте. Идея единства нации в борьбе с гитлеровским захватчиком перед лицом страшной опасности физического уничтожения нашего народа стала одним из принципов намеченной Польской рабочей партией программы и стратегии освободительной войны. Усилия партии, направленные на воплощение в жизнь этой идеи, привели к исторической победе над фашизмом. Мы отдаем себе отчет в том, что путь к единству не был простым и легким. Поэтому мы будем хранить и укреплять достигнутое морально-политическое единство нашего народа и рассматривать его как наивысшее благо.

Трагическая и одновременно героическая история нашего народа в годы второй мировой войны навсегда запечатлена в пантеоне славы и памяти народной. В сознании людей будет вечно жить память о 6 млн. замученных гитлеровскими захватчиками и погибших в боях польских граждан.

Наш народ отдает дань павшим в борьбе за независимость Родины, бережной заботой окружает места борьбы и мучений. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники и музеи, связанные с событиями войны.

Самой большой заботой мы окружаем тех, кто принимал участие в великой войне с фашизмом. Мы воспитываем в традициях борьбы за национальное и социальное освобождение молодое поколение поляков, прививаем ему национальную гордость за значительный вклад отцов и дедов в борьбу и победу антигитлеровской коалиции; мы делаем все, чтобы опыт трагического сентября и гитлеровской оккупации, а также плоды исторической победы служили на благо социалистической Родины — Народной Польши, а правда о том времени служила делу формирования нового социалистического сознания нашего народа.

ИСТОРИЯ СЛУЖИТ НАСТОЯЩЕМУ И БУДУЩЕМУ

А. П. МАРЕСЬЕВ

22 июня 1941 г. стало историческим рубежом в жизни Европы и мира. В этот день фашистская Германия напала на первое социалистическое государство планеты. Началась Великая Отечественная война советского народа — главная и решающая составная часть второй мировой войны. Память сохранила в деталях, как это было, словно бы и не минуло с тех пор 40 долгих лет.

Однако уже прошло более четырех десятилетий. И хотя в мире многое изменилось, интерес людей к тому суровому и героическому времени, когда решались судьбы человеческой цивилизации, не ослабевает. Это понятно, ибо современность тесно связана с историей, а прошедшие после Великой Отечественной войны годы позволяют с большей определенностью оценить ее результаты

и влияние на все стороны послевоенного общественного развития. С расстояния четырех десятилетий итоги и уроки войны представляются более значительными, чем сразу же после ее завершения.

Истории второй мировой и Великой Отечественной войн посвящено множество капитальных трудов, исследований ученых различных стран, книг и статей, документальных публикаций. События, уроки, последствия, мужественной борьбы народов против фашизма получили и продолжают получать отражение в художественной литературе, публицистике, изобразительном искусстве.

Люди вновь и вновь обращаются к истории, опыту, урокам минувшей войны еще и потому, что империализм, который уже дважды в XX столетии развязывал мировые войны, развязал бы и третью, не будь перед ним военного, экономического и политического могущества Советского Союза, всех стран социалистического содружества. В этих условиях напоминать об исходе крупнейшего военного столкновения с ударными силами империализма — значит сегодня предостерегать тех, кто хочет решать противоречия и споры между государствами на полях битв, а не за столом переговоров.

Война с германским фашизмом была самой тяжелой, самой разрушительной и кровопролитной из всех войн, какие пришлось пережить Стране Советов. История не знала столь дикого варварства и жестокости, какие с первых же дней после вероломного нападения на СССР начали творить на советской земле гитлеровские головорезы, такой звериной ненависти, какую проявили нацисты к общественному строю, культуре, традициям и законам нашей Родины. Однако чудовищным замыслам немецко-фашистских захватчиков — поработить советских людей — не суждено было сбыться. Гитлеровская Германия оказалась разгромленной, свободолюбивые народы отвоевали свое право на развитие по пути прогресса.

Это бесспорный факт, объективная реальность. Но, для того чтобы сделать из него надлежащие выводы на будущее, глубже осознать суть происходящих событий, надо помнить о главных уроках войны, понять, что произошло и почему произошло так, а не иначе, оценить значение происшедшего для наших дней.

Не только историки и писатели, но и современники тех событий, представители моего поколения могут подтвердить: советский народ не хотел войны. Он был глу-

боко заинтересован в сохранении мира — главного условия успешного строительства социализма. СССР решительно выступал за обуздание агрессоров, боролся за создание системы коллективной безопасности в Европе, и эти усилия встречали поддержку всех миролюбивых сил, коммунистических партий капиталистических стран. VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1935 г., выступил против фаталистических представлений о бессмысленности и безнадежности борьбы за предотвращение мировой войны. Центральной задачей компартий стало создание совместного антивоенного фронта народов. Именно эту цель преследовал и ряд важных инициатив Советского Союза¹. Однако правительства ведущих капиталистических держав не захотели встать на путь сотрудничества. Слепленные классовой ненавистью к социалистическому государству, они строили свою политику в расчете на германо-советскую войну, стремились изолировать СССР в международном плане.

Стоит, вероятно, напомнить и тот факт, что, хотя над Европой сгущались тучи военной опасности, Советский Союз продолжал социалистическое строительство. Неизведанным и нелегким был этот путь, который предусматривал преодоление экономической отсталости страны, создание мощной материально-технической базы, обеспечение независимости в международном плане. Ценой героического труда, часто отказывая себе в самом необходимом, наш народ, руководимый Коммунистической партией, к началу 40-х годов превратил отсталую, разоренную империалистической войной и иностранной интервенцией Россию в могучую державу.

Планы на будущее предполагали дальнейшее ускоренное развитие экономики и культуры. Достигнутый уровень позволял уделить больше внимания повышению благосостояния населения. Вероломное нападение гитлеровской Германии нанесло этим планам жестокий удар.

Очевидно, нет необходимости вновь припоминать здесь сложную, во многом трагическую и в то же время наполненную массовым героизмом историю Великой Отечест-

¹ В марте 1939 г., например, Советское правительство предложило немедленно созвать конференцию с участием Англии, Франции, Турции, Польши, Румынии — государств, наиболее заинтересованных в предотвращении агрессии. 17 апреля 1939 г. Советский Союз предложил Англии и Франции заключить трехсторонний договор о взаимопомощи в случае агрессии.

венной войны. Современники и участники помнят ее, а представителям послевоенного поколения можно было бы порекомендовать обратиться, например, к советско-американскому 20-серийному документальному фильму «Великая Отечественная»². В нем последовательно, точно и достоверно запечатлены и первые поражения, и первые победы, героизм на фронте и в тылу, преступления нацистов на оккупированных территориях, действия партизан, освобождение от гитлеровского ига европейских стран и, наконец, незабываемый День Победы.

Разгром фашистского блока был достигнут усилиями народов, выступавших союзниками по оружию. Советские люди объективно и по достоинству оценивают героизм и мужество партизан в оккупированных гитлеровцами странах, самоотверженность коммунистов и патриотов-антифашистов в нацистской Германии и других фашистских государствах, в тягчайших условиях террора не прекращавших борьбы. Мы не забываем, насколько важным для победы над общим врагом было военно-политическое сотрудничество государств антигитлеровской коалиции. Несомненна доблесть, проявленная в боях солдатами и бойцами Сопротивления многих стран. Эти заслуги очевидны. Однако как ни велики были вклад и усилия других, остается фактом, что основную тяжесть борьбы с фашизмом вынес на своих плечах Советский Союз.

Отправляясь на выполнение боевых заданий, я, в то время военный летчик, видел под крылом своего истребителя руины наших городов, почерневшие от пожарниц остовы фабрик и заводов, разрушенные мосты, электростанции и плотины. Сердце сжималось от боли и ненависти к врагу при виде пепелищ на месте некогда цветущих сел и деревень, изрытых воронками, опустевших полей и пастбищ, где еще недавно кипела жизнь³. А чем изме-

² Во многих странах он демонстрировался под названием «Неизвестная война».

³ Фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 советских городов и более 70 тыс. сел и деревень, лишив крова около 25 млн. человек. Они уничтожили 31 850 промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог. Гитлеровцы разгромили 40 тыс. больниц и других медицинских учреждений, 84 тыс. школ, техникумов, вузов, научно-исследовательских институтов, разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных станций. В целом национальное богатство СССР сократилось на 30%.

ритель горечь утраты, связанной с гибелью близких людей: родных, друзей, однополчан! 20 млн. сыновей и дочерей потерял наш народ, отстаивая свою независимость и независимость других государств.

«Ни с чем не сравнимы потери и разрушения, которые принесла нам война,— сказал Л. И. Брежнев в докладе, посвященном 50-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.— Она причинила народу горе, от которого и поныне скорбят сердца у миллионов матерей, вдов и сирот... Но ничто не могло сломить волю советского человека, победную поступь социализма. Тяжела была горечь утрат. Но рядом с ней в душе каждого советского человека жило радостное чувство — чувство победы. Подвиг павших вдохновлял живых»⁴.

Почти четыре года под руководством Коммунистической партии шли советские люди к великой Победе. Шли упорно и целеустремленно, сквозь огонь ожесточенных сражений, не жалея сил и самой жизни во имя разгрома ненавистного агрессора. И победили. Победили потому, что боролись за правое дело. В беспощадной битве с жестоким врагом была решена великая историческая задача — защитить завоевания социализма. Подтвердился пророческий вывод В. И. Ленина о несокрушимости рожденного Октябрем нового общественного строя. «Никогда не победят того народа,— говорил он,— в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»⁵. Это один из главных и в высшей степени наглядных уроков Великой Отечественной войны. Своей победой советский народ показал бесперспективность авантюристических планов империализма: война против стран социализма опасна для самих агрессоров.

Начиная военный поход на Восток, фашистские стратеги явно недооценили величие морального духа воинов Красной Армии, всех советских людей. А ведь этот фактор играл огромную роль. «Во всякой войне,— подчеркивал В. И. Ленин,— победа в конечном счете обуславлива-

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970, т. 2, с. 92.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.

ется состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убеждение в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести»⁶. Сколько раз на фронтах Великой Отечественной я убеждался в справедливости этих слов! Сколько раз видел, как мои товарищи по оружию совершали чудеса героизма, акты самопожертвования, несравненной доблести и отваги во имя разгрома ненавистного врага, освобождения нашей социалистической Родины от фашистской скверны. Весь мир, например, говорил о подвиге А. Матросова, грудью закрывшего амбразуру вражеского дота. Но все ли знают, что в годы войны его бессмертный подвиг был повторен более 200 раз? Свыше 70 раз повторен и подвиг Н. Гастелло, спикировавшего на горящем самолете в скопление гитлеровских войск. Подобных примеров, вписавших яркую страницу в летопись героической борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков, мы, ветераны войны, могли бы вспомнить немало. Уже сам тот факт, что свыше 7 млн. воинов было удостоено орденов и медалей, в том числе 11 603 человека — высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза, красноречивее всяких слов.

Крах гитлеровского нападения на СССР продемонстрировал огромные возможности, заложенные в социалистическом строе, его прочность и жизненную силу. Несмотря на колоссальные трудности, потери, разрушения, Советская страна не только выстояла, но и смогла в кратчайшие сроки подняться, шагнуть далеко вперед. Убедительно доказав несокрушимую мощь социализма, наша Победа вместе с тем стала предостережением всем охотникам до чужого добра, всем любителям военных авантюр.

На фоне огромного ущерба, нанесенного Советскому Союзу войной, еще более величественными предстают новые рубежи, достигнутые им в создании материально-технической базы коммунизма в послевоенный период. Экономические показатели первых пятилеток были умножены во много раз. В 1980 г. — последнем году десятой пятилетки — СССР произвел 1295 млрд. квт·ч электро-

⁶ Там же, т. 41, с. 121.

энергии, что более чем в 26 раз превысило уровень 1940 г., добыл 603 млн. т нефти и 716,4 млн. т угля (соответственно в 19 и 4,3 раза больше, чем в последнем довоенном году), многократно возросла выплавка стали и чугуна. Неизмеримо повысились благосостояние советского народа, его культурный уровень. Грандиозные перспективы намечены в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», одобренных XXVI съездом КПСС.

С чувством законной гордости говоря об успехах в мирном экономическом строительстве, мы не хотим закрывать глаза на то, что уже сегодня могли бы, вероятно, иметь все, что планируем к 1990 г. Если бы не четыре года войны! Если бы не напряженнейший восстановительный период, потребовавший огромных материальных, людских и финансовых ресурсов на ликвидацию ее последствий! И в этом — тоже урок войны. Ведь не только Советский Союз, все человечество далеко ушло бы вперед в решении своих глобальных проблем, если бы не трагическая невосполнимость потерь — результат безрассудной и преступной политики империалистических держав накануне войны.

Победа над фашизмом потрясла основы капитализма, революционизировала народные массы, создала благоприятную обстановку для радикальных социально-экономических преобразований в ряде стран. Она оказала глубокое влияние на дальнейший ход истории, стала вехой в жизни многих народов и государств. Вместе с тем коммунисты никогда не считали мировые войны фактором, определяющим общественное развитие, не связывали с ними перспективу движения человечества к социализму. За несколько лет до начала второй мировой войны VII конгресс Коминтерна категорически отверг клеветнические утверждения, «будто коммунисты желают войны, ожидая, что она принесет революцию»⁷. Напротив, борьба коммунистических партий за конечные цели рабочего движения всегда связана с борьбой против империалистических войн. «Мы защищаем мир не потому, что мы принадлежим к числу мягкотелых толстовцев,— говорил на

⁷ Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. М., 1935, с. 33.

конгрессе Пальмиро Тольятти, — но потому, что мы стремимся обеспечить условия победы революции»⁸.

Мир и социализм неразделимы — таков актуальный военно-политический урок минувшей войны, имеющий большое значение для правильного понимания всей современной исторической эпохи. Тот, кто прошел войну, знает, что для советских людей означает мир и какая цена за него заплачена. Никто не может упрекнуть нас в трусости. Мужеством защитников Советской Родины в годы войны восхищалась вся планета. И сегодня мы никого не боимся. СССР хочет мира, мирного сотрудничества с другими странами не потому, что не уверен в своих силах, а прежде всего для того, чтобы обеспечить советскому народу, народам братских социалистических государств внешние условия для выполнения созидательных планов, построения нового общества. Именно потому борьба за ослабление угрозы войны, обуздание гонки вооружений, за мир во всем мире была и остается, как заявил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, «стержневым направлением внешнеполитической деятельности партии и государства»⁹. В то же время коммунисты поддерживали и всегда будут поддерживать справедливые войны: войны в защиту социалистических завоеваний, национально-освободительные движения, восстания народов против империалистического гнета.

Важный урок второй мировой войны состоит в том, что Вооруженные Силы Советского Союза еще раз подтвердили свою освободительную миссию, закономерно вытекающую из интернациональной природы нашего государства, его идеологии и политики. Стране Советов чужды экспансионистские устремления: у нас нет ни классов, ни социальных слоев, ни профессиональных групп, которые были бы заинтересованы в войне или ее подготовке, рассчитывали бы на этом поживиться. СССР не стремится ни к чужим источникам сырья, ни к расширению собственных границ, ни к политическому господству в мире, ни к изменению с помощью оружия существующего в других государствах строя. Советская Армия

⁸ Эрколи. О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны: Доклад и заключительное слово. М., 1935, с. 53.

⁹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1981, т. 8, с. 661.

никогда не использовалась для выполнения захватнических целей. Мы обнажали свое оружие — и это хорошо знают даже наши недоброжелатели — только против тех, кто покушался на советскую землю, хотел надеть на советский народ и другие борющиеся за свободу и новый общественный строй народы цепи капиталистического рабства.

В борьбе против фашизма СССР опирался как на свою военную и экономическую мощь, так и на широкую солидарность прогрессивных сил мира, прежде всего международного коммунистического и рабочего движения. Действия коммунистов сыграли выдающуюся роль в мобилизации широких масс трудящихся на поддержку советского народа.

И все же предотвратить вторую мировую войну, к сожалению, не удалось. Одной из причин этого было отсутствие системы коллективной безопасности на европейской земле, которой так настойчиво добивалось Советское правительство.

Теперь положение во многом иное. В активную борьбу против военной угрозы наряду с социалистическим сотрудничеством, коммунистическими и рабочими партиями включаются все новые слои мировой общественности, представляющие разнообразные социальные и политические течения: социал-демократы, профсоюзы, пацифистские организации, религиозные круги. Могучей силой, выступающей за мир, стали освободившиеся страны.

Но и в нынешних условиях проблема единства антивоенных сил, осознания ими того, что «вопрос о войне, как незадолго до ее начала говорил Г. Димитров, является не вопросом национального характера», что это «международный вопрос и здесь необходимы международные действия», не снята с повестки дня. Суровый урок войны состоит в том, что необходимы создание единой системы коллективной безопасности в Европе, а также в других регионах, организация коллективного отпора действиям агрессоров со стороны всех миролюбивых государств.

«Мир можно сохранить и упрочить,— провозгласил Всемирный парламент народов за мир, состоявшийся в 1980 году в Софии.— Но ни одна страна и ни один народ, никакая партия и организация не в состоянии добиться этого в одиночку. Только наша общая борьба может сорвать преступный заговор против дела мира. Иного пути нет!»

Лишь широкий всемирный фронт способен добиться радикального и необратимого перелома в международном развитии, не допустить развязывания новой войны, обеспечить надежную международную безопасность.

Четыре десятилетия отделяют нас от начала Великой Отечественной войны. За это время в жизнь вступили новые поколения. Получили по заслугам главари фашистского рейха, виновные в величайшей мировой трагедии, жертвами которой стало более 50 млн. человек. Международный военный трибунал в Нюрнберге покончил с безнаказанностью агрессоров, признав «развязывание агрессивной войны... тягчайшим международным преступлением».

Однако реакционные круги империализма, в свое время породившие фашизм, и сегодня выступают как главная агрессивная сила, источник военной опасности. Их явно не устраивают итоги второй мировой войны. Отпадение от капиталистического лагеря ряда стран и образование мировой социалистической системы, освобождение от колониального ига многих народов, укрепление международного престижа Советского Союза — все это обусловило усиление антисоветских тенденций в политике империализма. Хорошо известны массивованные атаки агрессивных сил ведущих капиталистических государств на нашу страну в первые послевоенные годы. Измышлениями о «советской угрозе» оправдывают они свою подготовку к новой войне и теперь.

Особенно большую угрозу миру представляет развязанная этими кругами гонка вооружений. Ежегодные военные расходы США достигли сотен миллиардов долларов. Значительная часть этих средств идет на ускоренное развитие новых видов стратегического ядерного оружия. Ведутся работы по развертыванию мобильных межконтинентальных ракет МХ, баллистических ракет подводного базирования «Трайидент-2», созданию нового стратегического бомбардировщика и т. п. Их разработка сопровождается выдвиганием военных доктрин (вроде директивы № 59 об «ограниченной» ядерной войне), чреватых самыми тяжелыми последствиями для человечества. Соединенные Штаты навязали НАТО решение о развертывании в Западной Европе качественно новых систем ракетно-ядерного оружия, заявляют о намерении разместить здесь нейтронное оружие.

Конечно, между Германией 30-х годов и крупнейшей империалистической державой современности существует значительная разница: в традициях политической жизни, организации и функционировании государственных механизмов, системе союзов и т. д. Вместе с тем нельзя не видеть, что многие из приемов воздействия властей США на общественное мнение, идеологического обоснования своей политики вообще и действий на международной арене, в частности, словно позаимствованы из арсенала гитлеровской пропаганды. Подобно фашизму, пугавшему мир «агрессивностью» большевизма, готовившему и развязавшему войну под антикоминтерновским флагом, империалистические идеологи кричат сегодня о необходимости защиты «свободного мира от коммунистической опасности». Вслед за фашистскими геополитиками, которые оправдывали экспансию Германии на Восток потребностью «жизненного пространства», правящие круги Соединенных Штатов оправдывают свои интервенционистские действия в районе Персидского залива и Ближнего Востока и в Индийском океане необходимостью гарантировать себе «выживание». Они провозгласили сферой своих «жизненных интересов» целые субконтиненты, на которых, не считаясь с волей народов, размещают войска и создают базы.

Обвиняя Советский Союз в «экспорте революции», в поощрении так называемого международного терроризма, как в Вашингтоне оскорбительно называют процесс национального освобождения, империализм США возвел в ранг государственной политики экспорт контрреволюции. Об этом свидетельствуют его участие в необъявленной войне против Демократической Республики Афганистан, военная помощь антинародной хунте Сальвадора, террористическим группировкам УНИТА в Анголе. США демонстрируют полное пренебрежение к общепринятым правилам и нормам международных отношений. В одностороннем порядке они прерывают или откладывают на неопределенное время переговоры по многим актуальным вопросам, ведут подкоп под уже существующие договоренности и соглашения. Приписывая Советскому Союзу стремление к военному превосходству, Пентагон на деле готовится создать перевес по всем категориям стратегических и обычных вооружений. А разве не о забвении уроков истории свидетельствуют разрабатываемые импе-

риалистическими державами планы содействия росту военной мощи тех, кто, открыто заявляет о своей неприимой ненависти к СССР.

Современная обстановка тревожна. И все же во многом она радикально отличается от той, какой была 40 лет назад. Ныне в международных отношениях действует ряд факторов, которые затрудняют, причем в сильной степени, империализму развязывание новой мировой войны. Прежде всего это коренное изменение в соотношении классовых, социальных сил на международной арене, усиление тенденций развития в пользу социализма. Резко изменился также баланс военных сил социализма и империализма. США не только лишились монополии на ядерное оружие, но и утратили привилегию чувствовать себя в безопасности за широкой гладью Атлантического и Тихого океанов, ибо отдают себе отчет в высокой степени эффективности средств обороны, которыми располагают Советский Союз, все социалистическое содружество. И в количественном и в качественном отношении оружие массового уничтожения ныне находится на таком уровне, когда война как средство достижения политической цели стала невозможной. Рассчитывать на победу в ядерной войне — безумие. Это понимают все реально мыслящие политики.

Однако, хотя фатальной неизбежности ядерной войны нет, нельзя считать, что ее возникновение исключено. Вот почему понятны огромное внимание, горячая заинтересованность, с которыми отнеслись к новым внешнеполитическим инициативам, выдвинутым XXVI съездом КПСС, народы всего мира. Люди доброй воли на земле еще раз смогли убедиться в том, что принципы миролюбивой внешней политики, разработанные основателем Советского государства В. И. Лениным, последовательно, творчески осуществляются и в современных условиях, когда проблема предотвращения войны стала центральной для человечества.

Великая Отечественная война многому научила народы. Вместе с тем существует постоянная необходимость и впредь обращаться к ее опыту. В условиях, когда агрессивные силы империализма обостряют международную обстановку, создают очаги войны, им следовало бы учесть, что история не прощает тем, кто покушается на ее правду и пренебрегает ее уроками. Пусть они помнят и о том,

что сегодня на пути охотников в третий раз пойти по дороге мировой войны стоит надежная преграда — объединенная политическая, экономическая и военная мощь государств социалистического содружества, международный рабочий класс и его политический авангард — коммунистические и рабочие партии, национально-освободительное движение. Их волю к миру не могут игнорировать никакие новоявленные претенденты на мировое господство.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Н. Федосеев. Предисловие	3
---------------------------------------	---

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е. М. Жуков. Происхождение второй мировой войны	9
С. З. Случ. О преемственности экспансионистских концепций германского империализма (веймарский период)	31
Г. С. Филатов. Роль итальянского фашизма в развязывании второй мировой войны	49
Фан Суан Нам (Социалистическая Республика Вьетнам). Причины возникновения второй мировой войны в оценке вьетнамских коммунистов	59
Р. М. Илюхина. Крах Лиги наций	69
М. Сэлмон. (США). Соединенные Штаты Америки и причины второй мировой войны	85

БОРЬБА СССР И ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

С. Л. Тихвинский. Борьба СССР за мир накануне второй мировой войны	96
В. Я. Сиполс. Историческое значение борьбы СССР за коллективную безопасность накануне второй мировой войны	115
А. И. Бабин. Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по укреплению Вооруженных Сил СССР в предвоенный период	125
О. Грёлер (ГДР). Немецкое антифашистское движение Сопротивления накануне второй мировой войны	138
Е. Ю. Богуш. Коммунистические партии в авангарде борьбы за предотвращение второй мировой войны	146
П. П. Севостьянов. Внешнеполитическая борьба СССР против фашистской угрозы: сентябрь 1939 — июнь 1941 г.	152

ПОЛИТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

П. А. Жилин. Роль германского фашизма в подготовке и развязывании второй мировой войны	164
В. Пеша (Чехословацкая Советская Социалистическая Республика). Мюнхенское соглашение и его роль в развязывании второй мировой войны	180
В. Л. Мальков. Проблема коллективной безопасности и дипломатия западных держав (по материалам архивов США)	191
Л. В. Поздеева. Предвоенный политический кризис в Европе и позиция США	206
О. А. Ржешевский. Московские переговоры 1939 г. (ретроспективная оценка и новые документы)	220
А. Годо (Венгерская Народная Республика). Внешняя политика хортистской Венгрии накануне второй мировой войны	241
Б. Рамельсон (Великобритания). Британский империализм и возникновение второй мировой войны	251
С. Г. Десятков. О взаимосвязи политики и стратегии британского империализма в 1931—1936 гг.	259

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

С. А. Тюшкевич. Борьба против фашизма и милитаризма — битва за социальный прогресс	269
Нгуен Кхань Тоан (Социалистическая Республика Вьетнам). Актуальные уроки истории	285
Р. Дзипанов, Э. Козловский (Польская Народная Республика). Исторический опыт вооруженной борьбы польского народа против фашистской агрессии	292
А. П. Маресьев. История служит настоящему и будущему	300

ОТ РЕДАКЦИИ

Материалы сборника подготовили к печати сотрудники сектора проблем военной истории Института всеобщей истории АН СССР доктор исторических наук **Л. В. Поздеева**, кандидаты исторических наук **Р. М. Илюхина** (составитель), **А. П. Жилин**, **Н. С. Лебедева**, **Ю. В. Кудрина**, **Е. Н. Кульков**, **М. М. Наринский**. Научно-вспомогательную работу провели **Н. И. Горлова**, **Т. А. Лапшенина**, **Р. В. Козлова**, **А. С. Немчина**.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Утверждено к печати
Отделением истории
Института всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор А. С. Орлов
Редактор издательства О. Б. Константинова
Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Л. В. Каскова
Корректор Г. Г. Петропавловская

ИБ № 25003

Сдано в набор 14.05.82
Подписано к печати 1.09.82
Т-15959. Формат 84×106^{1/2}/₃₂
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 16,8
Уч.-изд. л. 17,9. Тираж 10 000 экз. Тип. зак. 1739
Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В издательстве

«Наука»

вышли из печати:

**ИСТОРИЯ АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ**

(1945—1976 ГГ.)

23,4 л. 2 р. 50 к.

Коллективная монография впервые в советской историографии рассматривает в совокупности историю антивоенных движений в Европе после второй мировой войны. Авторы исследуют становление и деятельность антивоенных движений и организаций в Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Швеции, Финляндии, Дании, Греции, Австрии, странах Бенилюкса, анализируют социальные силы этих движений, показывают формы и методы их деятельности.

Колмыков Н. П.

ДИКТАТУРА Ж. ВАРГАСА

И БРАЗИЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС

1930—1945 ГГ.

13 л. 1 р. 80 к.

Попытки перестроить социально-политическую жизнь страны на принципах корпоративизма, создание трудового законодательства, введение системы социального страхования, синдикализация и другие действия бразильского правительства в 1930—1945 гг. исследованы с привлечением обширного круга разнообразных источников. Большое место в монографии уделено вопросам, связанным с положением рабочего класса Бразилии и его борьбой за свои жизненные интересы.

Луцков Н. Д.
ОККУПАЦИЯ ГАИТИ
СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ
(1915—1934 ГГ.)

10,2 л. 1 р.

В конце июля 1915 г. морская пехота США высадилась в Гаити. Вскоре эта небольшая республика в Вест-Индии, первой в Латинской Америке завоевавшая независимость, была оккупирована американскими войсками и в последующие два десятилетия фактически являлась колонией США. О том, как все это происходило, рассказывается в предлагаемой вниманию читателей книге. Наряду с исследованием политики США в Гаити в период оккупации важное место в ней занимает освещение освободительной борьбы гаитянского народа.

Машезерская Л. Я.
ЗАБАСТОВКИ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДОГОВОРЫ
В США

17,6 л. 1 р. 90 к.

В работе исследуются актуальные проблемы современного забастовочного движения в США, связанные с коллективно-договорными отношениями в условиях государственно-монополистического капитализма. Большое внимание уделяется новым аспектам в развитии профсоюзов и забастовочной борьбы, новым контингентам трудящихся, включающимся в эту борьбу. Особый раздел посвящен критике буржуазно-реформистских и левацких концепций забастовочного движения.

В издательстве
«Наука»

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Варес П. А.

РИМ И ВАШИНГТОН

(История неравного партнерства)

18 л. 3 р. 30 к.

В работе исследуются главные направления итало-американских отношений, их связь с участием Италии в НАТО и ЕЭС, с международными событиями в разных регионах мира. Основное внимание уделено анализу этих отношений в 60—70-х годах. Автор показывает механизм воздействия различных внешних «групп давления», которые являются скрытыми источниками политического, экономического и военного давления США на Италию.

Гоффе Н. В.

**ИТАЛИЯ: ПРОБЛЕМА ЮГА И РЕГИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА**

9 л. 1 р. 50 к.

Автор рассматривает историю возникновения «южного вопроса». Особое внимание уделено изменениям в развитии Юга Италии в послевоенный период. Показаны основные этапы, направления и инструменты государственной региональной политики, причины ее низкой эффективности. В одной из глав автор останавливается на социально-психологических причинах, тормозящих развитие южноитальянского региона.

Наринский М. М.

БОРЬБА КЛАССОВ И ПАРТИЙ ВО ФРАНЦИИ

1944—1958 ГГ.

20 л. 2 р. 30 к.

Референдумы и парламентские выборы, массовые выступления трудящихся и социальные реформы, острые политические схватки и колониальные войны — таков круг событий и явлений, исследуемых автором. В монографии раскрывается их суть, анализируются сложные процессы развития социальной и партийно-политической структуры французского общества, изменения соотношения классовых сил и эволюция политических настроений в стране, выявляются причины падения Четвертой республики и ее место в формировании системы государственно-монополистического капитализма.

Орлова М. Е.

РАБОЧИЙ КЛАСС ВЕЛИКОБРИТАНИИ

И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА

ИРЛАНДСКОГО НАРОДА

13 л. 1 р. 90 к.

В монографии исследуется история взаимодействия рабочего движения Великобритании и национально-освободительного движения в Ирландии с середины XIX в. и до начала 80-х годов XX в. Показано отношение классовых организаций британского рабочего класса — Конгресса тред-юнионов и лейбористской партии к освободительной борьбе ирландского народа, освещается позиция британских коммунистов по ирландскому вопросу.

1р. 30к.